

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Без права
НА ОТКАЗ

ОЛЬГА БОРИСКОВА ТАТЬЯНА МИНАЕВА

**Ольга Борискова
Татьяна Минаева
Без права на отказ**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65540452

SelfPub; 2021

Аннотация

Олег Коршунов молод, красив и влиятелен. Переходя тренироваться к нему в группу, я знала это. Не знала я, что он циничный самовлюбленный мерзавец, способный вдребезги разбить мою жизнь. Стоило лишь раз возразить ему, и он отчислил меня из группы. Прямо перед стартом сезона! Одно его слово, и мои мечты – пыль. Теперь у меня нет никаких шансов в большом спорте. Или всё же есть? Есть, если я приму совершенно отвратительное, унижительное и непристойное предложение моего тренера. Он уверен, что я соглашусь. Потому что у меня нет права на отказ, ведь спорт – моя жизнь. И моя жизнь напрямую подчинена Олегу Коршунову.

Содержит нецензурную брань.

Ольга Борискова, Татьяна Минаева Без права на отказ

Глава 1

– Селезнёва спала с Коршуновым!

Я подняла взгляд на свою одноклассницу, Алю, сидевшую рядом со мной на скамейке в раздевалке. Выражение её лица буквально кричало о том, что я должна схватиться за голову. Вместо этого я непонимающе качнула головой, не зная, как реагировать на такую «сногшибательную» новость.

– И что? – все же спросила я, потому как, судя по образовавшейся паузе, Алька ждала от меня именно этого вопроса.

Губы её растянулись в ехидной ухмылке, она оставила так и не зашнурованные до конца коньки и наклонилась к моему уху:

– А то, Яночка, что, когда эта дура получила травму, место в постели нашего красавчика тренера оказалось свободно.

– Что, хочешь занять? – не удержалась я от едкого смешка.

– А почему бы и нет? – пожала плечами Алька. – Олег Евгеньевич очень красивый мужчина, – она мечтательно закатила глаза и будто бы ненароком коснулась груди, обтянутой черной спортивной майкой. – К тому же, именно Селезнёва была лидером сборной и его протеже на протяжении послед-

них двух лет. А теперь она вынуждена покинуть спорт, и я не хочу упустить свой шанс стать первым номером, – Аля поднялась на ноги и потянулась. Я оценивающе осмотрела её с головы до ног. Да, пожалуй, у Ермаковой есть все шансы. Миниатюрная зеленоглазая брюнетка, не тощая, как некоторые в группе, включая меня. В фигурном катании каждый грамм тут же сказывается на координации. Хотя вот некоторые, такие, как Алька, не выглядят как ходячий скелет, имея при себе и задницу и грудь, умудряются скручивать тройные прыжки и не полировать лед. Как, например, я.

– Удачи, – я затянула шнурки покрепче, спрятала ботинки под тренировочные черные колготки и тоже поднялась со скамьи. – Я на лед, – сказала Але и вышла из раздевалки.

Я шла по коридору к выходу на каток и думала о словах Ермаковой. Признаться честно, я никогда даже и не думала, почему Селезнёва – безоговорочный лидер. И почему её вторая оценка заметно выше, чем у всех остальных девочек. Тут техникой бери-не бери, а все равно опустят компонентами под «Елену Прекрасную», как Селезнёву окрестили между собой фигуристы. Ну хороша она была, конечно: скольжение, грация, артистичность, все при ней. Эдакая балерина на льду. Голубоглазая блондинка с пухлыми губами и потрясающей пластикой. Она была прекрасна в любой программе. В отличие от меня. Да, я – особый случай. Тяжелый, как говорила мой бывший тренер.

Я дошла до едва залитого льда и остановилась перед бор-

том. Потянулась, нагнулась сначала в одну сторону, потом в другую, сделала пару приседаний, а после закинула ногу на борт и потянулась к носу ботинка. Моя жизнь была подчинена спорту с самого детства. Меня воспитывала бабушка, мама умерла, когда мне было три, а отец... отец свалил ещё до моего рождения. Бабушка была тренером по фигурному катанию в Череповце, и после смерти мамы деваться мне было некуда – я тоже стала заниматься спортом. А в четырнадцать мы с бабушкой отправились на просмотр в Москву в группу Нины Лапышевой, и, о чудо! Я прошла! Мне даже выделили место в спортивном общежитии, так как денег у нас на оплату квартиры не было. Я-то думала, вот! Теперь я стану звездой, но...

Внезапно я почувствовала движение у себя за спиной. Выпрямила корпус и повернулась. Рядом стоял Олег Евгеньевич и очень пристально меня рассматривал. От его взгляда у меня всегда холодок по спине пробегал.

– Добрый день, Яна, – поздоровался он. На его губах проскользнула улыбка. Или мне только показалось? Потому что спустя мгновение его лицо приобрело все то же непроницаемое выражение.

– Добрый день, – пролепетала я, судорожно сглотнув. Господи, и всё же, какой он красивый! Высокий, темноволосый. А этот его взгляд синих-синих глаз... Девчонки за глаза называют его «Снежный король». Сколько его видела, он всегда выглядел с иголочки. Олег Коршунов... Олимпийский

чемпион две тысячи десятого года в одиночном катании. Самый знаменитый спортсмен России, человек, имеющий такое влияние, что ни одному тренеру не снилось. Я перешла в его группу сразу по окончании прошлого сезона, и вот уже два месяца тренируюсь в его спортивном центре.

Почему я перешла от своего тренера? Потому что Олег Коршунов делает чемпионов, а я хочу стать чемпионкой. Такие уж мы спортсмены – сволочи. А если проще – люди, ставящие свой успех гораздо выше человеческих отношений. Мне восемнадцать, Олимпиада уже через два года, и я сделаю все возможное и невозможное, чтобы стать лидером сборной. Потому что на это положена вся моя жизнь.

– Давай на лед, – Коршунов, как всегда, был немногословен.

И я даже спрашивать не стала, зачем, когда до начала тренировки еще двадцать минут. На лёд, так на лед. Я убрала ногу с борта и поправила задравшуюся майку. Заметила, как глаза тренера вспыхнули, но огонёк потух тут же, и я решила, что мне снова показалось. Я ту же затянула на волосах резинку. Мои рыжие длинные волосы всегда меня жутко бесили, впрочем, как раздражала себя и вся я сама. В моей внешности мне не нравилось ровным счетом ни-че-го. Рыжая-бесстыжая, как меня в школе дразнили. Да, и какая разница, что бабушка всегда меня в закрытые платья одевала и косички плела? Бледная кожа, покрытая веснушками, бледно-голубые глаза и рыжие брови. Страхолюдина, честно! Еще и ко-

сти во все стороны торчат. Я мотнула головой, хвост колыхнулся в такт. Открыла борт, стянула чехлы и передала Олегу Евгеньевичу. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и я тут же одёрнула руку. Не люблю прикосновения. Даже таких красавчиков, как мой тренер.

Я выехала на лед и обернулась. Олег стоял, облокотившись о борт, и внимательно, чуть прищурив глаза, наблюдал за мной. Это было странно, еще никогда я не была на льду одна. С ним.

– Разминка пять минут и далее отрабатываем каскад лутц-ритбергер, – донеслось до меня.

Я едва не застонала, этот каскад мне не давался от слова совсем. Совсем. Никогда. Я говорила про свою атрофированную ягодицу, которая не чувствует ударов? Нет? Вот именно на этом каскаде я и добила свои бедные нервные окончания. Я понимала, что этот каскад я обязана прыгнуть, но, я – тяжелый случай. Если у меня что-то не получается с первого раза, мне очень тяжело это выучить.

Но я покорно кивнула и начала раскатку. По прошествии отведенных на разминку минут, я начала прыгать. Прыжок – недокрут – падение. Прыжок — недокрут – падение. И так каждый раз. На втором ритбергере я всегда падала. А Коршунов только молча хмурился. После очередного падения я осталась сидеть на льду.

– Абрамова, вставай! – мне кажется, он злился.

Не поднимая головы, я цеплялась взглядом за трещинку

во льду, оставленную зубцом лезвия, и упрямо не двигалась с места. Это тоже моя отвратительная черта. Я упрямая. Порой излишне.

– Если я сказал подниматься, значит, ты поднимаешься и продолжаешь, – меня вдруг потрянуло, и я против воли оказалась на ногах. Вскинула голову и наткнулась на презрительный взгляд Коршунова. – И продолжаешь до тех пор, пока я не скажу «стоп».

– А «стоп» Вы скажете? – блин, надо бы прикусить язык. Я поморщилась. Да, и вот еще одна отрицательная черта – язык. Язык мой – враг мой... Но у меня болело плечо, которым я приложилась в свое последнее падение, и мне было плевать, что он мне скажет. – Вы не видите, что я не могу прыгнуть?! – воскликнула я.

– Заткни своё «не могу» себе в зад, – прошипел он, приблизив свое лицо к моему практически вплотную. – По крайней мере, пока тренируешься в моей группе, – я не слышала, что он мне сказал. Клянусь. Я даже не дышала, как тупица смотрела в его глаза и чувствовала себя слабоумной, не способной и рта раскрыть. Да, с таким человеком как Коршунов лучше почаще молчать. Душу вытрясет, выбросит меня из группы и пойдет в согретую Алькой постельку...

Я опустила глаза с его лица чуть ниже. На Коршунове был светло-серый свитер, на вид очень мягкий, и мне неожиданно сильно захотелось провести по нему рукой, но я сдержалась. Снова посмотрела на него. Он сжимал моё плечо, то

самое, что так сильно ныло. Это отрезвляло.

– Простите, – пискнула я. – Вы правы, – вот так, Яна, вдох, выдох, ты не умерла от того, что свое «я» зачихнула именно туда, куда он просил зачихнуть «не могу». Неумение признавать собственную неправоту – вот еще один мой минус. Знаете, есть в фигурном катании такое определение «плюс старт». Это когда фигуристы могут собраться в самый нужный момент и выдать впечатляющий прокат именно на тех соревнованиях, на которых это важнее всего. Вот у меня минус. Во всем. Я такой ходячий сплошной минус. Но я на правильном пути, раз понимаю это. Я усмехнулась своим мыслям, и это было моей ошибкой. Потому что Коршунов, кажется, воспринял этот смешок за издёвку и принял на свой счет. Лицо его напряглось, потемнело, скулы заострились, ровная линия рта искривилась, а пальцы сжались на моём плече еще крепче. Я поморщилась и зашипела.

– Ты бездарная малолетняя хамка, – пальцы его наконец отцепились, и он грубо оттолкнул меня от себя. – Чтобы больше я тебя не видел в своем центре.

Он окинул меня презрительным взглядом, даром, что не сплюнул. Затем развернулся и поехал к бортику. А я стояла и смотрела за тем, как только что моя надежда на олимпийское золото в светло-сером супер мягком свитере укатывает со льда.

Глава 2

Осознание того, что Коршунов выгнал меня из своей группы, приходило ко мне медленно и мучительно. Нет, я, конечно, сразу поняла, что ничего хорошего мне не светит, когда он ушел с тренировки и после его заменял наш второй тренер. Думала, что схожу к нему в тренерскую и попрошу прощения, потому что в реальность того, что произошло, я не верила. Ну правда, уже середина августа, старт сезона в сентябре, а меня исключают из группы? Ха! Но после тренировки в тренерской Олега Евгеньевича не оказалось. А потом в раздевалке ко мне подошла наша хореограф и попросила забрать документы, так как Олег Евгеньевич уже объявил всему тренерскому составу, что Яна Абрамова в центре имени Коршунова больше не тренируется.

И вот тогда у меня затряслись поджилки. И слезы появились, и сопли я на кулак наматывала, и истерично смеялась. Я испугалась. Так, что поняла – если не исправлю ситуацию и не поговорю с Коршуновым, вся моя карьера полетит к чертям. Потому что ни один нормальный тренер, после того, как я не очень красиво ушла от Лапышевой... Ну то есть совсем некрасиво, – написала смс, что больше у неё не тренируюсь, – ни один тренер меня не возьмет, и можно будет смело паковать чемодан и отчаливать в Череповец к бабушке! Ну уж нет! Она столько сил в меня вложила, что я не имею права не оправдать её ожидания. А ждет она от меня ни много ни мало – медалей чемпионата мира и Олимпиады. Именно поэтому сейчас я стою перед дверью квартиры

Коршунова и давлю на звонок. Мне удалось проскользнуть в подъезд за каким-то мальчишкой, иначе стояла бы я и скреблась в домофон до ночи. Олег Евгеньевич и не подумал бы меня впустить, зуб даю! А тут... если понадобится, я ночевать перед его дверью буду, но добьюсь того, чтобы он меня выслушал.

С минуту я жала на звонок, потом приложила ухо к двери и прислушалась. То ли звукоизоляция в квартире хорошая, то ли его просто дома нет. Вот засада! Я чуть в голос не застонала, когда и повторный звонок был поглощен тишиной. Опустилась по стене на корточки, положила сумку на колени и, тяжело выдохнув, принялась ждать. Ведь если его нет дома, логично, что он обязательно придет? И я очень надеялась, что не ночью.

Я, наверное, уснула, потому что почувствовала, как меня грубо тормозат за... да, за то самое больное плечо, чтоб его! Вздрогнула и, встрепенувшись, поднялась на ноги. Передо мной стоял Коршунов и сверлил недовольным взглядом.

– Что ты тут забыла, Абрамова?

– Поговорить с Вами хочу, – уверенно выговорила я. На нем была черная кожаная куртка, из-под которой выглядывала белая футболка. Черные джинсы облепляли его стройные ноги. Взгляд мой скользнул чуть ниже его живота, и я вспыхнула. Черт! Что-то было не так. Я снова посмотрела ему в глаза и заметила, что взгляд его упирается мне в... Черт-черт! Глянула на грудь и в ужасе прижала к ней ладо-

ни. Видимо, я замерзла, потому что мои соски заметно топорщились, и ткань легкого зеленого платья с коротким рукавом не спасала меня от позора.

– Ну проходи, – Олег отпер дверь и кивнул в темный коридор квартиры. – Поговорим.

Я помедлила. Было страшно. Словно он загонял меня в клетку.

– Или тут будем разговаривать? – ехидно усмехнулся тренер и буквально втолкнул меня внутрь, а после захлопнул дверь. И прежде, чем загорелся свет, я ощутила, как его ладонь скользнула по моей груди и будто бы совершенно случайно дотронулась до соска. Меня бросило в жар. Я судорожно выдохнула, а потом... Потом свет залил прихожую, а я стояла, сжимая изо всех сил свою сумочку.

– Прходи в гостиную, – не глядя на меня и делая вид, будто бы мое присутствие его вообще не интересует, Коршунов бросил связку ключей на тумбочку. Я смотрела на него сквозь зеркало, висящее над ней, и когда на мгновение наши взгляды встретились, снова покрылась краской. Боже, да мои щеки были пунцовыми! Не дожидаясь меня, Олег Евгеньевич, разувшись, скрылся в комнате чуть дальше по коридору. Только тогда я позволила себе немного осмотреться. Судя по всему, в квартире у него было три комнаты и кухня. Довольно просторная квартирка с дизайнерским ремонтом. Не вычурно, но подчеркивающее статус жильца.

– Я долго тебя ждать буду? – раздалось из гостиной, и я

поспешила стащить босоножки и пройти за тренером.

Олег сидел на большом кожаном диване. Куртка его лежала на подлокотнике.

– Олег Евгеньевич, я хотела изви... – было начала я, застыв в дверях. Однако он так резко повернул на меня голову и впился взглядом, что я невольно заткнулась.

Он встал и приблизившись, заговорил:

– Что такое, Яночка? Решила побыть хорошей девочкой? Поняла, что зад горит? – да что ему покоя мой зад-то не дает!

– Олег Евгеньевич, Вы не можете меня выгнать из группы! – выпалила я, сжав кулаки.

На что он... рассмеялся. Холодно и цинично.

– Не могу? – вскинул бровь. – А что я, скажи на милость, сделал несколько часов назад?

– Но это неправильно! – выдохнула я. – Я же ничего такого не сделала, Олег Евгеньевич!

Меня, честно, начинало потряхивать, потому что я смотрела в его глаза и видела там лишь... ничего. Ни капельки участия. Только лед. И тут я попыталась вспомнить, что я о нём знаю. Олимпийский чемпион, влиятельный тренер, кажется, когда-то он был женат. И еще эта Селезнёва. Едва я перешла в центр Коршунова, меня тут же поставили в известность, что Лена – протеже тренера и лучше не вставать у неё на пути. Что я, собственно, и делала эти два месяца. Но потом эта мутная история с её травмой... Никто не видел, как она её получила. Только Коршунов. Они были на...

индивидуальной тренировке. Разрыв связок с каждым мог произойти, и в принципе, такое лечится, но у Лены все было гораздо хуже – порваны «кресты» – крестообразные связки колена. И это паршиво. Очень паршиво. Но и такая травма могла бы быть залечена. Вот только восстанавливаться Лена не стала. Объявила о завершении карьеры и уехала в Америку, где жили её родители.

– То, что я делаю, что говорю и даже что думаю – правильно, Яна, – услышала я. Он что, серьезно?! Ну, судя по выражению его лица, вполне.

– Это еще почему?! – вскинулась я прежде, чем успела понять, что снова что-то пошло не так. Ну что ж я промолчать-то не могу?!

– Потому что, – он наклонился ко мне и заглянул прямо в душу. – Я Олимпийский чемпион, а ты – никто. Пустышка. Думаешь, я взял тебя в группу из-за твоего таланта? – Коршунов снова усмехнулся. Нет, ухмыльнулся. В груди неприятно кольнуло. Губы затряслись. А он продолжил бить по больному: – Да ты самая посредственная фигуристка. И такая же посредственная девчонка. В тебе нет ни капли индивидуальности, таких как ты сотни в России.

– Тогда какого хрена Вы меня в Центр позвали?! – прохрипела я.

Он чуть отстранился и, не переставая улыбаться, ответил:

– Ты красивая.

Я чуть не задохнулась.

– В смысле?! Вы меня только что посредственной назвали!

Я попыталась отойти от Коршунова, но он не дал, притянул ближе к себе, так, что я ощутила. Блин!.. Да у него стоял на меня! Я в ужасе попыталась отпихнуть его, но силы были неравны. В итоге я оказалась прижатой к Олегу еще теснее, так, что моя грудь упиралась в его живот.

– Красивая посредственность.

И тут я почувствовала прикосновение его губ к шее. Против воли втянула в легкие его запах. Запах уверенного в себе мерзавца. Потрясающе красивого сволочного... мерзавца.

– Ай! – вскрикнула я, когда ощутила, как его ладонь, скользнув по бедру выше, задирает подол платья, как его пальцы очерчивают тонкую ткань трусиков. – Прекратите! – прошипела я.

– Уверена? – он оторвался от моей шеи и посмотрел на меня.

И тут я поняла. Поняла, чего он хочет от меня. Того же, что и от Селезнёвой. Да, Абрамова, вот ты влипла! Я сглотнула и попыталась убрать его руку со своей ягодицы, однако это у меня не получилось.

– Отпустите.

– Нет, – все та же нахальная усмешка. – Хочешь вернуться в группу? – ну да, я ждала, когда же он приступит к условиям.

– Хочу.

– Тогда ты знаешь, что должна делать, – и мы оба понимали, что именно я должна делать.

– Вы всем своим спортсменкам такое предлагаете? – новая попытка выбраться из его хватки обернулась оглушительным провалом. Чем больше я пыталась, тем сильнее Олег прижимал меня к себе, тем выше поднималась его рука. Он погладил мой зад и полез в трусики. Я во все глаза смотрела на него, пытаясь высказать свое возмущение, а он только шире растянул рот в улыбке и продолжил:

– Не всем.

Пальцы его подцепили ткань трусиков, и я ощутила прикосновение к моей плоти. Сдвинула ноги, но это не помогло. Он провел по моей промежности, проник пальцем внутрь, погладил клитор. Из моей груди вырвалось нечто странное, похожее не то на всхлип, не то на истерический смешок. Но больше всего меня напрягла горячая волна удовольствия, неподвластная моему разуму. Боже, меня лапает мой собственный тренер... Ну ладно, бывший тренер. А я стою и... мне нравится!

Видимо, почувствовав то, о чем я только что подумала, он убрал руку и поднес её к своим губам. Втянул мой запах, облизал пальцы и только потом довольно договорил:

– Только красивым, Яна.

Меня охватило два чувства. Отчаяние и стыд. И я готова была разрыдаться перед ним. Господи, ну почему это случилось именно со мной?!

– А если я кому-нибудь расскажу? – в моей ситуации, конечно, глупо угрожать Олегу, но попытаться стоило.

– Например? – он отошел от меня, и я спешно поправила платье. Надо бы бежать, но я стояла, будто истукан, и смотрела своему тренеру в глаза.

– Например, журналистам, – предположила я, сделав вид, будто бы это только что пришло в мою голову. Хотя это итак пришло в мою бедную рыжеволосую голову только сейчас. Опасно, Яна.

– Попробуй.

– Думаете, не смогу? – сипло выговорила я.

Коршунов ничего не ответил. Он вообще отвернулся от меня и подошел к шкафчику. Открыл дверцу и вытащил оттуда бутылку виски и бокал.

– Будешь? – через плечо глянул в мою сторону.

Я помотала головой. Пить мне нельзя определенно. Последний раз, когда мы с Сашкой напились, я... Блин, Сашка! Я достала из сумочки, которую до сих пор сжимала в руке, телефон и посмотрела на время. Мой парень меня убьет, потому что мы договорились сегодня встретиться и сходить в кино... Он даже билеты заранее купил, на сеанс, который закончился час назад. У меня висело два вызова и пять смс. Паршиво. Ладно, потом прочитаю. Сунув телефон обратно, я снова посмотрела на Олега. Он не отрывал от меня взгляда и цедил виски. От этого его взгляда внутри у меня всё сжалось.

– Олег Евгеньевич, – я решила предпринять последнюю попытку уговорить его вернуть меня без последствий. – Пожалуйста, возьмите меня обратно. Не рушьте мою карьеру, и я... я забуду о том, что тут произошло, – щеки мои против воли вспыхнули. Снова. Но я мужественно держала плечи расправленными.

Коршунов продолжал молчать и сверлить меня взглядом. Допив виски, он поставил пустой бокал на журнальный столик и только тогда сказал. Точнее, приказал.

– Подойди.

– Нет.

– Подойди, Яна, – тон его не терпел возражений, и я повиновалась. Сделала один нерешительный шаг, затем второй. Он преодолел оставшееся расстояние между нами сам и, схватив меня за волосы, потянул назад.

– Мне кажется, мы уже обсудили условия твоего возвращения, – прошипел он, склонив ко мне голову так близко, что его шершавая щека прижималась к моей. Мне было больно, я схватилась за его руку, пытаюсь отодрать пальцы от своих волос, но он сжал крепче. И добавил: – Будешь хорошей девочкой, завтра приходи на тренировку, а нет, собирай монатки и вали в свой Ярославль.

– Череповец, – зачем-то поправила его я. Хотя в сущности, какая разница. Ярославль, Новгород, Череповец... В Москве я точно не смогу остаться.

– Выбирай.

Он отпустил меня, и я чуть не упала. Схватилась за спинку дивана и выговорила:

– Зачем Вы так поступаете? – это уже без шуток.

– Ты мне нравишься, – пожал он плечами и улыбнулся.

Хозяин положения, мать его!

Ублюдок! Сама не понимаю, как сдержалась и не высказала это вслух.

– Идите Вы!.. – я окинула его ненавидящим взглядом. – К черту! – подобрала самое цензурное из того, что вертелось на языке, на что в ответ получила лишь леденящую душу улыбку.

Сорвалась с места и выскочила в прихожую. Спешно натянула босоножки и вывалилась на лестничную площадку. Неслась вниз так, будто он сейчас погонится за мной. Козел! Но, само собой, никто и не подумал за мной гнаться. Я вышла на улицу и глубоко вздохнула. Хотелось забыть об этом вечере, об этом предложении и об этом мерзавце. Но что-то подсказывало мне, что это еще не конец.

Глава 3

Ночью я спала беспокойно, то и дело то проваливалась в сон, то выныривала из него. Мне снился Коршунов. Его руки на моих плечах, на талии, на груди. Меня охватывало то необъяснимое возбуждение, то дикий страх, когда я понимала, что всё произошедшее вчера – реальность. И отчисление мое, и его предложение. Моя действительность. Утром же пришло осознание, что я не позволю Коршунову взять

и выкинуть меня просто так! И плевала я на его предложения. Поэтому одевшись и позавтракав, я упрямо поплелась в центр подготовки с твердым намерением попасть на тренировку.

Впрочем, со льда меня никто не гнал. Что было странно. До тех пор, пока я не увидела Коршунова у борта. Он смотрел на меня, и мне казалось, что перед его взглядом я была обнажена, таким пробирающим он был. Ну что, Олег Евгеньевич? Хотите увидеть, кого теряете?! Я, рвано выдохнув, зашла на прыжок и выполнила его чисто. Довольно улыбнувшись, посмотрела на тренера и тут же разочарованно поджала губы. Олег Евгеньевич не увидел мой успех – стоял и разговаривал... с Алькой. Та, оперевшись локтями о борт со стороны льда, весело что-то ему рассказывала, а он, поглаживая её по плечу, улыбался. Тут же в голове всплыли слова Ермаковой о том, что она хочет занять место Селезнёвой. А если Коршунов и ей такое... предложение сделал?! Ну уж нет! Не обращая внимания на второго тренера, непосредственно руководящего тренировкой, я сорвалась с места и поехала к ним.

– Олег Евгеньевич! – громко произнесла я, обращая на себя его внимание. Он как-то очень нехотя оторвал взгляд от вываливающейся из-под облегающей майки груди Альки и соизволил посмотреть на меня. – Я бы хотела с Вами поговорить.

На лице его заиграла едкая усмешка. Он оценивающе

скользнул по мне взглядом, чем вызвал у меня нервный вздох. Краем глаза я увидела, как Ермакова смерила меня презрительным взглядом и молча отъехала от борта.

– Ну пошли, поговорим, – Олег открыл мне дверцу борта и протянул чехлы для лезвий.

Я посмотрела на протянутую мне руку, потом на его лицо, потом снова на чехлы и быстро выхватила их, чтобы не дать ему возможности коснуться меня.

– Ты обдумала мое предложение? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Какое предложение? – ну почему бы не притвориться тупицей? Я выпрямилась и, широко улыбнувшись тренеру, пошла вперед.

Олег нагнал меня в коридоре и, ухватив за плечо, поволок в тренерскую.

И только когда он завел меня в кабинет и запер дверь на ключ, а ключ положил в карман куртки, я поняла, что оказалась в ловушке. Снова. По собственной глупости.

– Ты приняла решение? – спросил Олег и тут же добавил, не дав мне и рта раскрыть: – Ну, судя по тому, что ты сегодня пришла на каток, я полагаю, да.

Он сделал резкий выпад и поймал меня за руку прежде, чем я успела сообразить, что происходит. Подтянул меня к себе и погладил по голому плечу. Я судорожно сглотнула. Меж тем Олег, чуть сдвинув лямку моей спортивной майки, коснулся большим пальцем моей кожи.

– Мне нравятся твои веснушки, – к большому пальцу добавились остальные.

Мне казалось, что его рука – это лава, которая опалает мою кожу. Я никогда такого не ощущала. С Сашкой... с моим парнем были мокрые поцелуи, вызывающие у меня лишь сухой практический интерес. А его прикосновения были ничто по сравнению с этими горячими ладонями.

– И кожа, такая нежная, бархатистая.

Нет, Олег Евгеньевич, это Ваш голос сейчас казался мне бархатом! Дорогим бархатом, скользящим по моему разуму и отключающим все мысли нахрен!

Он потянул майку за бретельку ниже, ниже, и через мгновение я ощутила легкое дуновение. Смотрела за тем, как он проводит ладонью по груди, намеренно задевая тут же затвердевший сосок, и где-то там, в отдаленном участке сохранившегося сознания думала о том, что надо надевать лифчик на тренировку. И плевать, что мои пупырышки первого размера в этом не нуждаются.

– И вся ты такая сладкая... – его губы коснулись темной горошинки соска, я распахнула глаза, буквально захлебнувшись от доселе неизведанных, переполнявших всю меня чувств и острых ощущений.

Вторая бретелька последовала за первой, и теперь майка черной тряпкой болталась у меня на талии.

– Олег Евгеньевич, я... – во рту пересохло, и я, вскрикнув, схватилась за его плечи, когда он накрыл ладонью мою

вторую грудь. – Не надо!

– Уверена?

Язык его касался моего соска, вторую грудь ковшом накрывала широкая ладонь.

У меня вырвался стон, и я откинула голову назад, бросаюсь в омут наслаждения. Чёрт возьми, если так хорошо, может быть, не стоит быть такой упрямой, Яна?

Олег прижал меня к своему паху. Сильно, так, что я чувствовала его возбуждение. Как и вчера, он хотел меня. Отведя руку от моей груди, он схватил меня за кисть и прижал её к своей ширинке.

– Я хочу тебя, Яна. Хочу, прямо здесь и сейчас. Чтобы ты извивалась подо мной, стонала и просила еще и еще.

Я смотрела ему в глаза. В его синие-синие, полыхающие огнем страсти глаза, и только быстро дышала, не в силах даже покачать головой. Этот взгляд, этот дьявольский взгляд лишал меня воли. Чертов Коршунов!

Видимо, он что-то увидел в моих глазах и, довольно ухмыльнувшись, подтолкнул меня к столу. Усадил на него. А затем его губы накрыли мои. От неожиданности я вздрогнула и приоткрыла их. Его язык, тут же воспользовавшись моментом, проник в мой рот. Пальцы Олега запутались в моих волосах, и он прижал мою голову к себе. Будто обезумевший, он терзал мой рот, касался языка, неба, покусывал зубами мои губы. Я продолжала сжимать его плечи и отвечала. Несмело, робко, но мне кажется, это сводило его с ума еще

сильнее. Я терялась под его напором, но не могла остановить это безумие, да и... не хотела. Внизу живота всё пульсировало, скручивалось, стягивалось в тугий узел и требовало разрядки. Когда мои руки забрались под его куртку и коснулись пуговиц на рубашке, он зарычал, оторвался от меня и без слов начал стаскивать с меня легинсы вместе с трусиками. А я просто сидела и не сводила с него взгляда. В коньках, со спущенными до колен штанами, в болтающейся на талии и совершенно не прикрывающей меня тренировочной майке.

– Какая же ты...

Коршунов осмотрел меня таким взглядом, будто бы я была его золотой олимпийской медалью, не меньше. По крайней мере, на своё золото я бы смотрела точно так же.

Он снова приблизился, положил меня спиной на стол и завел мои руки наверх, удерживая их. Снова припал к моей груди, на этот раз вовсе не нежно: целовал, посасывал твердый сосок, затем начал спускаться ниже.

– Не... – я хотела закричать, чтобы он остановился, но вместо этого издала протяжный стон наслаждения, когда Олег коснулся моей плоти губами.

– Нравится, Яночка? – довольно прошептал он, а я только прикрыла глаза и выгнулась ему навстречу.

– Ты такая горячая девочка, – его язык проник в мои складочки, нашел горошинку клитора и начал ласкать.

– О Боже! – вырвалось у меня.

Олег отпустил мои руки и теперь поглаживал плечи,

грудь, живот, ягодицы, бедра, мне казалось – он был везде. Его движения языком ускорились, и я начала извиваться, одновременно желая, чтобы он прекратил эту сладкую пытку и не желая, чтобы она заканчивалась. Запустила пальцы в его чёрные волосы и стиснула, прижимая его голову к своей плоти, желая получить еще большее удовольствие. Он накрыл мои груди своими большими, сильными ладонями и сжал так, что мне стало больно. В этот самый момент по телу моему прокатилась нереальная волна наслаждения, я кончила. Господи, я кончила. Вскрикнув, выгнулась дугой и задрожала. Удовольствие было таким острым, что я даже дышала с трудом.

Вначале всё во мне напряглось – каждая мышца, каждый нерв, а после внутри разлилась сладкая, приносящая расслабление нега.

– Вот так, девочка моя, вот так.

Лицо Олега оказалось перед моим, губы накрыли мой рот. Я ощутила собственный вкус, и это отрезвило меня. Боже, что я делаю? Лежу со спущенными штанами на столе в тренерской, как самая последняя шлюха и... получаю от этого бескрайнее удовольствие! Судорожно всхлипнув, я попыталась оттолкнуть продолжавшего поглаживать меня по бедрам Олега. Он всё ещё целовал меня, покусывал губы.

– Отпустите меня, – просипела я, и не в силах сдержать слезы, попробовала сесть.

Олег покорно отстранился и встал рядом со столом. При-

крыв рот ладошкой, я, трясаясь то ли от страха, то ли от не до конца отпустившего меня возбуждения, снова всхлипнула и принялась натягивать лямки майки. А после, спрыгнув со стола, вернула на место трусики с легинсами. Всё это время Олег Евгеньевич молча наблюдал за мной. А когда я, не глядя на него, полетела к двери и дернула за ручку, сказал:

– Ключ у меня.

– Откройте! – воскликнула я, размазывая слезы по щекам.

– Тебе же понравилось, – он спокойно смотрел, а меня затрясло с новой силой:

– Не понравилось! – заорала я иступленно. – Вы не имеете права так себя вести со мной! Я не вещь! Мною нельзя пользоваться!

– Это значит, нет?

– Это значит, идите на хер! – завопила я, приходя в себя. Мне было унизительно стыдно, и я поклялась себе, что больше никогда не допущу подобного. – Откройте эту чертову дверь! – я пнула её носком ботинка.

– Если ты сейчас выйдешь за эту дверь, Яна, – он приблизился и вытащил ключ из кармана. Протянул мне. – Назад дороги не будет. Хорошенько подумай.

– Идите к черту! – снова выплонула я, схватила ключ и, дрожащей рукой вставив в замочную скважину, провернула, после чего выбежала вон.

Глава 4

Я, наверное, самоубийца, потому что после всего того, что

произошло в тренерской, все равно поперлась на тренировку. Умылась в туалете, пощипала себя по щекам, обозвала трижды бесхребетной идиоткой и... отправилась на лед. Едва я отошла от истерики, ко мне вернулась былая уверенность в том, что Коршунов так просто от меня не избавится. Ну не с охраной же он будет меня выводить?! Хотя я бы не удивилась... Представив картину, как меня, извивающуюся и упирающуюся что есть силы, выводят под белы ручки из центра два амбала-охранника и бросают мне вдогонку мою сумку с коньками, я улыбнулась. Даже настроение лучше стало. Ну бред же. Особенно учитывая тот факт, что наши дядя Ваня и дядя Толя ну никак не тянут на амбалов. С ними при желании даже я справиться смогу.

Едва я вышла на лёд, ко мне подъехала Алька и, толкнув, яростно зашипела:

– Еще раз увижу, что ты у меня под ногами мешаешься, я тебя в порошок сотру, Абрамова!

– Да нужен мне твой Олег Евгеньевич! – откровенная ложь, Яна. Особенно после того, что случилось и что ты упорно и безрезультатно пытаешься забыть. Но Альке-то этого знать не обязательно. Я задрала подбородок и уверенно заявила: – И у тебя, Ермакова, нет шансов. Мне кажется, ты не в его... – окинула её снисходительным взглядом и усмехнулась, чем вызвала на себя еще больший гнев. Хотя нет. Не гнев – ненависть! Нажила себе врага из-за этого... этого! Вот как его теперь называть!? Насильником? Да не насиловал он

меня, но воли точно лишил. – Ты не в его вкусе, – нахально хмыкнула Альке в лицо и поспешила отъехать на другую половину катка, от греха подальше.

Коршунов появился у борта через десять минут. И опять я его взгляд ощущала задом! Знала, что он следит за мной. И в этот раз я была уверена, что, если прыгну красивый чистый лутц, он увидит. И, может быть, передумает меня выгонять, увидев мой исключительный талант? Я разогналась и зашла на прыжок, не обращая внимания на предупредительный окрик второго тренера. Оторвалась ото льда, скрутила один оборот, второй, третий и... феерично рухнула на лед. Звезда, ничего не скажешь. Олег Евгеньевич, наверное, умирает от смеха.

Но со смеха умирала только Ермакова. Проехала мимо меня в опасной близости прямиком к... Коршунову, который снова делал вид, что меня не существует. Чертова сука! Внутри меня поднималась злость. Он слишком много уделяет ей внимания. Слишком много. Поджав губы, я тяжело поднялась со льда: сначала на четвереньки, а после кое-как и на ноги. Отряхнула колени от снежной стружки и бросила испепеляющий взгляд на мерзавца. Он улыбался! Не мне. Я едва не зарычала в бессильной ярости. Затянула резинку, собирающую мои волосы в хвост так туго, насколько это было возможно, и снова поехала на прыжок.

– Абрамова! – зычный голос второго тренера, который обычно проводил у нас вторую часть тренировки, заставил

меня затормозить. Если Антон Валерьевич повышает голос, значит, мне действительно стоит послушаться его. Я затормозила, сделала оборот вокруг своей оси и снова против воли глянула в сторону борта. Ермакова ушла со льда и что-то говорила Коршунову, а он... Он снова приобнимал её за плечо. Касался её. Я зажмурилась, отгоняя в миг налетевшие воспоминания о его прикосновениях, потому что моя кожа снова начала неистово гореть. Это же ничего не значит. И это вовсе не ревность изгрызает меня, а чувство... нет, осознание того, что Алька долго ломаться не будет и мигом ответит согласием на предложение тренера. А я... я останусь гордой, неприступной и без золотых медалей. Подбородок задрожал, предвещая вот-вот готовые политься слезы. Ну почему я такой минус? Ведь когда-то все так хорошо начиналось...

Едва я перешла к Лапышевой, в тот же сезон меня заявили на юниорские этапы Гран-при, где я с блеском выступила, завоевав два первых места. А после выиграла и финал Гран-при. А вот дальше... Дальше я начала расти. На первенстве России среди юниоров завалила обе программы и оказалась на предпоследнем месте. Юниорский мир я прощелкала. Сидела в комнате, пожирала мороженое прямо из банки, смотрела трансляцию и жалела себя как могла. Я всегда была тощей, но за полгода вымахала на семь сантиметров и из маленькой очаровательной феечки превратилась в нескладного дровосека, который не знал, куда деть свои длинные ноги и руки. Мне потребовался еще сезон, чтобы привыкнуть к но-

вому телу и чуть обрости мышцами. За это время много воды утекло. Мне уже исполнилось шестнадцать. И в технике я заметно уступала конкуренткам. Той же Селезнёвой. Когда-то я обыгрывала её, а потом... в общем, она осталась тонкой маленькой балеринкой из музыкальной шкатулки, которой восхищался весь мир. А я... Я продолжала бороться. Потому что спорт – моя жизнь. И у нас с Ниной Николаевной начало получаться, путем упорных тренировок я начала показывать хорошие результаты и на взрослом национальном чемпионате заняла обидное четвертое место. На тренировке так приложилась об лед после неудачи на каскаде, что выступала с болью в бедре и не смогла чисто откататься. А потом... потом мне поступило предложение из центра Коршунова после окончания сезона перейти к нему в группу. И я, даже не задумываясь, дала согласие. И к чему это привело? До меня домогается мой тренер, а карьера моя висит на соплях. И пока я кочевряжусь, мое место вполне может занять Ермакова. Нет, не в постели Олега Евгеньевича, конечно. Место его фаворитки. Хотя, кажется, для Коршунова это одно и то же. Как и для Альки.

Когда тренировка была окончена, я быстро приняла душ, переоделась и написала смс Сашке, что сегодня вечером мы точно встретимся. Саша тоже был фигуристом, три года назад он перешел в парное катание и теперь катался в группе у другого тренера. В его двадцать амбиций у него было выше крыши, да и талант вроде имелся, но лень – это порок. А этот

порок у него присутствовал.

Собрав вещи, я вышла на улицу, спустилась по ступенькам центра и было направилась в сторону остановки, однако вдруг остановилась, как вкопанная. В нескольких метрах от меня был припаркован черный Мерс Коршунова. А рядом с Мерсом стоял сам Олег Евгеньевич и в данный момент учтиво открывал дверь Ермаковой. Та ему улыбнулась и уселась в салон. Коршунов обошел автомобиль и, будто бы не замечая меня, а не заметить меня было очень трудно, уселся за руль. Мерседес мигнул фарами и медленно покати́л прочь.

Если он сделал это специально, чтобы указать мне, что свято место пусто не бывает, то у него отлично это вышло. Что я чувствовала в этот момент? Нет, не злость. И даже не обиду. Меня накрыло какое-то опустошение. Что мне делать? Завтра он точно выгонит меня с тренировки. Потому что я сказала ему «нет», а Алька – да. Вот и все.

Устало сгорбившись, я поправила тяжелую сумку на плече и поплелась к остановке. Отменять встречу с Сашкой я была не намерена. Нельзя позволять себе впадать в уныние. В конце концов, я обязательно что-нибудь придумаю. К Лапышевой в ножки брошусь, если понадобится, но из Москвы не уеду. А пару часов с Сашкой скрасят мой вечер и придадут уверенности в новом дне.

Вот только в общежитии меня ждал еще один неприятный сюрприз. И я даже не знала, как на это реагировать. Мне сказали, что я больше не могу тут проживать. Про-

сто взяли и выгнали! На мои требования объяснить почему, лишь неопределенно пожимали плечами и просили как можно скорее освободить комнату.

В каком-то тумане я собирала свои пожитки, и мне даже в голову не пришло, кто за всем этим может стоять. Только когда я оказалась на улице с большим чемоданом и двумя тяжеленными сумками, до меня вдруг дошло. Коршунов! Ну конечно! Эта мерзопакостная скотина решил действовать по всем фронтам! Я готова была поехать к нему домой, усесться под его дверью и сидеть там до тех пор, пока он не вернет меня обратно в общагу. Но вместо этого я позвонила Сашке и обрисовала ситуацию, надеясь, что он приютит меня хотя бы на несколько дней. Вот только он, услышав мою просьбу, как-то невнятно съехал. Сказал, что у него строгие родители и приезжих они не любят. Вот так. Был парень и нет парня. Было жилье и нет жилья. Было фигурное катание и скоро не будет фигурного катания. А все благодаря кому? Что я ему сделала? Ну не исключают спортсменов за одну кривоватую ухмылку в адрес тренера. Да и непристойности всякие спортсменкам в обмен на возможность тренироваться тоже не предлагают, хотя... судя по всему, у Олега это в порядке вещей. И как только не донесли еще? Ах, да! У него же дед где-то там в верхах сидит! Плевать на этого козла! Не сломает он меня, придумаю... Я обязательно что-нибудь придумаю.

Вызвав такси, я назвала адрес центра в полной уверенно-

сти, что уж дядя Толя, дежурящий в эту ночь на катке, меня не выгонит.

Глава 5

Поначалу я не поняла, что происходит. Сначала раздался чей-то голос, а потом меня толкнули. Не открывая глаз, я попыталась отпихнуть наглеца, посмевшего потревожить мой сон, но он даже не подумал отвязаться от меня.

– Абрамова, вставай!

Я резко распахнула глаза, повернула голову и увидела стоящего передо мной Коршунова, судя по выражению его лица, чем-то явно очень недовольного. Я нахмурила лоб, и тут, стоило мне понять, где я нахожусь, с губ моих слетело ругательство. Я осмотрелась, словно оставалась надежда, что я не в тренерской, но нет... Застонав, я повела плечами и начала подниматься с диванчика. Довольно неудобного, надо сказать, диванчика, где даже я с трудом помещалась.

– Ты что тут забыла? – рявкнул Олег Евгеньевич.

Блять. Я ничего ему не ответила, потому что дядя Толя, отдавая мне вечером запасные ключи от тренерской, строго настрого велел свалить до появления Коршунова. А я что?! Полночи не могла уснуть, ворочалась на неудобном диванчике и проклинала этого уroda, а потом так вырубилась, что даже будильник, по всей видимости, не услышала. Я подняла взгляд на Олега Евгеньевича, и невольно отметила, что сегодня он в той же рубашке, что и вчера. Внутри мигом завер-

телся червячок ревности. Значит, ночевал не дома. У Альки, как пить дать. Поджала губы, а после произнесла:

– Пожалуйста, не увольняйте дядю Толю, он не виноват, это я уговорила его мне ключи от тренерской дать.

– А какого хрена тебе понадобилось тут ночью? – продолжал сверлить меня недобрым взглядом Коршунов.

Стащив пиджак, он бросил его рядом со мной на подлокотник дивана. Я вздрогнула и отшатнулась, будто бы он только что мне змею подкинул. Покачав головой, Олег повторил свой вопрос:

– Что ты здесь забыла, Абрамова?

– Меня из общаги выгнали, – честно призналась я и гневно добавила: – Не знаете, почему?!

Он выдержал мой взгляд, на его лице не дрогнул ни один мускул. Скотина идеальная, чтоб его! Всё в нём было прямо-таки идеально! Идеальна была даже прядь, вылезшая из гладко зачесанных назад волос. И ладони его большие с длинными тонкими пальцами, которые он сейчас держал на своей груди, тоже были идеальными. И губы, вытянутые в тонкую линию... Наверное, я и правда дура, раз не согласилась спать с ним. Уж точно лучше, чем Сашкины слюни. От воспоминаний об уже бывшем парне меня аж передернуло. Нафига он мне сдался, спрашивается?! Маменькин сынок.

– Не знаю и знать не хочу, – наконец ответил Коршунов и грубо поднял меня с дивана. – Забирай свои шмотки и выметайся! – он кивнул на приставленный к дивану чемодан и

сумки. – Ты больше здесь не тренируешься.

Меня охватила паника. Он ведь – кремень. И плевать ему, что мне идти некуда! Внезапно в носу у меня защипало, а к глазам подступили слезы. Если он меня сейчас выгонит...

– Пожалуйста, – захныкала я, но мое состояние на него никак не подействовало, наоборот, судя по тому, как сомкнулась его челюсть и потемнели глаза, еще больше разозлило. – Это же Вы меня из общаги поперли!

– Много чести!

– А кто тогда?!

– Язык тебе, Абрамова, оторвать надо, тогда может чесать им меньше будешь. Если я тебя выгнал за хамство, то и из общаги могли за то же самое.

– Ну конечно! – фыркнула я. Дернулась, скидывая его руку со своего плеча и, гордо вздернув подбородок, заявила: – Вы мерзкий ублюдок, Олег Евгеньевич! – помирать, так с музыкой, Яна.

– А ты посредственная фигуристка, Абрамова. Чтобы духу твоего здесь не было через пять минут!

Я хотела плюнуть Олегу в лицо. Честно. Не знаю, что меня сдержало. И не знаю, как у меня не потекли слезы. Мы, спортсмены, сильные люди. Мне хотелось сказать ему что-то оскорбительное, мерзкое, но я понимала, что ему мои слова... Поэтому просто пихнула его в грудь, пытаясь убрать с дороги, но он остался стоять на месте. Тогда я снова толкнула его уже сильнее. А потом снова и снова, пока слезы бес-

силія все же не покатились по моим щекам.

– Ненавижу Вас! – заорала я иступленно, полоснув Коршунова взглядом. – Зачем Вы мою жизнь рушите?! Что я сделала?! – а он смотрел на меня абсолютно спокойно, никак не реагируя на мою истерику, и я, в бессилии зарычав, снова толкнула его. На этот раз Олег сделал шаг назад, а я, едва не упав, тут же оказалась прижатой к нему.

– У тебя есть возможность вернуть все, Яна, – услышала я его горячий шепот у самого уха. Дрожала всем телом и продолжала реветь навзрыд. – Просто скажи мне «да». Скажи «да», и все будет хорошо.

– Нет! – закричала я, пытаюсь вырваться, но безрезультатно. – У Вас, вон, Алька есть, её трахайте! Козел!

Он отпустил меня. Резко отошел и указал на дверь:

– Вон пошла. И шмотки не забудь.

Больше он не сказал мне ни слова. Стоял и смотрел, как я, корячась с сумками и чемоданом, покидаю его кабинет. Как бесславно закончилась моя спортивная карьера, надо же. Я-то думала, что это только в шоу бизнес можно пробраться лишь через постель, а и в спорте та же фигня. Черт бы их всех побрал! Если у меня нет богатых родителей, я – никто. И какой бы талантливой ни была, продолжу оставаться никем.

К выходу меня несло единственное желание – поскорее убраться из этого центра. И вещи мои мне не мешали. Пошло оно все! Еще унижать будет... Даже если это не Коршунов меня выпер из общаги, в чем я сильно сомневалась, я больше

не собиралась иметь с ним дело. Слезы все еще стояли у меня в глазах, но это были скорее слезы злости. Я уже знала, куда пойду. Это мой последний шанс зацепиться за этот сезон. Если мне и Нина Николаевна откажет, тогда... Об этом я решила подумать в случае, если Лапышева даст мне от ворот поворот. Она женщина хоть и справедливая, но гордая. А я была так ослеплена возможностью перейти к Коршунову, что слишком поспешно сожгла мосты. Как теперь смотреть ей в глаза?

Я так увлеклась мыслями о предстоящем походе к Нине Николаевне, что не сразу заметила вывернувшую из-за угла Ермакову. А когда увидела её, несущуюся на меня с оскалом разъяренной кошки, не успела сообразить, куда бежать. Встала на месте, удивленно глядя на неё. Она же, подлетев, без разговоров напрыгнула на меня и, ухватив за волосы, больно потянула.

– Я тебя убью, Абрамова! – шипела она, а я безрезультатно пыталась её от себя отцепить. – Это все из-за тебя! Он это сделал из-за тебя! – орала во всю глотку Алька, не обращая внимания на то, что мы, собственно, стояли посреди коридора, и нас видело и слышало порядочное количество персонала и спортсменов.

– Отпусти, дура! – в тон ей зашипела я, толкая её от себя. Я хоть и тощая, но силы у меня порядочно.

– Ты мне всю жизнь испортила! Ты!

И тут я услышала всхлип, а хватка Али чуть ослабла. Я

совершенно ничего не понимала, о чем она говорит и как связана я с её испорченной жизнью. Она все еще сжимала мои волосы, я же в ответ ухватилась за её, распущенные, и резко дернула. Взыв, Ермакова отпустила меня и, тяжело дыша, заговорила:

– Он меня должен был продвигать после Селезнёвой, а он... – она, уже совершенно поникшая, громко всхлипнула и сделала от меня шаг назад.

Я тоже выпустила чёрные прядки её волос и непонимающе качнула головой.

– Что ты несешь, Аль?

– Только не говори, что ты ничего не знаешь! – глаза её снова загорелись яростью.

– Я ничего не знаю.

Она засмеялась. Как-то сухо и надтреснуто.

– Аль, что случилось?

– Олег Евгеньевич вчера сказал мне, что у меня нет перспектив в одиночном и предложил перейти в пары, – вытирая слезы, прогундосила Алька.

Вот это новости! Значит, Коршунов не спал с Алькой вчера? Значит, просто хотел объявить ей, что она недостаточно хороша. Я едва сдержала улыбку, уже готовую растечься по моим губам. Черт возьми, мне было радостно! И не от того, что Ермакова, судя по всему, уходит в пары, а что Олег... Олег Евгеньевич ничего ей не предлагал. Только мне. Я знаю, что я эгоистичная сволочь. И себе не ам, и другим

не дам.

– Ладно, вытри сопли, – я достала из сумки упаковку бумажных платков и протянула своей сестрице по несчастью. – Если тебе будет легче, я тоже больше тут не тренируюсь.

Поглощённая своими горестями, Алька, похоже, только сейчас заметила мои сумки. Осмотрела их с озадаченностью, а после подняла взгляд на меня.

– Почему? – недоверчиво спросила она, забирая платки и принимаясь приводить себя в порядок. – Ты же классная.

Я фыркнула.

– Серьезно, – высморкавшись, Алька вновь посмотрела на меня. Лицо её приобрело более доброжелательное выражение. – Думаешь, я не видела, как Коршунов на тебя смотрит на тренировках?

Как он на меня смотрит, я даже знать не желала. Да и какая теперь разница?

– Так ты согласилась в пары перейти?

– А что мне, – пожала плечами Аля. – Не хочу завязывать со спортом, мы вчера с Олегом Евгеньевичем очень долго разговаривали. Он обещал, что найдет мне хорошего партнера.

Значит, точно не спали они. Я все же не удержала улыбку. Совершенно тупую и неуместную, но не пофиг ли, что обо мне подумает Аля?

– Почему ты все еще здесь? – неожиданно раздавшийся за моей спиной голос Коршунова едва не заставил меня под-

прыгнуть.

Господи, да что это за человек такой? Он подошел к нам с Ермаковой и осмотрел. Сначала меня – пристально сузив глаза, будто сканировал. Отдельно остановился на взбившихся на макушке волосах, скользнул по лицу, а затем обернулся на заплаканную и тоже не совсем причесанную Алю.

– Аля, сегодня поедем в спорткомплекс, где тренирует Дургов. У него, кажется, есть хороший парник.

У Дургова Никиты Кимовича тренировался Сашка, и я очень надеялась, что Коршунов под «хорошим парником» подразумевал не моего бывшего парня. Я, конечно, Альку не так чтобы люблю, но и «счастья» такого бы не пожелала.

– Хорошо, я на тренировку пойду, – мотнула головой Алька и, окинув нас с Олегом каким-то странным взглядом, поспешила смотаться.

Вернемся к рыжей упрямой тупице – именно это выражал недобрый взгляд Коршунова, когда он снова обратил на меня внимание. Окинул меня с головы до пят медленно и как-то уж очень лениво, отдельно остановившись на моей руке, сжимающей ручку чемодана. Ручка была наполовину сломана. Чемодан мой неудачно вывалился на ленту выдачи багажа, когда мы летали на сборы. Колесико тоже пострадало, поскрипывало, но еще держалось. И я молилась, чтобы оно выдержало все мои жизненные неурядицы и благополучно отвалилось в тот момент, когда я окажусь в тепле и уюте, когда мне больше не нужно будет никуда перетаскивать свои

вещички.

Я ждала, что Олег Евгеньевич мне что-то скажет. В идеале, конечно, что он пошутил, и что я тоже могу отправиться на тренировку. Однако мой бывший тренер не произнес ни слова. Просто развернулся и ушел в том же направлении, в котором скрылась недавно Алька.

Не оборачивайся, Яна. Не оборачивайся. Но я все ж проводила его взглядом. До самой двери, ведущей на каток. Мой подбородок снова принялся подрагивать, но я, проглотив вставший в горле ком, взяла себя в руки и, подхватив вещи, направилась к выходу. На охране дежурил уже не дядя Толя, поэтому не пришлось просить прощения у доброго дядечки, которому наверняка прилетит от Коршунова за несанкционированное проникновение в его святая святых. Ладно.

Я вышла на улицу. Обернулась на новенький, сияющий в лучах солнца комплекс, будто бы видела его в последний раз. Только какой-нибудь душераздирающей мелодии и не хватало. Вот тогда бы я, уходящая прочь, выглядела совсем эпично... Королева драмы, Яна Абрамова! Непризнанная великая актриса.

Я снова плелась к остановке. На такси было жалко денег, неизвестно, когда и где они мне потребуются. При желании у меня хватит на пару недель в гостинице, но это все. Конечно, я числюсь в сборной, как занявшая четвертое место на прошлом чемпионате России, и получаю зарплату, однако львиная доля этих денег уходит на спортивные нужды. Одни

новенькие коньки только чего стоят. Я выбрала самую дорогую и удобную модель, мечтала в них выиграть чемпионат. Сейчас жалела, что не сэкономила. Я о многом могла бы еще пожалеть, если начать разбираться. Но долго сидеть и жалеть себя любимую не в моих правилах. Поэтому уже через двадцать минут я села на автобус, следующий до спортивной школы, где работала Лапышева.

Глава 6

У вас когда-нибудь бывало чувство, что на вас ведется охота? Что вы – маленький беспомощный зверек, гонимый ловким охотником. У меня вот не было до сегодняшнего дня. Выходя из дверей школы, где тренировала Нина Николаевна, я ощущала себя как раз таким зверьком, которого наконец-то загнали в угол.

Остановившись в нескольких шагах от черного Мерседеса, новенького и безумно дорогого, я, едва не плача, наблюдала за тем, как выбравшийся из салона Коршунов направляется ко мне. Он смотрел на меня прямо, не отрывая взгляда. На его лице не было ни нахальной ухмылки победителя, ни удовлетворения от того, что всё в итоге получается по его. Он молча подошел, отцепил мои пальцы от ручки чемодана, которую я что есть силы сжимала, будто бы это моя последняя спасительная соломинка. Но силы были не равны, и соломинка быстро меня покинула. Олег забрал чемодан, нахмурился, осмотрев сломанную ручку, затем снял с моего

плеча лямку сумки и направился к своей машине.

– Еб твою мать! – донеслось до меня спустя несколько секунд.

Чемодан мой как-то странно покосился. Я перевела взгляд на лежащее на асфальте колесико и вздохнула. Что я там говорила про «когда мне никуда не надо будет перетаскивать свои вещи»? Вообще-то, я несколько другое в виду имела...

Подхватив за ручку, Олег потащил чемодан дальше, а я все стояла, не в силах сдвинуться с места. Рядом на асфальте лежала вторая сумка, я перевела на неё взор и качнула головой. Лапышева отказалась. Отказалась даже встретиться со мной! И как бы я ни пыталась добиться того, чтобы она меня выслушала, получила резкое: нет! И вся моя былая решимость превратилась в пыль. Рассеялась, оставляя после себя лишь разочарование. Что ж я такая никчемная?

Мой бывший тренер убрал в багажник мои вещи и вернулся, чтобы забрать последнюю сумку. Когда он ухватился за лямки и выпрямился, я все же спросила:

– Что Вы тут делаете?

– А ты не видишь? – Олег посмотрел на меня, как на дуру.

– Вы должны были с Алькой поехать на просмотр, – зачем-то сказала, хотя это волновало меня сейчас меньше всего.

– С ней поехал наш второй тренер. Пошли, – он сделал попытку ухватить меня за руку, но я отшатнулась от него и едва не свалилась, запнувшись о ступеньку. Олег вздохнул

и отправился к машине. Только уложив оставшуюся сумку, обернулся на меня и, вскинув брови, спросил:

– Ты долго так стоять будешь? У меня тренировка.

– А какого хрена Вам нужно от меня? – голос мой был неестественно тонким, звенящим от близившихся слез. – Вы меня сами выгнали из школы, а теперь что? Откуда Вы здесь?! Это Вы позвонили Лапышевой, да? – я начала кричать, не отдавая себе отчет, что делаю. Мне было так плохо, а этот... этот извращенец стоял и продолжал смотреть на меня, как на слепого котенка! Несмышленного и глупого.

– Садись в машину, Яна.

– Да не поеду я с Вами никуда! – всплеснула я руками и нервно засмеялась. – Думаете, раз Нина Николаевна меня не взяла, я себе другого тренера не найду?! Кто-нибудь меня возьмет к себе!

– Никто тебя не возьмет, – спокойно сказал Олег. – Садись в машину, Яна, – с нажимом добавил он.

Никто тебя не возьмет. Я даже не знала, что сказать ему на это. Как он все круто провернул. Вот она, клетка, Яна. Твоя персональная клетка. И твой персональный охотник. Опытный мерзавец-загонщик в черном костюме, белой рубашке, с гладко зачёсанными черными волосами. С жестким волевым подбородком, плотно сжатыми губами и глазами – самыми синими из всех, что ты когда-либо видела.

Я двинулась вперед и, обойдя Мерседес, дернула дверцу. Уселась на переднее пассажирское сиденье. Олег тут же за-

брался в салон и повернул ко мне голову. Взгляд его блуждал по моему лицу, я чувствовала это, хоть и смотрела на свои руки, сцепленные на коленках.

– Яна.

– Я согласна, – я дернулась и посмотрела ему в глаза. – Я принимаю Ваше предложение, – меня потряхивало, но я пыталась говорить уверенно, без предательской дрожи. – Но у меня есть условия, – коль уж опускаться до уровня шлюхи, так поймешь с этого хоть что-то толковое.

– Какие? – уголок его рта дернулся, в глазах мелькнуло что-то странное, непонятное мне.

– До Олимпиады два года. Я хочу поехать туда, и поехать не просто так, а за медалями. Желательно – золотыми.

– Для этого нужно пахать.

– Я готова, – с вызовом вздернула я подбородок.

– Хорошо, – медленно кивнул Олег, будто бы обдумывая мои слова. – Что еще ты хочешь?

– В чем будут заключаться мои... – я даже не знала, какое слово подобрать.

– Услуги? – «помог» он, и я кивнула. Я помнила, что, раз уж я заключаю сделку с самим дьяволом, мне стоит быть хорошей девочкой.

– Называйте, как хотите, – я отвернулась, но Олег тут же дотянулся до меня, обхватил пальцами мой подбородок и заставил посмотреть на себя.

– Ты будешь жить в моей квартире, Яна, – тихо заговорил

он. – Будешь спать в моей постели. Будешь моей...

– Шлюхой! – все же не удержалась я.

Он криво ухмыльнулся. Не отпуская меня из плена своего взгляда, погладил пальцами мой подбородок. Затем провёл по губам, двинулся к щеке. Его прикосновения были мне приятны. Ну уж кому-кому, а самой себе я лгать не могла. Я едва не прикрыла глаза от блаженства, когда он мягко и очень нежно погладил меня ладонью по щеке. Блин!

– Ты будешь той, кем сама захочешь быть, – наконец ответил он. – Но у меня тоже есть условия.

– Я слушаю, – получилось слишком высокомерно, и он не удержался от смешка. Видимо, я его забавляла. Гад.

– Никаких истерик, никаких скандалов и выяснений отношений, – он убрал свою руку от моего лица и положил на руль. – Я не потерплю от тебя такого поведения.

А от Селезневой терпел?! Так и хотелось высказаться, но я снова прикусила язык. Ты – хорошая девочка, Яна. Должна быть хорошей девочкой, напомнила я себе. Поэтому я просто кивнула.

– И никаких мужчин, кроме меня, – у него говорящая фамилия. Я и раньше это понимала, но теперь... Во взгляде, брошенном на меня вместе с этими словами, ясно угадывался взгляд хищника. Холодок пробежался по спине, и я тяжело сглотнула. – Ты меня поняла? Узнаю, что у тебя помимо меня кто-то есть, тут же вылетишь из центра. Я сделаю так, что тебя даже тренером на работу не возьмут.

Я молчала.

– Поняла меня? – спросил Олег будто бы спокойно, но это была лишь видимость.

Неужели Селезнева ему изменяла, раз он так болезненно относится к тому, что может быть не единственным? Ха! Вот тебе и балеринка из шкатулки.

– Яна!

– Да поняла я! – отозвалась я с возмущением. – Не собираюсь я по мужикам бегать, – выговорила раздраженно. Если я согласилась спать с ним, это не значит, что я... и в самом деле шлюха. – У меня другие приоритеты, – посмотрела на него серьезно. – Трахаюсь с вами и тренируюсь. Тренируюсь и трахаюсь.

Лицо его потемнело, взгляд стал острым, и я снова не поняла, что это значит. Не нравится слово «трахаюсь»? Или что? Как это назвать по-другому, я не знала.

– Все верно? – как ни в чем не бывало осведомилась я.

– Верно, – ответил Олег и, наконец отвернувшись, завел автомобиль.

Мерседес покатил прочь от стадиона, где судьба была ко мне так неблагоприятна. Ну ладно, Нина Николаевна, я Вам еще докажу, что нужно было меня взять обратно!

– Куда мы едем?

– Домой, – не отрываясь от дороги, сухо бросил Коршунов.

Я не возразила. А смысл?

– Располагайся, – Олег бросил мою сумку на постель в собственной спальне и прошел к шкафу. Освободил несколько полок, переместив свою аккуратно сложенную в стопочки одежду в другие отсеки, и сказал: – Раскладывай вещи.

Я стояла посреди просторной спальни, выполненной в серо-бело-черных тонах, и чувствовала себя очень странно. Еще эта кровать... едва я увидела её, к щекам моим прилипла кровь, и я нервно выдохнула. Вот тут-то мне и предстоит отрабатывать свою часть сделки. Судя по тому, что я уже успела пережить, опыт у Олега... очень и очень, и мне даже представить было трудно, что будет дальше. Что-то подсказывало, что там, в тренерской, он показал мне лишь малую часть... кхм... возможного. Больше на постель, застеленную светло-серым однотонным покрывалом, я старалась взглядом не наткаться и при осмотре комнаты всячески избегала ее.

Олег вернулся ко мне и, обхватив меня за талию, притянул к себе.

– Ты боишься меня?

– Нет, – соврала я.

Конечно же я его боялась! Его мотивы были мне непонятны, его поступки были мне непонятны, его странные взгляды и смены настроения – тоже! Меня пугали его дьявольско-красивые глаза, меня пугали его руки. А больше всего меня пугала собственная реакция на него. Я будто падала в

пропасть. И мне было страшно.

– Врешь, – тихо произнес Олег, поглаживая мою спину. Его ладони были теплыми и ласковыми. – У тебя ведь еще не было мужчины?

– Почему? Был, конечно! – округлила я глаза. – Вы думаете, Вы у меня первым будете? П-ф-ф, – мне казалось, что я переигрываю, но поделать я с собой ничего не могла и продолжила, растянув губы в усмешке: – Думаете, я бы так просто согласилась спать с Вами? Не хотела бы я, чтобы Вы были моим первым мужчиной. Вы мерзкая скотина, Олег Евгеньевич!

Положив руки ему на грудь, я попыталась отстраниться, однако вместо этого оказалась прижатой к нему практически вплотную. Ладони Олега легли на мои ягодицы и прижали меня к его паху.

– Сегодня вечером и проверим, – выдохнул он мне в шею и, оставив влажный след прикосновения языка, отпустил. – Располагайся, Яна, – улыбнулся мне и направился к выходу из комнаты.

– А Вы куда?

– У меня тренировка, а потом... – он задумался на мгновение. – Дела, – ответил коротко и вышел в прихожую.

Дела у него. Когда за ним закрылась входная дверь, я усесться на кровать, казавшуюся мне то ли моим собственным позорным столбом, то ли чем-то вроде того запретного, чего не показывают маленьким девочкам. Правда я-то уже не ма-

ленькая. Но все-таки... Птичка в клетке – картина маслом. Все-то у него четко, все на своих местах, все распланировано. Сегодня он займется со мной сексом на этой самой кровати, а завтра мы как ни в чем не бывало поедем в центр и начнем готовиться к старту сезона. Ну просто же все. Вот только от того, что я все же согласилась на это предложение, мне было гадко. Что меня ждет? Я понятия не имела. Да и гарантий у меня никаких нет. В любой момент я могу наскучить Олегу, и он снова выкинет меня как бездомного котенка. Захлопнет двери центра перед моим носом, и куда мне? Уж если Лапышева меня послала, то что говорить о других тренерах? Нужно быть готовой ко всему. Это единственное, что я четко осознавала. Мне необходимо скопить денег на всякий случай и стараться. Стараться выступать как можно успешнее, чтобы если вдруг моему будущему любовнику взбредет в голову от меня отказаться, Федерация не смогла бы выгнать меня из сборной! Бери от жизни все, что можешь, Яна. И от Олега Коршунова – тоже. Помимо члена у него есть потрясающий тренерский талант, которым ты можешь воспользоваться себе во благо. Ну а пока...

Я поднялась с постели и принялась вытаскивать вещи из чемодана. Мне попало короткое красное платье без бретелек. Я растянула его в руках и довольно улыбнулась. До вечера у меня еще есть время, почему бы не провести его с пользой? Этот придурок уверен, что я девственница, и, если честно, я была готова на все, чтобы он испытал разочарова-

ние. Улыбка моя приобрела вид хищного оскала. В глубине моего разума звенел тревожный звоночек: Яна, не делай глупостей. Яна, Олег – отличный мужик, и в постели тебе будет с ним не так уж и плохо. Но мною двигало лишь желание досадить Коршунову, сделать что-то, чего он не ожидает. И я понимала, что готова на все.

Поэтому спустя двадцать минут я, одетая в красное обтягивающее платье, едва прикрывающее мой зад, села в такси и назвала водителю адрес. Тот лишь безразлично кивнул и завел автомобиль. Я вытащила телефон, распушила волосы и сделала пару селфи, а после, найдя контакт Олега в мессенджере, отправила ему фото. Дописав: «Уехала гулять, к ужину не жди», вновь нажала «отправить». Усмехнулась и добавила: «Милый». Отправила снова. Подумала и, выбрав смайлик с поцелуем, послала и его. После же выключила телефон и откинулась на спинку сиденья. Разум продолжал твердить, что я идиотка и просил вернуться назад, но я, как истинная ослица, лишь улыбнулась еще шире и мотнула головой.

Глава 7

Если не считать последних происходящих в моей жизни событий, практически всегда я влипала в не очень хорошие ситуации именно под действием алкоголя. Нельзя мне пить, я становлюсь немного странной и чуточку неуправляемой. К тому же, я – спортсменка! И не нужно вредить своему организму, ему спорт и без того достаточно вредит. Употребляю

я редко, но вчера был именно такой редкий случай.

Разлепив глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Взгляд мой уперся в серый светильник в форме куба. Затем я перевела его на плотно зашторенные все того же серого оттенка занавески и только потом, боже мой, почувствовала горячую ладонь, лежащую на моей талии и нечто твердое, упирающееся мне в ягодицы.

– Проснулась, красавица? – его «красавица» было сказано слишком насмешливо, и я сразу поняла, что что-то тут не так. Большая тёплая ладонь двинулась к моему задку. Я вздрогнула, а после напряженно застыла. Будто бы это могло мне помочь. Будто бы стоило мне забыть, как дышать, и что-то бы изменилось. Что конкретно? Да хотя бы то, что я лежу абсолютно голая, прижатая всем телом к Олегу Коршунову. В его собственной постели. Да, Яночка, от чего бежала, там и проснулась, только вот...

– Почему я голая? – правильно, что может волновать меня больше всего на свете? Уж точно не «Олег, а почему я ни хрена не помню?!».

– Ты правда готова услышать ответ? – он развернул меня на спину и, чуть приподнявшись на локтях, заглянул мне в глаза.

Я опустила взгляд на его грудь, покрытую темными волосками, затем прошла по сильным жилистым рукам, поднялась к плечам и вернулась к лицу. Волосы его находились в небрежном беспорядке, и весь он был вовсе не такой, каким

я привыкла его видеть. Каким все привыкли его видеть. С другой стороны, я никогда не видела его в постели. . .

– Я не помню ничего, – виновато произнесла я и, приподняв одеяло, удостоверилась в том, что и он, и я были абсолютно нагими. Ни малюсенькой полоски ткани, как Адам и Ева, черт его за ногу!

Выдохнув, я снова опустила одеяло и положила поверх руку, прижимая его к груди. Щеки у меня пылали. Олег был большой и возбужденный. И возбуждающий. Едва в моем мозгу проскользнула картинка, в точности повторяющая то, что я увидела под одеялом, я ощутила, как на меня накатывает горячая волна, а внизу живота скручивается тугой узел желания. Это было неправильно, но я не знала, что с этим делать. Не сводя с меня пробирающего взгляда, Олег коснулся рукой моего виска и убрал пушистую прядку со лба. Очертил пальцем овал моего лица, а затем, ни слова не говоря, рывком сдернул с меня одеяло и откинул его в сторону.

– Что ты делаешь? – прошептала я, вцепившись в его руку, накрывшую мою грудь. Он осмотрел меня таким взглядом, будто бы я была куском ароматного пирога, а он голодным путником, только что вернувшимся домой к накрытому столу. Вторая его ладонь прошла по моей ноге выше – по бедру и, едва касаясь живота, поднялась к лицу. Палец его обрисовал мои губы, чуть цепляя нижнюю.

– Я рад, что мы перешли на ты, – довольно усмехнулся Олег.

– Было бы тупо, если бы, лежа с тобой в постели, в чем мать родила, я выкала бы и называла тебя Олег Евгеньевич, – не растерялась я, хотя понятия не имела, как вообще смогла что-то из себя выдавить. Мало того, что ситуация в целом была не так, чтобы очень, да ещё последствия вчерашнего напоминали о себе тошнотой и адской головной болью.

– Умная девочка.

Место пальцев на моих губах заняли его губы. Он неведомо, лениво, растягивая удовольствие, касался меня, не углубляя поцелуй, покусывая, языком проводя по моим губам. Я приоткрыла рот, готовая подчиниться ему, но Олег тут же отстранился и снова поймал меня в плен своего хищного взгляда.

– Хоть что-то ты помнишь?

– Я... – я попыталась отползти от него подальше и снова укрыться одеялом, но Олег не позволил, убрал мою руку, отвел её в сторону и прижал к кровати. Подтянул меня к себе еще теснее. Так, что бедром я снова ощущала его огромный возбужденный член. Это касание тут же отдалось пульсацией у меня между ног. Во рту пересохло ещё сильнее, а по телу моему, от макушки до пяток, прокатилась жаркая удушливая волна. – Я... ничего не помню, – на выдохе ответила я, когда рука его прошла по внутренней стороне моего бедра и остановилась в считанных миллиметрах от плоти.

Он играл со мной. Как опытный кот со своей добычей. С попавшейся в острые когти птичкой или неудачницей-мыш-

кой. Знал, что добыча его в ловушке и наслаждался каждым мгновением своего триумфа, не забывая следить за тем, как я реагирую на то, что он делает. Мое лицо, наверное, стало пунцовым и теперь отлично гармонировало с цветом волос.

– Совсем ничего? – улыбнулся Олег так, будто разговаривал с несмышлёным ребенком.

Итак, в самом деле, что же я помню? Нахмурившись, я попыталась воссоздать картину вчерашних событий, произошедших после того, как я отправила Коршунову смс и отключила телефон. В твердой уверенности, что найду мужчину, который поможет мне распрощаться с девственностью, я поехала в бар... Да, сегодня эта идея не казалась мне гениальной, и я чувствовала себя именно той, коей сама себя нередко и обзывала – тупицей.

– Помню, что в баре была, – совершенно честно призналась я.

– А зачем ты поехала в бар, если я оставил тебя в квартире?

Голос Олега был бархатистым, но это нисколько меня не успокоило, потому что, стоило взглянуть на него, как я поймала отнюдь недобрый взгляд. Так же он смотрел на меня, когда выгонял из центра.

– Хотела попрощаться с холостяцкой жизнью! – вякнула я и практически тут же пожалела о своих словах.

Рука Олега двинулась к моей промежности, пальцем он раздвинул складочки и проник в меня. Я сглотнула, попыта-

лась сжать ноги, но он продвинулся ещё дальше, и я сделала большой глоток воздуха в попытке ухватиться за реальность. Груды мои напряглись, в животе стало совсем горячо. Должно быть, я потекла, ибо взгляд Олега как-то странно потемнел, а в уголках рта появилась едва заметная удовлетворённая ухмылка. И хорошо, и стыдно... Я чувствовала себя бабочкой, приколотой булавкой к гладкому листу бумаги. Палец же его медленно повернулся, прошёлся по мне изнутри, он сделал движение назад, а потом снова в меня – ещё глубже.

– Олег... – выдохнула я, сама толком не зная, что хотела сказать.

– Попрощалась? – шепнул он, склонившись к моему уху, и продолжил ласкать меня пальцем. – Что ты делала дальше, помнишь?

Я помнила только то, что решила выпить для храбрости. И мне принесли шесть шотов какой-то горькой дряни. Выпив одну за другой все рюмки, я закусила алкоголь долькой лимона. А вот потом... Олег сжал мою грудь, поцеловал в скулу, и я прикрыла глаза, теряя связь с реальностью. К первому пальцу внутри меня прибавился еще один. Я сдалась. Всклипнув, выгнулась и шире развела ноги. Что он делает со мной?

– Помнишь, Яна? – снова донеслось до меня, и я помотала головой.

Внезапно он отстранился. Сел в постели и посмотрел на

меня. Я туго соображала, что происходит. Внутри пульсировало желание, и единственное, что я сейчас остро ощущала – неудовлетворение и разочарование.

– Ты позвонила мне в три часа утра, – жестко выговорил Олег. – И попросила забрать из бара. Я успел как раз вовремя, чтобы оттащить от тебя какого-то ублюдка. Он тискал тебя в туалете и, надо сказать, был настроен весьма решительно. Ты этого хотела, Яна? Хотела наглядно показать мне, с кем я имею дело?

– Я не шлюха, – на меня нахлынула новая волна стыда, и я поспешно сдвинула ноги. Резко схватившись за край одеяла, натянула его на себя и тоже села.

– А кто ты? – вкрадчиво поинтересовался Олег, а после, не глядя на меня, встал, повернулся ко мне своим до жути идеальным задом и принялся одеваться.

Я наблюдала за каждым его движением: за тем, как он натянул боксеры, затем взялся за брюки, висящие на спинке стула рядом с постелью. Застегнув пряжку ремня, он принялся за рубашку.

– Олег, а мы... – оторвав-таки взгляд от перекачивающихся на спине мышц, выдавила я. – Мы с тобой переспали?

– Да, – он повернулся и глянул на меня без тени улыбки.

– Я не помню, – поморщилась я. Доигралась, Яна. Запустив пальцы в спутанные волосы, я застонала. – Олег?..

– Что?

– А почему крови нет? Я же... я не успела... в баре?

И дальше играть в игры уже не хотелось. Он слишком опытный, слишком наблюдательный, чтобы ничего не понять. Дура, дура и ещё десять раз дура! Нет, дебилка! У меня же на лбу было написано, что я девственница...

Он промолчал. И я думала, что сейчас он, так и не ответив, выйдет из спальни, и готова была уже подорваться, чтобы броситься следом, но Олег все же произнес, так же сухо и отстранённо:

– Потому что после ты ходила в душ, а я поменял простыни. Одевайся. То, что ты вчера накидалась, еще не значит, что сегодня я разрешу тебе валяться в постели. У тебя тренировка.

– Но Олег... – протянула я болезненно скорчившись. Неужели он правда думает, что я смогу тренироваться в таком состоянии?

– У нас уговор, Абрамова. И я собираюсь его придерживаться, – еще раз окинув меня пренебрежительным взглядом, он качнул головой. – Даю тебе полчаса на сборы.

После этого он вышел из комнаты, даже не подумав выслушать мои возражения. Впрочем, я и не возражала. Сидела, прижимая одеяло к груди и покусывала нижнюю губу, понимая, что в этот раз накосячила, пожалуй, как-то уж слишком.

Глава 8

Больше Олег не проронил ни слова до того самого момен-

та, когда мы остановились на парковке перед тренировочным центром. Только заглушив автомобиль, он повернулся ко мне в пол-оборота и серьезно сказал:

– Давай договоримся, Яна. На тренировках ты продолжаешь называть меня на Вы и Олег Евгеньевич.

Тоже мне, Америку открыл. Будто бы я не понимала, что никому о нашем... договоре знать не нужно. Но в ответ на его слова я просто кивнула, не желая дерзить. Мне всё еще было не очень хорошо. Едва я сползла с постели, меня замутило и чуть не вырвало прямо на дорогой ковер в спальне. Позорище! В итоге с тошнотой справиться мне-таки удалось, чего не скажешь о головной боли, не желающей отступить даже под натиском двух таблеток аспирина. Я бы все отдала, чтобы остаться в постели и даже практически набралась храбрости, чтобы сказать об этом Олегу. Но, стоило мне, одетой в халат, выйти на кухню и наткнуться на его пристальный взгляд, я мигом передумала и поспешила в ванную.

Теперь же я, не в силах вымолвить ни слова, сидела и кивала, как болванчик, и в тайне надеялась, что Олег присмотрится ко мне повнимательнее, оценит цвет моего лица и сжадется. Но то ли цвет моего лица казался ему не настолько бедственно бледным, то ли мучения мои его совсем не трогали, он только коротко сказал:

– Пошли, – кивнул на дверь с моей стороны и сам выбрался из салона.

Глубоко вздохнув, я тоже вышла на улицу. Олег достал из

багажника мою сумку с коньками и протянул мне.

– А сам не можешь донести? – капризно выговорила я, глядя на тяжеленную сумку взглядом умирающего.

– Ты правда считаешь, что это будет хорошей идеей? Купи себе чемодан уже, в конце концов, – посмотрев на меня укоризненно, он все же закинул лямку себе на плечо и, не дожидаясь меня, пошел к центру.

Я плелась за ним, ощущая себя бурлаком, тянущим за собой корабль. Только вот за плечами у меня был не корабль, а чувство вины, по тяжести, правда, кораблю ничем не уступающее. Я буравила спину Олега Евгеньевича взглядом и думала о том, что почему-то именно я чувствую вину за то, что произошло вчера, хотя ведь именно он принудил меня к отношениям с ним! А вывернул все так, будто бы он рогатый муж, вытащивший свою жену из-под любовника. И все же в какой-то степени мне было приятно, что он приехал за мной и не дал наделать глупостей. Пусть первый свой раз я не помню... может, оно и к лучшему? Говорят же, что ничего, кроме боли, он не приносит. А тут... в следующий раз я обязательно запомню все: ощущения, его ласки, прикосновения...

У раздевалок я забрала у Олега сумку и пошла переодеваться. Внутри раздевалки – довольно просторной, разбитой локерами на две части, была пара девочек из юниорской группы, и Алька, которая, увидев меня, удивленно приподняла брови с спросила:

– Тебя же выгнали!

– А теперь обратно взяли, – сообщила я, опускаясь на скамейку. Прикрыла глаза, пережидая очередной приступ боли.

– Что-то ты неважно выглядишь, – хмыкнула Алька.

Я же лишь вздохнула, ничего не ответив.

Чувствовала бы я себя хоть сколько-то сносно, обязательно спросила бы её о просмотре, но, если честно, в данный момент это меня не интересовало от слова совсем. Что меня действительно волновало, так это то, как в таком состоянии я буду тренироваться. Помимо двух тренировок на льду, у нас был еще час тренажерного зала и полтора – занятие по хореографии. Как выдержать сегодняшний день, я не представляла.

Когда я открыла глаза, Али уже не было. Переодевшись, я поплелась разминаться, а после нацепила коньки и отправилась на лед. Коршунов и большая часть нашей группы уже были на местах. Олег Евгеньевич, в коньках, но у борта, а Аля и еще трое девочек и два мальчика чуть младше меня – на льду.

– Тебе особое приглашение нужно, Абрамова? – строго прогремел Олег, и я против воли подняла на него взгляд.

Но ни намека на что-либо личное в нем не уловила. Я для него – работа. По крайней мере, пока мы не выйдем за дверь центра подготовки. Правильный подход, он прав. Не хочу, чтобы обо мне говорили, что я получаю высокие баллы потому, что сплю с тренером.

– Простите, Олег Евгеньевич, – виновато выговорила я, открывая борт. Стянула чехлы, положила их на скамейку и выехала на лед.

– Какая муха его сегодня укусила? – передо мной, стоящей на коленях посреди катка, остановилась Алька и удивленно округлила глаза.

Меня же едва не вывернуло наизнанку. Колбасило так, что я думала – если сейчас встану – тут же уйду с тренировки. Вот только при этом я понимала, что это будет последнее, что я сделаю в этой жизни. Потому что стоило мне только посмотреть в сторону дверцы борта, как я тут же натыкалась на тяжелый, не предвещающий ничего хорошего взгляд Коршунова.

Сегодня я была звездой тренировки. Олег Евгеньевич, кажется, решил отыграться на мне не только за эту ночь, но и за все будущие мои косяки, которые, я не сомневалась, обязательно случатся – я же минус! Сначала мы отрабатывали вращение со сменой положения, потом перешли к прыжкам. Я прыгала до тех пор, пока у меня не начали трястись колени. Последний раз так приложилась бедром о лед, что Олег подъехал ко мне и спросил, в порядке ли я. Я только зло зыркнула на него и, поджав губы, начала вставать. Грудь моя тяжело вздымалась, изо рта вырвался рваный выдох, голова закружилась, и я бы, наверное, рухнула на лед, если бы не сильные руки моего тренера, подхватившего меня. В его взгляде, пойманном мной, промелькнуло нечто сродни по-

ниманию, и я было уже обрадовалась, что он наконец отстанет от меня и даст спокойно помереть где-нибудь в раздевалке, или вот, прямо у бортика. Была бы моя воля, я бы легла прямо на покрытие у дверцы, сжалась бы калачиком, и пусть бы попробовал кто через меня перешагнуть! Но нет. Будто опомнившись, он отпустил меня и отъехал в другую сторону. А для того, чтобы до меня окончательно дошло, что поблажек ждать не следует, напоследок Олег сказал все тем же сухим, призванным беспрекословно ему подчиняться тоном:

– Каскад, Абрамова.

– Нет, – застонав, я схватилась за голову.

Но Олег на меня больше не смотрел – переключился на других учеников. Опять этот долбанный лутц-ритбергер! И вот, по окончании тренировки, я, выжатая, как и без того подпорченный лимон, пыталась соскрести остатки себя самой с глади катка, тогда как все остальные уже покинули лед. Ну, кроме Альки. Которая задержалась. По всей видимости, чтобы понаблюдать за моим позором.

– Ермакова! – я не успела ничего ответить Але, как её окрикнул Коршунов.

Она тут же встрепенулась и поехала к борту, а спустя минуту мы с Олегом... Евгеньевичем остались на катке совершенно одни. Я тяжело поднялась на ноги и было тоже собралась покинуть лед. Но даже и пары метров не проехала – дверца борта открылась, и на лед выкатил Олег. Стащив с плеч теплую куртку, он перекинул её через борт и остал-

ся в темно-серой, с черными вставками футболке. Настолько обтягивающей, что я будто бы снова видела его совершенно голым, как сегодня утром, когда он так же стоял ко мне спиной и надевал рубашку. Так. Яна, успокойся! Я мысленно досчитала до трех, тряхнула головой, прогоняя совершенно неуместные в этот момент мысли и громко сказала:

– Олег Евгеньевич, тренировка закончена.

Он развернулся и покатил ко мне. Скользил он мягко и вроде бы ничего такого не делал, но всегда выезжал на лед будто бы король. Я залюбовалась им. Он упер руки в бока и не сводил с меня взгляда. Брови его были чуть сдвинуты к переносице. На лбу пролегла складка, которую мне захотелось расправить пальцами. В подушечках даже закололо от этого желания. Я помню, как смотрела с бабушкой ту Олимпиаду, где он выиграл золото. Безоговорочно, так, что ни у кого не было сомнений. Он морально убивал соперников еще на разминках перед стартами. Делал то, что до него еще не делали. Уже тогда включил в произвольную программу три четверных прыжка, один из которых был в каскаде с тройным. Как он прыгал, мама дорогая! Высоко-высоко и приземлялся так грациозно, будто по кошачьи, бесшумно. Тогда я была маленькой, а он большим и очень далеким. Недостигаемой звездой. А теперь я могу прикоснуться к нему и, более того, могу его поцеловать.

– Тренировка закончена для всех.

Он подкатил практически вплотную и посмотрел на ме-

ня сверху вниз. Роста в нем было за метр восемьдесят, довольно высокий для одиночника, но мне с моими сто шестьдесят три он и вовсе казался огромным. Он заполнял собой все мое пространство, его взгляд подчинял меня себе. Олег Коршунов – мой тренер и мой первый мужчина. Любая на моем месте прыгала бы от радости, а я... Я испытывала смешанные чувства. Гордость и принципы, взращённые бабушкой, до конца еще во мне не сломались, и от того, что я теперь сплю с тренером ради достижения цели, мне было как-то поганенько.

– Для всех, кроме тебя, – Олег ухмыльнулся краешком рта, положил руки мне на талию, пальцем приподнял край майки и, дотронувшись до моей оголенной кожи, притянул к себе.

Глава 9

– Я устала и мне плохо, – честно призналась я, но выбраться из его рук даже не попыталась. Смысл строить из себя недотрогу?

Олег смотрел на меня сверху вниз, чуть склонив голову на бок.

– Зато вчера тебе было хорошо, – в голосе его слышались стальные нотки. Он убрал ладони, и я тут же одернула майку.

– Я не собираюсь просить прощения за то, что вчера было, – отрезала я.

– Почему?

– Потому... потому... – я не знала, что ему ответить, чтобы не выглядеть полнейшей идиоткой. Однако вся сложившаяся ситуация была идиотской. – Потому что я ничего не помню!

– Значит, ничего не было? – кривая ухмылка коснулась его губ, и он отъехал от меня.

– Именно, – кивнула я, затем широко улыбнулась и сказала: – Вполне возможно, Вы мне наврали, Олег Евгеньевич.

– И в чем же?

– В том, что... – я опять замолчала и шумно выдохнула.

Смысла ему врать мне не было. Я правда напилась и правда искала возможность избавиться от девственности назло Коршунову. Зажмурившись, я помотала головой, к горлу снова подступила тошнота. Господи. Яна, у тебя очень мало мозгов, а ты остатки-то собрать в кучу не можешь. Те отрывки, что мне удалось воскресить в памяти, лишь подтверждали слова Олега. Руки на моем теле. Чужие руки, не руки Коршунова. Я невольно посмотрела на его ладони. Эти бы я точно запомнила. И то, что я звонила Олегу – тоже правда. В моем телефоне висел исходящий вызов, сделанный в три утра, и разговор продолжался две минуты. И как меня полоскало в его машине я тоже вспомнила. К сожалению, это – самое четкое мое воспоминание. Ну еще его глаза, пылающие гневом, когда он, остановив машину, пытался вытащить меня на улицу, а я упиралась в его грудь руками. А вот что было потом – не помню. А хотела бы.

– Ладно. Прости меня, – выговорила я наконец. Пожалуй, в данной ситуации эти слова – самое лучшее, что я могла произнести.

Олег продолжал молча сверлить меня тяжелым взглядом. И только лишь спустя минуту соизволил кивнуть.

– Ладно. Продолжим тренировку.

– Мне плохо.

– Станет еще хуже, – бросил он, поворачиваясь спиной, – если не заткнешься и не будешь выполнять мои указания!

Набрав ход, он в две подсечки оказался на другой половине катка и затем, разогнавшись, скрутил тулуп. Четверной тулуп. Так легко, будто бы до сих пор продолжал спортивную карьеру. Я аж рот раскрыла от неожиданности. А меж тем Олег, снова подкатив ко мне, твердо заявил:

– Именно этот прыжок мы будем с тобой учить.

– Что? – мне правда показалось, что я ослышалась и как-то не так его поняла. – В смысле учить? Четверной?!

– Да, – как ни в чем не бывало, ответил Олег. – Ты же хочешь попасть на Олимпиаду, Абрамова?

– Хочу, но... – по телу моему пробежали мурашки, руки, казалось, заledenели и посинели от внезапно окатившего меня холода.

– Тогда никаких «но», – жестко ответил Олег. – Ты сказала, что готова пахать, так?

– Так.

– Тогда ты будешь пахать, Яна! Я просто так время на тебя

тратить не собираюсь, и без того слишком много внимания уделяю.

Я вскинула голову и непонимающе глянула на него.

– Что это значит?

– Это значит, что ты либо во всем беспрекословно мне подчиняешься, либо... – он посмотрел как-то многозначительно, приподняв брови.

– Либо что? У нас договор! Ублажаю Вас, Олег Евгеньевич, в постели, а Вы меня тренируете!

– Пока ублажал тебя только я, – ухмыльнулся Олег, хватая меня за руку и снова привлекая к себе так, что я ощутила выпуклость в его паху. – И сегодня мы это будем исправлять, малышка. А пока... – нагло улыбнулся он мне в лицо. – Продолжаем тренировку!

Он мучил меня на протяжении еще целого часа. Правда под конец изверг все же сжалился и сказал, что на вечернюю тренировку я могу не приходить. Вот спасибо! Я бы и так не пришла. Просто не смогла бы, свалилась бы где-нибудь в коридоре.

Но Олег мало того, что сжалился, так еще и изъявил желание отвезти меня домой. Даже если бы я хотела отказаться, не смогла бы, да и Олег моего мнения не спрашивал. Стоило мне, опустошенной и едва передвигающей ногами, выползти из раздевалки, он забрал мою сумку, и мы пошли к выходу.

– Надеюсь, сегодня мне не придется закрывать тебя в квартире, Яна? – спокойно поинтересовался Олег, когда мы уже подъехали к новенькой многоэтажке бизнес-класса в центре Москвы.

Я исподлобья глянула на своего тренера и мотнула головой.

– Это значит нет? Или да? – усмехнулся он, в открытую потешаясь надо мной.

– Я же сказала «прости»! – произнесла я и поджала губы. Было обидно, я устала, хотела есть и спать. А тут он еще со своими уроками жизни. И без того поняла, что Яна – тупица, а Олег Коршунов – всегда прав. Идеал, мать его! – Такого больше не повторится, – все же ответила я, глубоко вздохнув.

– То-то же, – кажется, моими словами он остался доволен.

Олег выбрался на улицу, и я последовала его примеру. День был в разгаре – около четырех вечера, и солнышко светило ярко. Я засмотрелась на ребятню, играющую на детской площадке чуть поодаль. Детство... никаких забот, никаких сложных выборов и неоднозначных решений. На мое плечо опустилась рука Олега.

– Пойдем, – сказал он.

Я обернулась, глянула на него внимательно. В его чертах читалась мужская сила, мужественность. Олег – сильный человек. И мне почему-то казалось, что он уверен в том, что делает, каждый свой шаг он просчитывает от и до. Только

вот я все никак не могла понять, на кой ему сдалась рыжая неудачница, которая своим единственным шансом на прошлом чемпионате России воспользоваться не смогла. Я же разрушу его устоявшийся уклад жизни. Как пить дать разрушу. Я же минус. И что он во мне нашел? Фетиш на рыжих? Да Селезнева – блондинка. А что я? Я – ничто. Только упрямства на четверых хватит.

– Что? – под моим прямым взглядом Олег чуть нахмурился.

– Зачем я тебе нужна, Олег? – смысла молчать я не видела.

– Ты красивая, – тут же без раздумий ответил он. Вторая его ладонь накрыла мое худенькое плечо и как-то ободряюще сжала.

– У тебя очень странный вкус, – хмыкнула я неуверенно.

– Если ты считаешь себя некрасивой, – он не спускал с меня горящего взгляда, и я даже не посмела возразить. Просто смотрела и молча слушала, – это не значит, что другие не считают иначе. Ты красивая, Яна, только безмозглая, – усмехнувшись, он сжал руку в кулак и легонько толкнул меня в область виска. – Вот здесь нужно думать всегда прежде, чем что-то делать. От этого все твои проблемы.

Мне почему-то показалось, что говорит Олег вовсе не о прошлой ночи, но я не посмела спросить, что он конкретно имеет в виду, потому что, по сути, он был прав. Однако вопрос на повестке все тот же – зачем я ему?

– Держи ключи, – сунув руку в карман пиджака, он достал

связку и вложил в мою ладошку. – Десятый этаж, квартира триста пятнадцать.

– Я помню, – невесело покривила я губами и забрала ключи.

Сумку мою он оставил в багажнике, и я было направилась к подъезду, но тут Олег, ухватив меня за локоть, подтянул к себе и, склонившись, поцеловал. Быстро, но так горячо, что у меня вырвался стон удовольствия. Так же быстро отстранившись, он провёл пальцем по моим чуть раскрытым губам и тихо, бархатистым голосом произнес:

– Ты очень красивая, Яна. Всегда помни об этом.

Я как-то тупо кивнула, а он, улыбнувшись, шлепнул меня по заднице и подтолкнул к дому. Сам же уселся в машину и был таков.

Глава 10

Вчера у меня не возникло желания осмотреть мою «клетку», то есть квартиру, где мне предстояло обитать... какое-то количество времени, а именно до тех пор, пока Олег не посчитает, что наше соглашение исчерпало себя. Сегодня же, несмотря на усталость и не совсем пришедший в себя после ночных посиделок в баре организм, я все же решила исправить это упущение.

Квартира оказалась очень просторной: огромный холл, большая кухня с витражным, во всю стену окном. Чуть дальше, в гостиной, стоял просторный угловой диван темно-ко-

ричного цвета, на стене – большая плазма. У другой стены шкаф с книгами. Я провела пальцем по корешкам. Классика, классика, современная зарубежная проза, кое-что из фантастики, мемуары знаменитых спортсменов и тренеров. Я еще раз осмотрела гостиную и не сразу поняла, что не так. Меня что-то смутило, но я не могла понять, что именно. И только когда взгляд мой упал на единственное фото, стоявшее в шкафу, до меня дошло – у Олега в квартире я не нашла ни уголка почета, какие обязательно должны быть у каждого спортсмена, а уж олимпийского чемпиона и многократного победителя, призера чемпионатов мира и Европы – и по-прежнему. Кубки, медали, грамоты, фотографии... Ничего этого не было. Ни единого упоминания о том, что я нахожусь в квартире знаменитого Олега Коршунова. На том единственном фото в рамке был заснят он с какой-то девочкой. На вид Олегу лет пятнадцать, девочке – примерно столько же. Я взяла фото в руки и присмотрелась. Он всегда был красивым. Падающие на лоб черные волосы, по-мальчишески озорная улыбка, потрясающе красивые пронзительные голубые глаза. И рядом девочка, смотрящая на него влюбленным взглядом. Да, я бы тоже влюбилась в такого. Но мне почему-то всегда попадались такие, как Сашка. Фу. При воспоминании о бывшем парне меня передёрнуло. Не хочу о нем думать.

Я поставила фотографию обратно и вышла в холл. Помимо спальни Олега и гостиной тут была еще одна дверь. Я поначалу даже не заметила её, она находилась чуть поодаль

от двух других. Съедаемая любопытством, я подошла к ней и дернула за ручку. Однако та не поддавалась. Снова попыталась повернуть, но дверь и правда оказалась заперта. Интересно... Что Олег Коршунов может скрывать в этой комнате? Мне стало очень интересно, но я вовремя напомнила себе, что Яна – хорошая девочка, а любопытство хорошим девочкам не свойственно, и усилием все же заставила себя отойти от комнаты.

В ванной я уже была утром и, по всей видимости, ночью, но все же заглянула снова. Отделанная серо-белой мраморной плиткой ванная комната, темная ванная-джакузи и просторная душевая кабина с тропическим душем. Сегодня там было так хорошо, что я не хотела вылезать из-под теплых водяных струй. Взгляд мой наткнулся на белье, закинутое в стиральную машинку, и мигающую кнопку, извещающую, что стирка окончена. Я открыла дверцу и достала влажный комплект. Вот... Если у меня и были сомнения в том, что Олег говорит правду о нашей... ночи, то теперь они отпали напрочь. Видимо, утром он забыл развесить белье. Что я поспешила сделать сама. Отыскала таз в шкафчике, где хранилась утварь для уборки и стирки, и вышла на балкон. Там нашла сушилку и повесила на нее простынь светло-серого цвета. Интересно, белье он сам покупал или помог кто? Селезнёва, к примеру... Подойдя все к такому же витражному окну, я посмотрела вниз. Высоко.

Охватив себя руками, я вздохнула. Внезапно на меня на-

хлынула такая грусть. Вот до чего ты, Яночка, докатилась. Знала бы бабушка, что ты творишь, ни за что в жизни тебя одну в Москве не оставила бы. Мне всегда хотелось, чтобы бабуля гордилась мной, а я... К глазам подступили слезы, я хлюпнула носом и поспешила вытереть мокрые щеки. Ну вот, пореви еще, Яночка, пожалей себя. На самом деле ведь все не так уж и плохо. Олег не собирается нарушать наш уговор и будет меня тренировать, а я... я тоже не собираюсь больше поступать так, как поступила вчера. И самой противно, и Олег второй раз мне не простит.

Вернувшись в спальню, я принялась разбирать чемодан. Сложила самые необходимые вещи на полку, повесила пару платьев рядом с пиджаками и рубашками Олега. Не удержавшись, провела по белоснежным рукавам. Дорогая ткань, мягкая. Он весь был дорогой. Золотой мальчик стал олимпийским чемпионом... так писали про него в газетах. Он не знал отказа ни в чем. Даже тренировался в Америке у знаменитого тренера. Но вот что-то мне подсказывало, что всему, что у него сейчас есть, он обязан лишь себе. Олимпийскими чемпионами, может быть, и становятся иногда случайно, но это точно не про человека, который перед Олимпийскими играми три раза подряд выигрывал чемпионат мира и ещё целую кучу стартов – перечислять – не перечислить.

Остальные вещи я так и оставила неразобранными. Сумки даже не тронула, поставила рядом со шкафом, а полупустой чемодан пристроила рядом к стене. На часах было по-

ловина седьмого, и я решила, что нужно сделать что-то на ужин. Вечерняя тренировка уже закончилась, и Олег, по сути, должен был скоро приехать домой.

Отправившись на кухню, я порыскала в ящике и нашла пачку гречки. В холодильнике лежал довольно большой кусок говядины, так же нашлись огурцы, помидоры, зелень и даже болгарский перец.

– Отлично! – я закатала рукава и с усердием принялась готовить.

На какое-то время я отвлеклась и перестала думать о том, как развернулась моя жизнь: о предстоящей работе, об Олеге и даже том, что ожидало меня ночью. Вот только время бежало вперед, мясо уже потушилось, гречка стояла на плите и доходила под крышкой, а Олега все не было. Я бросила взгляд на часы в телефоне и, недовольно хмурясь, написала ему смс с вопросом о том, когда он будет дома. Однако ответа не последовало. Ни через пять минут, ни через пятнадцать. А через час я сидела и зло ковырялась вилкой в салате и зажёвывала его гречкой. Одна. На огромной просторной кухне, глядя в витражное окно на десятом этаже многоэтажки бизнес-класса. И думала о том, что, если я правда решила, что стоит мне попросить прощения – этого окажется достаточно, чтобы он меня простил и забыл мой косяк – я дура. В области груди неприятно кольнуло, когда я поняла и то, что в условиях нашей сделки я не подумала упомянуть, чтобы и у него в жизни не было других женщин, кроме меня.

Олег вернулся около двух ночи. Стоило ключу в замочной скважине повернуться, я резко подскочила с постели, хотя едва успела заснуть. Поспешила выйти и... Что должна была сделать, я не имела ни малейшего понятия. Я была зла, и единственное, чего мне по-настоящему хотелось – устроить Коршунову допрос с пристрастием: где ты был, с кем ты был и почему не позвонил! Но я тут же вспомнила наш уговор: не устраивать скандалы и разборки. Я не его жена и даже не его девушка. Я – его шлюха. Пора начать называть вещи своими именами. Я живу с ним ради достижения собственной цели, и уже не важно, принудил он меня к этому или нет.

Помедлив, я все же дернула за ручку двери и вышла в ярко освещенный холл. Зажмурившись, потеряла глаза и попыталась пригладить волосы. Но они продолжали торчать в разные стороны. Заметив моё присутствие, Олег окинул меня пристальным взглядом, отдельно остановившись на босых ногах. Он разделся, повесил куртку на вешалку, но ничего мне не сказал. И только когда он прошел мимо меня в сторону кухни, я уловила исходящий от него запах алкоголя.

– Я вообще-то переживала! – все же не выдержала я и ринулась за ним. Остановилась в дверном проеме. Из той кучи слов, что я хотела ему высказать, эта фраза показалась мне самой безобидной.

Олег открыл холодильник, взял бутылку воды, открутил крышку, бросил её на столешницу, затем сделал пару глот-

ков и поставил туда же бутылку. Я заворуженно наблюдала за каждым его движением, будто бы от этого зависела моя жизнь. Он повернулся и, чуть сощурившись, посмотрел на меня.

– Подойди, – наконец услышала я после паузы.

– Олег, я... – я почувствовала, что запахло жареным, едва наткнулась на его взгляд. Взгляд, не предвещающий ничего хорошего. Для меня как минимум. Мало того, что он пьян, так еще и, судя по всему, очень зол.

– Сюда иди, Яна, – на этот раз это была уже не просьба и не указание – приказ.

Тяжело сглотнув, я покорно подошла к нему, остановилась рядом и, задрвав голову, уставилась ему в глаза. На мне были только пижамная майка и короткие шорты. Мне было холодно, и я почувствовала, как затвердели соски. Олег это тоже почувствовал, потому что в то же самое мгновение рука его опустилась на мою грудь. Другой рукой он обвил мою талию и буквально впечатал меня в себя.

– Хорошая девочка, – выдохнул он мне в лицо и тут же завладел моими губами в жестком, не приносящем ничего, кроме страха, поцелуе.

Глава 11

– Олег, – я пыталась отпихнуть его, но силы были не равны. – Олег, перестань! – закричала я, когда его руки, не церемонясь, забрались под мою пижамную майку и с силой стис-

нули груди. – Олег! – в горле стоял ком, на глаза навернулись слезы. Мне было неприятно, мне было страшно, и я... я понимала, что если он не остановится сам, я остановить его не смогу, он сделает со мной все, что посчитает нужным.

– У нас уговор, разве нет?

Олег оторвался от моей шеи и заглянул в глаза. И тут мне стало страшно втройне. Взгляд его был полон злобы. На меня?.. Что я опять такого сделала, черт его дерь?!

– Ты пьян! – я протиснула ладони между нашими телами и отклонилась, когда Олег вновь потянулся к моим губам. Он жёстко ухватил меня пальцами за подбородок и заставил повернуть голову.

– А разве в нашем уговоре что-то было про то, что я тебя трахать не буду, когда пьян? – от тона его так и веяло плохо скрываемым гневом. Он дернул бретельку пижамы так, что тонкая ткань порвалась, погладил по оголенным плечам. – Думаешь, ты такая особенная, Яна? – горячее дыхание у самого моего уха. Мурашки табуном пробежались по моей спине и рукам, сердце заколотилось сильнее. – Нахрена ты мне сдалась?! – провел языком по ушной раковине.

Я дернулась, но он не дал мне ни на сантиметр от себя отстраниться. Наоборот, схватил под ягодицами, и, чуть приподняв, усадил на так удачно подвернувшийся обеденный стол.

– Олег, хватит!

Не в силах терпеть его грубые прикосновения, я зашлась

слезами. Меня колотило, то ли от страха, то ли от холода, то ли еще от чего, а может, от всего вместе. Мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое, хотелось спрятаться под одеялом. Хотелось...

– Я не хочу так!

– А как ты хочешь? – зашипел он. – В вонючем туалете с каким-то хреном, которого ты не знаешь?! Так ты хочешь, Яна?!

Я всхлипнула и зажмурилась, почувствовав, как пальцы его забираются под резинку моих шорт.

Его рука вдруг застыла. Я не открывала глаз, чувствовала его тяжелое дыхание совсем рядом, но не смела пошевелиться. И только ощутив, как он почти ласково убирает с моего лба волосы, подняла веки. Он смотрел на меня так, будто хотел пробраться в меня, проникнуть в мою голову, в мои мысли... Олег Евгеньевич, Вы и так в моих мыслях! Пальцем он вытер слезинку у самой ресницы, я моргнула и снова всхлипнула.

– Прости, – Олег обхватил обеими ладонями мое лицо и коснулся лбом моего лба. – Прости меня.

Я не знала, что ответить. Мне хотелось, чтобы он отпустил меня. Отпустил насовсем. Чтобы все было как раньше, чтобы я... Слезы с новой силой покатались из глаз, плечи мои затряслись. А что бы было с моей жизнью, если бы в ней не появился Олег?

Сама того не замечая, я обвила его шею руками и, судо-

рожно выдохнув, прижалась к нему. Нет, мне не хотелось уходить. И чтобы он отпускал меня тоже не хотелось.

– Яна, – Олег поцеловал меня. Совсем иначе, ласково, едва касаясь моих губ.

Я ответила, так пылко, насколько была способна в данный момент. Мои пальцы стиснули его волосы на затылке. Его руки гладили мою спину, ладони прошлись по лопаткам, опустились к пояснице, ниже... Олег обхватил меня за ягодицы и прижал к себе еще теснее. Губы его продолжали ласкать мои. Я почувствовала его желание, и сама с протяжным стоном прижалась к нему, обхватила ногами его бедра. Оторвавшись от моих губ, Олег приподнял меня и понес прочь из кухни.

В спальне на кровать мы упали, не отпуская друг друга. Я ощущала его тяжесть и горела от охватившего меня возбуждения. Между ног сладко ныло, я сама потянулась к шортам, попыталась снять их, но Олег, убрав мою руку, сам избавил меня от пижамы и трусиков. Откинув в сторону ткань, провел рукой по животу, очертил пупок, прошелся ниже, я вздрогнула, когда рука его накрыла мою плоть. Он провел языком по моей шее, спустился к груди и вобрал в рот твердый сосок. Поигрался с ним языком, затем то же самое проделал с другой грудью.

Я в открытую стонала от удовольствия. Разум отключился. Мне было уже плевать, где он был, с кем он был, и что он не совсем трезв. Я хотела его. Дико хотела. Желание отозва-

лось в моём теле дрожью, и Олег почувствовал это. Горячо выдохнул у моей груди, и я ощутила жар его дыхания влажной кожей. Соски мои затвердели ещё сильнее, а низ живота свело так сильно, что я не смогла сдержать стон.

Олег был всё ещё одет, и рубашка мешала мне касаться его кожи, мешала чувствовать его ещё ближе. Изогнувшись, я непослушными пальцами ухватила воротник. Заставила его привстать и принялась расстёгивать крохотные пуговички, не забывая покрывать лёгкими поцелуями открывающиеся мне участки тела. Крепкие плечи, покрытая темными завитками волос грудь...

Коснувшись его напряжённого живота над поясом джинсов, я не удержала нервный, неровный выдох. Твёрдые кубики и дорожка волос, убегающая вниз, к бугрящейся ширинке. Подняв глаза, встретила с пристальным взглядом Олега. Глаза его, синие-синие, потемнели, зрачки расширились. Я застыла. На какую-то долю секунды ощутила себя замершим перед удавом кроликом, беспомощной жертвой. Но уже в следующий миг ко мне пришло внезапное осознание – всё это сделала с ним я. И этот взгляд – моё, и это желание в его глазах, и вздувшаяся вена на его шее. Медленно, стараясь не отводить взгляда от лица, я взяла его руку и расстегнула манжет рубашки, затем второй. Спустила ткань с плеч, а после подалась вперёд и прижалась к груди Олега обнажённым телом. Боже! Как я могла забыть такое?! Как?! Почему в памяти моей отпечатались лишь бестолковые, неумелые касания

того молокососа в туалете?! Всё-таки я однозначно сплошной минус...

Он обхватил мою голову, помассировал пальцами – достаточно уверенно, жестко, но в то же время так, что по телу моему прошла новая волна дрожи, а с губ слетел протяжный стон. Ладони мои скользнули по его плечам к шее. Я нашла его губы, твёрдую линию рта, и сама стала целовать, легонько перебирая волосы на затылке. Чувствовала слабый запах алкоголя, смешанный с его собственным запахом, и пьянела от этого.

– Ты понимаешь, что сейчас будет? – просипел Олег, на миг отстранив меня.

Он держал мои волосы в кулаке, но боли я не чувствовала. Лишь несущееся по венам желание. Кивнула, глядя ему в глаза и, будто бы этого было недостаточно, тихо сказала:

– Да.

Губы его искривила усмешка, он мотнул головой, глаза блеснули. Я не понимала, что это значит, да и, честно говоря, не особо хотела понимать. Заметила, как он положил руки на ремень джинсов и принялся расстёгивать его. Встав с постели, он продел пуговичку в петельку, опустил собачку ширинки и дёрнул джинсы вниз...

Я выдохнула. Тело его было совершенным. Статуя Давида – ничто в сравнении с этим мужчиной. Бедный скульптор... Он даже представления не имел, что такое идеал, эталон мужской красоты. Крепкий, поджарый... Каждый сантиметр

его тела был идеален, каждая чёртова мышца. Мои пальцы свело от желания провести по ним, а потом... потом повторить движения рук губами, языком. Опустив взгляд к паху Олега, я задышала чаще. Сердце моё быстро и неровно застучало, а живот свело очередным спазмом желания. И пусть сравнивать мне не с чем, Господи... Какой же он был большой! И весь этот прекрасный, сильный, совершенный мужчина желал меня...

Встав на колени прямо на краю постели, я протянула к Олегу руки, и когда он сделал шаг мне навстречу, обняла его. Быстро ткнулась ему в ключицы, вдохнула и тут же накрыла ладонью его плоть. Олег с шумом втянул носом воздух, ладонь его опустилась поверх моей. Я чувствовала его возбуждение, и от этого и сама возбуждалась. Ласкала его пальцами, а узел внутри меня пульсировал с каждым мигмом сильнее и сильнее, до тех пор, пока это не стало почти невыносимым.

– Оле-е-ег, – простонала я, изнывая от раз за разом накрывающей меня горячей волны.

Будто бы поняв этот полный невысказанной мольбы стон, он коснулся меня, раздвинул мои бесстыже влажные складки и проник внутрь пальцем. Я застонала в голос и шире раздвинула ноги. Как же я хотела его! Боже, как же сильно я его хотела!

– Ещё, – уже не смущаясь, попросила я, чувствуя, как он медленно поглаживает меня изнутри. – Хочу тебя...

Он снова усмехнулся, прижался лбом к моему лбу. К пер-

вому пальцу добавился второй, и я всхлипнула. Мне было мало. Мало, чёрт подери! Я не могла думать ни о чём, кроме того, что хочу, чтобы он был во мне. Весь. Весь он – огромный и возбуждённый. Придвинувшись к самому краю, я сделала ещё несколько движений рукой, погладила головку и выдохнула Олегу в губы:

– Пожалуйста, Олег.

Шёпот мой был каким-то сирым, словно бы не моим во все. Да и сама я была будто бы другая. Ладони Олега переместились на мою спину, пальцы тронули позвоночник – позвонок за позвонком, ниже и ниже. Не успела я испытать разочарование из-за того, что он больше не ласкал меня, как он накрыл мои ягодицы и рывком прижал меня к своему паху. Я охнула и в следующую секунду оказалась опрокинутой навзничь. Снизу-вверх я смотрела на нависающего надо мной Коршунова, и всё во мне трепетало сладким предвкушением. Согнув ноги в коленях, я позволила ему устроиться меж моих бёдер, ощутила его толчок мне навстречу, а потом... Тело моё пронзила невыносимая, острая боль. Словно бы в меня с размаху всадили нож. Я выгнулась, неосознанно упёрлась ладонями Олегу в грудь, попыталась оттолкнуть его.

– Ты скотина! – процедила я, тщетно пытаясь бороться с катящимися из глаз слезами.

Сколько раз я падала на тренировках? Десятки, сотни, тысячи раз. Но эта боль... Сукин сын! Конечно же, я бы за-

помнила! Запомнила бы, если бы что-то было! Наглая самоуверенная скотина! Я снова попыталась оттолкнуть его, но Олег перехватил мою руку и, поднеся к губам, поцеловал запястье. Затем склонился ко мне и аккуратно слизал слезу со щеки. И опять его губы на губах... Боль потихоньку отступала, и хотя прежнего желания я больше не чувствовала, осознание того, что он со мной, внутри меня, разливалось теплом. Вздохнув, я приоткрыла рот, позволила языку Олега скользнуть внутрь. Он двинулся – осторожно, медленно, и меня снова ошпарило болью.

– Тихо-тихо, – прошептал он, когда я всхлипнула ему в губы. – Всё скоро пройдет.

Я попыталась расслабиться. Обвила его плечи руками, прикрыла глаза. И больно, и хорошо.

Так вот ты какой, Олег Коршунов.

Самонадеянный мерзавец. Нежный и грубый. Властный и внимательный. Мой тренер и первый мужчина. Мой...

Глава 12

Сидя за столом, я размазывала по краям тарелки овсяную кашу. Олег стоял ко мне спиной в одних домашних серых штанах и наливал в чашки с кофе молоко. Повернувшись, поставил кофе передо мной. Я, подперев ладошкой щеку, исподлобья наблюдала за ним, не обращая внимания на завтрак. Я ждала. Чего? Чего-то... Чего-то, напоминающего «давай поговорим, Яна», хотя бы отдаленно, ну хоть

на самую капелюшечку. Но нет! Олег не считал нужным обсуждать случившееся. Ни утром, когда я, едва проснувшись, снова ощутила его горячие ладони на своей груди, ни сейчас. И то, что вчера он пришел фиг знает, когда, а потом чуть не изнасиловал меня – это норма? А то, что он, скотина такая, соврал мне?! Хотелось на самом деле поиграть в оскорбленную невинность, но я понимала, что ему моя невинность, тем более оскорбленная, как рыбке зонтик.

Коршунов опустил ся напротив и отхлебнул из чашки, глядя на меня прямым взглядом.

– Твои платья для программ готовы, – как ни в чем не бывало произнес он и снова сделал глоток.

И тут я не выдержала. С шумом кинула ложку в тарелку и, отодвинув кашу в сторону, зло воскликнула:

– Ты правда считаешь, что сейчас самое важное – это мои платья?!

– А разве нет? – слегка вскинул Олег брови.

Он казался серьезным, но в уголках его губ я видела затаившуюся усмешку. И это будило во мне ярость.

– Где ты вчера был?! – не сдержалась я.

Нет, не могу я молчать! И к черту уговор! Меня наизнанку выворачивало от всего того, что вчера произошло, в голове все смешалось, и я не понимала, что мне делать, что говорить и как реагировать. Точнее... как ему нужно, чтобы я реагировала?! У нас был секс! Мой первый секс, и я не знала о том, что он был первым. И утром был секс! Осторож-

ный и неспешный... Секс с мужчиной, который прижал меня к стенке и не оставил выбора. С мужчиной, который полон тайн и загадок. С мужчиной, от взгляда которого у меня ноги подкашиваются, а дыхание сбивается. Мне хотелось плакать от обиды. Хотелось... Хотелось, чтобы он относился ко мне серьезнее. И не смотрел вот так! Будто бы и правда, мои костюмы для программ для него важнее ночи, проведенной со мной.

– Мне кажется, мы договорились, Яна, – все то же спокойствие, только глаза чуть прищурил. Коршун, мать его!

– Думаешь, я не имею права знать? – поджала я губы.

– Это не твое дело. Где я был, с кем я был, Яна, тебя это не должно волновать. Ты нарушаешь уговор, закатываешь истерики.

– Не закатываю я истерики! – шумно выдохнула я. Хотелось... мне хотелось подойти и вмазать ему!

– А что это, если не истерика, Яна?

Олег поднялся из-за стола и не спеша приблизился ко мне. Остановился рядом, так, что мое плечо упиралось ему в область живота. Я же напряженно смотрела перед собой, пытаюсь сдержать злые слезы.

– Почему ты мне соврал? – нужно было перевести тему. – Почему не сказал, что не было у нас в ту ночь ничего?

– Хотел преподать тебе урок.

Я резко вскинула голову, встретила с его взглядом. На лоб его падала прядка волос. Голубые глаза будто сканиро-

вали. Урок? Не слишком ли много уроков за последнее время?! Экспресс-курс какой-то! Предательские слезы все же покатались из глаз. Я всхлипнула и поспешила опустить голову. Но Олег рывком поднял меня и заставил посмотреть на него. Он держал меня за плечи так, что мне было больно.

– Урок? – просипела я, слизывая с губы соленую каплю. – А кто дал тебе право лезть ко мне со своими уроками?!

– Я твой тренер, – без раздумий ответил он.

Я засмеялась ему в лицо.

– Так и тренируйте меня, Олег Евгеньевич! На катке! Я Вам никто, чтобы Вы лезли в мою голову! Тренируйте и трахайте, так уж и быть! Только ко мне не лезьте со своими уроками! – выплонула я со всей накопившейся злобой.

Пальцы его стиснули мои плечи сильнее.

– Скажи я тебе, что не было у нас ничего, – вдруг заговорил он, склонившись ко мне, – скажи я, что не в моих правилах трахать пьяное в стельку существо, которое к тому же заблевало всю постель, что бы это изменило?! Ты чувствовала бы себя лучше? Если бы я напомнил тебе обо всем, что ты в ту ночь творила, ты была бы счастлива, Яна?! Если бы я не приехал и не забрал тебя полуживую из того бара, ты проснулась бы утром либо в этом же туалете, выебанная во все дыры и брошенная как отработанный материал, либо дома у подонка, который имел бы тебя всю ночь. Не удивлюсь, если бы он и дружков своих позвал бы поразвлечься. Тогда ты была бы счастлива, Яна? – повысил голос и с силой встрях-

нул меня. – Была бы?! – практически заорал мне в лицо. – Отвечай!

– Я не хотела!!! – захлебываясь слезами, выпалила я.

Меня трясло. От той грязи, что он вываливал на меня, было противно. Противно от самой себя. Потому что Олег говорил правду! Я никогда не думаю головой, прежде чем что-то сделать, и та ночь вполне могла бы закончиться именно так, как Олег это только что описал. Но не закончилась. Благодаря ему. И все же...

– Я имела право знать, что у нас ничего не было, – ну баран он ведь и в Африке баран, правда же?.. – Я имела право знать...

– Хватит реветь! – прогромыхал надо мной Коршунов, но я не могла остановиться. Тогда он отпустил меня, отошел к столешнице, налил воды в бокал и, вернувшись, протянул мне. – Пей!

Я покорно сделала несколько глотков, икнула, всхлипнула и допила воду. Олег забрал у меня из рук бокал и небрежно поставил на стол. Затем снова оказался рядом.

– Давай договоримся еще раз, – тихо начал он. – То, что я делаю, тебя не касается. Когда я прихожу, когда ухожу – тебя это волновать не должно. Не вздумай придумать что-то в своей голове по поводу наших отношений. Ты спишь со мной – я тебя тренирую, Яна. Все.

Он смотрел на меня еще несколько секунд, будто бы закреплял сказанное, желал удостовериться, что я поняла. А

потом отошел и направился было к выходу из кухни, но я в очередной раз не уследила за своим языком:

– А Селезнёву ты на таких же условиях тренировал?

Олег остановился. Не поворачиваясь ко мне, застыл на пару мгновений, но этого хватило, чтобы понять – мне лучше было молчать. Мышцы на его спине напряглись, он медленно повернулся и жестким бескомпромиссным взглядом пригвоздил меня к месту.

– Что ты сказала?

– Что слышал!

– Никогда. Не смей. Говорить. О Лене, – он четко выговаривал каждое слово. – Поняла меня?

Мне стало обидно. Сразу ясно, кто она для него и, кто для него – я. Шлюха, которая лишь удовлетворяет его потребности. А Селезнёва... Видимо, она много значила для Олега, раз он так среагировал. Обидно вдвойне. И тут я ей проигрываю. Балеринка чертова!

– Ты поняла меня, Яна?

– Поняла! – выдохнула я и, сорвавшись с места, вылетела прочь из кухни.

Забежала в спальню, достала первые попавшиеся джинсы, футболку. Глаза жгло слезами, подбородок дрожал, а я с каким-то остервенением пыталась натянуть проклятые джинсы и не шлепнуться на кровать. На ту самую, где в этот раз остались кровавые пятна. Никто из нас не потрудился поменять простынь.

– Сегодня после утренней тренировки поедem в ателье.

У Олега было потрясающее качество делать вид, будто бы ничего не случилось. Мне бы, если честно, тоже хотелось так научиться, потому что меня до сих пор колбасило от нашего утреннего разговора. А он... Не проронив ни слова больше до того, как мы покинули квартиру, молча зашел в спальню и взглядом указал на выход. Я сидела на краю постели, которую все же застелила новым бельем и накрыла покрывалом, зажав ладони между коленей, и сверлила взглядом дверь. А потом и его. Волком глянув, шумно выдохнула и без слов отправилась обуваться. В машине тоже молчали. Только радио разрушало давящую тишину. Я, привалившись к дверце, намеренно делала вид, что его не существует, а Коршунов... Олег Евгеньевич безропотно принял мои правила и, кажется, был даже рад, что я заткнулась. И только перед тем, как выйти из машины на стоянке перед центром подготовки, он снова заговорил со мной.

– Ты слышишь меня? – с нажимом спросил он.

– Слышу, – не поворачиваясь, буркнула я. – Только я не пойму, – все же посмотрела на тренера. – Какого хрена тебе со мной вздумалось ехать? Дел других нет?

– За твои костюмы платил я, Яна, – ответил Олег. – И я хочу, чтобы они были достойны твоих программ. Я лично хочу это проконтролировать.

– Главное, чтобы я была достойна своих программ, – вы-

рвалось у меня. Я зло прищурила глаза и добавила: – Какая разница, насколько шикарные программы и костюмы, если фигуристка не та! – зло выдохнула и потянулась к ручке двери, намереваясь поскорее выбраться из машины.

Но Олег остановил меня. Ухватил за плечо и дернул назад, так, что я буквально навалилась на него. Развернув меня к себе лицом, он выдохнул мне прямо в губы:

– Никогда не говори о том, чего не знаешь, Абрамова.

А потом накрыл мои губы своими, мягкими и теплыми. Протолкнув язык мне в рот, обхватил меня обеими руками и буквально вжал в себя. Моя рука уперлась ему в область паха, и я почувствовала его возбуждение. Да, черт возьми, что с ним не так?! Я попыталась отстраниться, но куда там. Он целовал меня так напористо, уверенно, что я начала отвечать ему. Этот человек точно лишал меня воли. А еще меня пугали чувства, которые зарождались во мне. Этого вот точно не нужно. Ни сейчас, ни, тем более, потом. Потому что я всего лишь его шлюха. А он – моя ниточка, ведущая к успеху. И я ни за что не разожму пальцы. Ни за что.

Глава 13

– Янка, привет!

Меня аж передёрнуло. Настроение и без того было в районе нулевой отметки, так еще и этот... этот... Как наглости то хватило вообще заговорить со мной?!

Я стояла у борта, собираясь выйти на лед. Скинула чехлы

и, не глядя в сторону находящегося рядом Коршунова, протянула ему. Он молча забрал их и бросил на скамейку, стоявшую позади нас. Мы с Олегом снова не разговаривали. Он все так же, как и вчера, донес мою сумку до раздевалки и, скинув её на меня, ушел в сторону тренерской. Вновь столкнулись мы с ним только сейчас, перед самым выходом на лед. Мне не хотелось смотреть на него, но, видимо, сделать это все же придется, потому что...

– Здравствуй, Саша, – процедила сквозь зубы я. Горелов как ни в чем не бывало улыбался и, кажется, чувствовал себя на этом льду как рыба в воде. И не скажешь, что это его первый день в центре Коршунова.

– Ну что ты, решила свои проблемы? – он подкатил ближе к борту и, не обращая внимания на Олега, улыбнулся широкой улыбкой, которая когда-то мне даже нравилась. Такая... с ровным рядом белоснежных зубов.

Я поймала себя на мысли, что парочки с радостью лишила бы его прямо сейчас. Аж кулаки зачесались. Но Яна хорошая девочка. Она не бьет плохих мальчиков. Плохих мальчиков должен бить другой мальчик, который любит девочку. Но мальчик этот девочку не любит и срать ему на отношения этого мальчика и стоящей рядом девочки.

– Может, встретимся вечером, потусим?

И вот тут видимое спокойствие Коршунова дало сбой. Он со свистом втянул в легкие воздух и сделал шаг к борту. Я подняла на него взгляд и удовлетворенно улыбнулась. Олег,

хмурясь, смотрел на Горелова, вцепившись длинными пальцами в борт.

– Горелов, вечером у тебя дополнительная тренировка, – холодно произнес он. С лица Сашки мигом сползла улыбка. – Забыл?

– Нет, Олег Евгеньевич, не забыл, – потупив взор, сказал мой бывший.

– Мы договорились с тобой, Горелов... – вскинув брови, Олег красноречиво глянул на Сашку. Тот, кивнув, развернулся и поехал к Альке, отрабатывающей вращение на другой стороне катка под чутким руководством нашего второго тренера.

Я открыла дверцу борта, чуть проехала, дабы почувствовать гладь льда, а после повернулась и подкатила к Олегу.

– Зря Вы взяли его, Олег Евгеньевич, – со знанием дела выговорила я.

– И почему же?

– Он хоть и талантливый, но ленивый.

– Ты тоже ленивая, но это не помешало мне взять тебя в группу, Яна.

Он говорил серьезно. Я уже научилась понимать, хотя бы примерно, когда Коршунов хочет меня подцепить словами, а когда просто вываливает правду. Скрипнула зубами, послала тренеру гневный взгляд и покатила в сторону от борта.

Внутри меня копилась злость. И ей нужен был выход.

С каждым днем спокойствие давалось мне все с большим трудом. А прошло всего два дня, как я переехала к Олегу. Смешно. Теперь еще и этот... Я зыркнула в сторону обнимающего смеющуюся Альку за талию Сашки, и мне захотелось сделать что-то эдакое... гадкое. Подрезать этого говнюка или чего похуже... Я проехала мимо них, взгляд мой уперся в довольное лицо Горелова. А в следующее мгновение я врезалась в неожиданно появившийся борт и упала.

– Абрамова! – послышался громкий возглас Олега.

Сидя на пятой точке, я повернула голову в его сторону. Могла бы поклясться, что он сейчас готов выйти на каток и отшлепать меня. Или не отшлепать... Невесело ухмыльнувшись, я поднялась на ноги и покатила обратно к тренеру.

– Да, Олег Евгеньевич?

– Ты что вытворяешь? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Ты же знаешь, что мы с ним встречались! – прошипела я.

– А это тут причем?

– А при том! – всплеснула руками, а после положила их на борт рядом с ладонями Олега. – Когда я попросила у него помощи, он слился, а теперь ведет себя, как ни в чем не бывало. И ты еще... других свободных парников не нашлось для Ермаковой?

– Яна, ты не понимаешь...

– Да все я понимаю! – повысила голос я, но тут же осеклась и глянула по сторонам. Не хотела, чтобы нас слышали. – Все я понимаю, – уже спокойно продолжила я. – Понимаю,

что он действительно талантлив, но ведь спортсмен помимо таланта еще чем-то должен обладать, правда же? Он оставил меня на улице, когда меня выперли из общаги. Даже не предложил помочь, придумать что-нибудь, просто сказал – ты же справишься... И Альку он так же может кидануть. Ну или наоборот, вцепиться в неё так, что не отдерешь. Я не говорю о том, чтобы ты его не брал в группу, я просто...

Олег смотрел на меня самым моим нелюбимым из всех его взглядов – будто душу наизнанку мне выворачивал и видел насквозь. И молчал. А я не хотела больше говорить. Поняв, что не дождусь от него какой-либо реакции, сделала попытку отъехать, но вдруг он ухватил меня за руку и вернул мою ладонь на поверхность борта, а после накрыл своей. Его рука была прохладной, но мне стало жарко. Я выдохнула и взглянула на него с мольбой. Не знаю, чего я хотела услышать от него или увидеть в его глазах.

– Я все знаю, Яна. Горелов на испытательном сроке. Если он сделает хоть что-то не так, как мы договаривались, он вылетит из центра, а Альбине я найду другого партнера. Пока же ей необходимо обучиться парным элементам. Для этого подойдет даже твой Сашка.

– Он не мой, – надула губы.

– Я надеюсь, – услышала я и улыбнулась против воли. Какой же он всё-таки!.. Его пальцы крепче сжали мои, и он произнес: – Иди тренироваться. И осторожнее с бортами. Бес-толочь...

– Скотина Вы, Олег Евгеньевич! – нашла я, не переставая улыбаться, оттолкнулась и возобновила тренировку.

Пока шла разминка, Олег находился за пределами катка, потом тоже выехал на лед. Засмотревшись на него, я снова чуть не врезалась в борт. Вовремя остановилась, оперевшись в поверхность руками и спиной почувствовала его недовольный взгляд. Он акцентировал внимание на Але с Гореловым, я же тренировалась под руководством Антона Валерьевича. Мы отработывали прыжки. Получались они у меня с переменным успехом. Коршунов требовал, чтобы на тренировке выполнялось десять из десяти, двадцать из двадцати. Стоило допустить хоть малейшую помарку даже на одном из них, и всё начиналось заново. Десять из десяти, двадцать из двадцати... Олег не позволял закончить, пока результат не становился стопроцентным. Сегодня я чувствовала себя намного лучше, чем вчера, и была полна решимости показать, чего стою на самом деле. Прыгнула десять лутцев подряд, потом десять ритбергеров. А потом... потом у меня получился этот адовый для меня каскад из лутца и ритбергера. Приземлив его, я не удержалась и радостно вскрикнула. Если он начнет получаться стабильно, и я смогу вставить его в программы, это увеличит мою техническую базу. А если еще и четверной... при мысли о тулупе, у меня по телу пробежали мурашки. Я никогда не думала, что могу быть способна даже на тройной аксель, не говоря уж о четверном... С Лапышевой

мы как-то начинали учить аксель в три с половиной оборота, однако техника акселя у меня была нестандартная и на двойном-то иной раз у меня во время программ возникали проблемы, а уж тройной...

Я обернулась через плечо и поймала на себе взгляд Олега. Улыбнулась краешками губ и, вздохнув, снова стала заходить на прыжок. Если мой тренер говорит, что я могу освоить четверной, у меня нет причин ему не верить. Набрал ход, я скрутила тройной тулуп и, разведя руки в стороны, плавно выехала. Ну не просто же так Олег меня взял. Шлюха из меня так себе, а вот фигуристка все же получше будет, как бы он ни убеждал меня в обратном.

Как и обещал Олег, в перерыве мы отправились на финальную примерку моих костюмов. После удачно проведенной утренней тренировки настроение мое немного приподнялось, и когда мы вошли в ателье, я улыбалась, предвкушая, что наконец-то смогу прокатать свои программы при полном параде. Скоро контрольные прокаты сборной России, и я хотела показать на них все, на что была способна. А красивые костюмы давали дополнительный стимул не падать с прыжков. По крайней мере, мне.

Платье для короткой программы было приглушенно-зеленого цвета из ткани, схожей с атласом, но гораздо легче. Платья для фигуристов вообще должны быть максимально облегченными, практически невесомыми, чтобы ничто не

мешало прыжкам, поэтому выбор ткани – дело деликатное и ответственное. Мастер справилась с этой нелегкой задачей великолепно.

– Красивое, – выйдя из примерочной, я уставилась на сидящего на диванчике напротив Олега.

Он оценивающе осмотрел меня, затем, встав, подошел и коснулся моего оголенного плеча. Вместо рукавов были лишь тоненькие лямки, выполняющие скорее декоративную, нежели функциональную роль. Само же платье держалось на телесной сетке, тщательно подобранной мастером к цвету моей кожи. Лиф был украшен цветочным орнаментом из страз. За мою карьеру платья у меня были разные: синие, жёлтые, удачные и не очень, но это, вне всяких сомнений, превосходило их все элегантностью и шиком.

– Красивое, – согласился он.

– Я подогнала его точно по фигуре Яны, – улыбнулась мастер.

Я хмыкнула. По моей фигуре платья только и подгонять.

– Мне кажется, отлично, – кивнул Олег, убрав с моего плеча руку.

Мысленно с ним согласившись, я снова скрылась за ширмой, чтобы примерить платье для произвольной. Оно было белым, украшенным кружевом, без блесток. И в нем я чувствовала себя принцессой. Произвольная программа этого сезона была у меня самой любимой из всех, что я когда-либо катала. Поставлена она была на композицию «Per Te». Я

растворялась в этой песне, парила в ней. Мечтала, что с этой программой я займу первое место на чемпионате России и буду стоять на пьедестале именно в этом платье, с распущенными волосами и счастливой улыбкой на губах.

Осмотрев себя, я довольно улыбнулась собственному отражению и поспешила выйти, чтобы показаться Олегу.

– Смотри! – выскочила я из-за занавески и крутанулась. Но улыбка моя быстро погасла, ибо я поняла, что Олега в комнате нет.

– Он вышел, – сказала мастер. – Давай-ка пока посмотрим, всё ли в порядке.

Она поправила складочку на лифе, провела по кружевным рукавам, коснулась юбки. А я сверлила взглядом дверь.

Олег вошел спустя несколько минут, и я сразу поняла, что что-то произошло. Взгляд был недовольным. Он сунул в карман телефон и бросил на меня взгляд.

– Все хорошо, – сказал он и добавил: – Поехали, у нас тренировка.

Я покорно кивнула и отправилась обратно в примерочную. Что так сильно повлияло на его настроение, что он потерял ко мне всякий интерес? Или кто? Словно в подтверждение моих мыслей снова раздался звонок. И Олег, взяв трубку, раздраженно выговорил:

– Нет, Лена, ты не можешь приехать! Я сам приеду к тебе! Лена. Селёзнева. Ну, конечно. У меня неприятно засосало под ложечкой. Окинув себя взглядом, я скривилась. Кто

победит в борьбе за сердце принца? Нескладный дровосек против балерины из шкатулки... Ответ очевиден. Даже если сердце принца дровосеку даром не нужно, все равно неприятно.

Глава 14

Всю оставшуюся неделю до контрольных прокатов на тренировки я ездила одна. Потому что в тот же вечер, когда Селзнёва позвонила Олегу, он купил билеты и улетел в Америку. Мне лишь сообщил, что вернется через несколько дней.

Сидя на кухне после вечерней тренировки, я доедала сваренную мной гречку и старалась не поддаваться сжигающей меня изнутри колючей ревности и злобе. Как мантру повторяла: «Яна, у вас нет отношений, тебя не должно волновать, куда и зачем он уезжает», и все же... Олег, даже не поужинав, собрал маленький чемодан. Подошёл ко мне уже перед самым отъездом и, заставив отложить вилку, поднял из-за стола.

– Это незапланированная поездка. Я постараюсь вернуться к выходным.

А потом поцеловал меня, так нежно, что ревность вместе с яростью испарились из моей головы, оставив на своём месте лишь грусть. Грусть, что я не могу себе позволить большего в наших отношениях. В отношениях, которых по сути и нет.

В итоге к выходным Олег не приехал. Написал, что задерживается и постарается успеть к контрольным прокатам.

Ключевое слово – постарается. Ну что же, я тоже старалась. Старалась достичь успеха в стабильности прыжков и освоении четверного, который мы начали учить с нашим вторым тренером. Сказать, что он у меня плохо получался – значило не сказать ничего. Я раз за разом прикладывалась об лед, но упорно продолжала прыгать. И однажды злосчастный тулуп у меня-таки получился. Правда, с видимым недокрутом. Но! Я поняла, что Олег в действительности был прав, и этот прыжок мне подвластен. Уделяли мы ему по полчаса каждый день. Больше было нельзя. Хотя я и просила Антона Валерьевича выделить чуть больше времени, он был непоколебим – тридцать минут и не минутой более. Все остальное время – отработка других, не менее важных, по его словам, элементов программы.

Олег дал ему четкие указания по каждому спортсмену, и наш второй тренер не собирался их нарушать. Поэтому и Альке с Гореловым досталась целая неделя в зале. На лед они вовсе не выходили, так что своего бывшего парня я видела всего пару раз в коридоре. И была благодарна высшим силам за это. С Алькой же мы периодически встречались в раздевалке. Хотя вида она не подавала, я понимала, что что-то её грызёт. Конечно, кому понравится кататься в паре с Гореловым.

– Не светят нам в этом году никакие соревнования, – говорила она недовольно после тренировки накануне контрольных прокатов.

Я сидела и с отрешенным видом, даже не разувшись, слушала музыку. А куда мне торопиться? Дома меня никто не ждет. Коршунов на мои смски перестал отвечать еще пару дней назад. Контрольные прокаты уже завтра, а я... Я же не должна думать о том, где Олег и почему его поездка затянулась. Я должна думать о завтрашнем прокате короткой программы.

– Тебе и в следующем не светят, если ты не одумаешься и не бросишь Горелова, – вырвалось у меня.

Аля, в этот момент снимающая ботинки, застыла и повернула ко мне голову.

– Он нормальный партнер.

– Нормальный, – пожалала я плечами, вытаскивая наушники из ушей. – Первое время. А как дойдет до чего-то серьезного, помощи от него не жди.

– Ты предвзята, – фыркнула Алька недовольно и, стащив второй ботинок, быстро обулась, собрала вещи и вышла из раздевалки.

Я же, вытянув ноги, осмотрела мысы своих ботинок. Беленькие, новенькие, я их так берегла... Вздохнув, взяла в руки телефон и снова проверила сообщения. Мое, снова мое, снова мое... пять сообщений, прочитанных Олегом, но ни на одно он не удосужился ответить.

– Ну и ладно, – я все же принялась расшнуровывать коньки. Нужно было ехать домой, ужинать и ложиться спать. Завтра мне предстоит очень тяжелый день.

Достав из шкафчика сумку, я уложила туда коньки, тренировочную форму и неспешно отправилась к выходу. Помимо меня в раздевалке уже никого не осталось, поэтому я выключила свет и вышла в ярко освещенный коридор. Но не успела и двух шагов пройти, как услышала:

– Янка!

Остановиться я даже не подумала, наоборот, прибавила шаг.

– Янка, стой! – моего плеча коснулись руки Горелова. Он дернул меня, заставляя замереть. – Говорю же, стой! – в голосе его слышалось плохо скрываемое раздражение.

Я повернулась и гневно уставилась на него снизу-вверх.

– Чего тебе! – рявкнула я.

Он отпустил меня и произнес:

– Поговорить хотел.

– Мне кажется, ты все уже сказал, что хотел, – скривила я губы.

– Не думал, что ты такая, Яна, – вдруг осмотрев меня презрительным взглядом, выдал он.

Я даже рот открыла от возмущения. Распахнула глаза и воскликнула:

– Интересно, какая?!

– Ты думаешь, никто ничего не знает, да? – хмыкнул он зло.

– Про что?

– Про то, что ты с Коршуновым трахаешься. Да все вокруг

у тебя за спиной шепчутся, а ты...

– А тебе завидно что ли, Горелов? Что с тобой я не трахалась? – меня колотило от разрывающих меня эмоций. Кажется, тот пузырь, что рос во мне целую неделю, наконец лопнет. Нашелся, тоже мне...

– Да, правильно я тебя бросил. Вовремя.

– Это я тебя бросила, придурок, – прошипела я. – А тебе, видно, обидно, да?

– Да больно надо, – едко ухмыльнулся Саша. – Такой как ты только полы в туалете протирать. Шлюха! – выплюнул он.

В следующее мгновение моя рука взлетела, и я влепила ему пощечину. Со всей дури, смачную, звонкую, но в глубине души все равно не чувствовала удовлетворение. Хотелось огреть этого идиота чем-то потяжелее, может, тогда самомнение поуменьшится.

– Еще раз назовешь меня так, еще раз просто подойдешь ко мне... – угрожающе сощурилась я, толкнув его в грудь, убирая с пути.

– Что? Ну? Что? Коршунову своему нажалуешься?! – засмеялся он, потирая щеку. – А за пощечину ты еще ответишь, Яночка, – губа его дернулась в презрительном оскале, и он, еще раз осмотрев меня, пошел дальше.

Я же буквально бегом направилась к выходу. Хотелось разрыдаться, но я не позволила себе этой слабости. Не на ту напал, чтобы я ревела из-за козла, считающего себя пупом Вселенной. Как же я ошибалась в Сашке! Думала о нем го-

раздо лучше. Даже после всего, а он... показал свое истинное лицо... Дождался, пока рядом не будет никого. Не будет Олега.

Я толкнула входную дверь, спустилась по ступенькам центра и пошла к остановке, продолжая бороться с неотступающими слезами. Его слова задели меня. Все вокруг знают, что я сплю с Олегом. Ну, конечно! Только идиот не заметил бы, как он мою сумку с коньками таскал, как мы каждое утро, пока он был в Москве, на его машине приезжали. Один что-то увидел и понеслось... А с другой стороны, что я хотела? Я же знала, на что иду. Думала, все это останется в тайне? Ха! И все же только сейчас я всерьез задумалась, что обо мне думают окружающие. Но что мне с этим делать?

Дойдя до остановки, я опустила свою пятую точку на деревянную скамейку и устало выдохнула. В кармане у меня зазвонил телефон, и я, решив, что это Олег, спешно достала его. Но это был не Олег, это был ещё один гвоздик в крышку... Короче говоря, последний штрих к моим невесёлым размышлениям. Звонила бабушка.

– Да, бабуль, привет, – вяло ответила я.

В глубине души я опасалась, что она уже все знает, ну мало ли, земля круглая... Рассказал кто-нибудь, что её любимая внучка ступила на скользкую дорожку...

– Детка, ну как ты там? – донесся до меня голос единственного родного человека на этой земле.

Если я её разочарую, что у меня останется?

– Все хорошо, бабуль, домой вот еду.

– В общежитие?

– Угу, – глаза защипало от подкатывающих слез, но я, снова выдохнув, мужественно собрала себя в кулак. – Ну а куда же еще?

– Я хотела пожелать тебе отличного проката завтра, Яночка, – произнесла бабушка. – Ты просто помни, что ты – талант. Верь в себя и все обязательно получится. Главное – верь.

– Спасибо, – сдавленно просипела я. Бабушка, прости меня. Я зажмурилась и продолжила: – Конечно, я соберусь и завтра откатаю чисто. У меня очень красивые платья, бабуль. И программы. Таких не было.

– Я рада, что ты не пожалела о переходе.

В голосе бабушки я все же уловила нотки недовольства. Она была категорически против того, чтобы я уходила от Лапышевой. Считала, что так, как она, меня никто не знает и, соответственно, я не смогу показать с другим тренером результат выше, чем был. Но я её, естественно, не послушала...

– Не пожалела, бабуль. Олег Евгеньевич отличный тренер. Вот увидишь, в этом сезоне у меня все получится.

– Я надеюсь на это, моя хорошая.

Увидев, что подъезжает мой автобус, я спешно попрощалась с бабушкой и забралась в забитый чуть ли не до предела салон. Протискивая свою сумку, которую едва не оторва-

ли вместе с моей рукой, я мечтала о том, чтобы завтра мы поехали в Новогорск вместе с Олегом на его Мерседесе. С комфортом и верой в собственные силы.

Желания сбываются. Даже у Яны Абрамовой. Такой была моя первая мысль, когда, отперев дверь, я поняла, что в квартире кто-то есть. Взгляд мой упал на черные лакированные ботинки, затем поднялся к вешалке, где висела ветровка Олега. Я испытала такую щенячью радость, будто бы и правда была щенком, хозяин которого вернулся наконец домой с работы. Готова была забыть все свои не отвеченные смс. В голове билось лишь одно. Он вернулся! Вернулся к контрольным прокатам, вернулся ко мне! И пофиг на то, что он просто вернулся домой. Пофиг!

Быстренько раздевшись, я прошла в кухню. Олег стоял в своих домашних штанах и белой футболке, босиком, что-то помешивая в сковороде на плите. Я метнулась к нему и обхватила со спины. Порывисто прижалась к нему, вдохнула его запах.

– Я рада, что ты успел, – прошептала я, не надеясь, что он меня услышит. Но он повернулся, чуть отстранил меня и посмотрел мне в глаза. Пристально, так, как смотрел на меня только он.

– Антон сказал мне, что ты добилась успеха в освоении четверного, – меня будто ушатом ледяной воды облили. Мои успехи в набивании синяков на заднице – вот что ему дей-

ствительно интересно?

– Да, – я опустила руки, ещё секунду назад обхватывающие его за плечи, и отстраненно кивнула. – Хорошо, что ты приехал, завтра покажу достойный прокат.

Я сделала попытку уйти, но Олег удержал меня за руку. Притянул к себе. Обхватил за талию и улыбнулся.

– Только попробуй завалить. Я за твои платья такую сумму отгрохал... Если ты будешь полировать лед, никто не обратит на них внимания.

– Ты решил свои проблемы в Америке? – разум говорил не спрашивай, но я не смогла удержаться. Нахмурила лоб, предвкушая ледяной взгляд, но Олег продолжил смотреть на меня с легкой усмешкой. А потом прижал меня еще теснее и тихо спросил:

– Ревнуешь?

И я не нашлась, что ему ответить.

Глава 15

– Как жаль, что Леночка завершила карьеру. Такая потеря...

Потеря потерь, конечно. Я стояла чуть позади Олега и разминалась. Мой тренер разговаривал с одним из специалистов, коих на контрольных прокатах собралось много. И я, конечно же, не могла не услышать причитания по поводу скоропостижного окончания карьеры Елены Селезнёвой. Только о ней и говорили вот уже второй день прокатов, а Олег... он не обращал на меня никакого внимания. Едва мы

переступали порог его квартиры, он снова становился холодным и отстраненным. Меня это кололо и раздражало, но я все еще держалась.

Будто бы почувствовав на себе мой взгляд, Олег обернулся и посмотрел на меня. Я тут же принялась усерднее растягиваться, делая вид, что эти разговоры меня не интересуют, но как только он снова повернулся к собеседнику, выпрямилась и бесшумно шагнула ближе.

– Да, в этом сезоне она была бы безоговорочным лидером, – ответил Олег. – Без обид, – тихонько засмеявшись, хлопнул мужчину по плечу.

– Да я не спорю! – примирительно поднял тот руки. – Её Лебединое озеро в прошлом сезоне – нечто невероятное. Такая грация, пластика. А прыжки? Уверен, она и четверной могла бы прыгать.

Я тоже могу. Могу! Поджала губы и развернулась, чтобы и вовсе уйти, но услышала голос Олега:

– Она и прыгала. Именно при выполнении квада Лена получила травму.

Так вот оно что. Индивидуальная тренировка, на которой Коршунов учил балеринку четверному. Я снова двинулась прочь. Мне необходимо было сосредоточиться перед прокатом. Я уже была облачена в свое потрясающее белое платье, оставалось лишь успокоиться и дожидаться выхода на лед. Второй день контрольных прокатов сегодня, как и вчера, открывали танцевальные пары, за ними следовали выступле-

ния девушек. Я выходила в первой разминке и была этому даже рада. Спокойно откатать программу до того, как выйдут мои главные соперницы по сборной. Хотя... и в первой разминке девочки были сильными. Просто чуть младше меня, они еще могли выступать по юниорам. Я при желании бы тоже смогла, у меня был год в запасе, но смысл? Моя цель – Олимпиада.

Я вошла в раздевалку и присела на скамейку. На мне всё ещё были кроссовки. Бросив взгляд на часы над дверью, я поняла, что уже пора надевать коньки. На лавочке, стоящей по диагонали напротив моей, сидели две девочки. Одна из них показывала что-то другой в телефоне, они смеялись и не обращали на окружающих никакого внимания. У меня было еще несколько минут. Прикрыв глаза, я откинулась на стенку и вздохнула.

В Новогорск вчера мы приехали рано, чтобы никто нас не видел и не задавал лишних вопросов. Когда Олег растолкал меня в шесть утра и сказал, что пора собираться, спорить я с ним не стала. Всю дорогу в машине клевала носом, потому что совсем не выспалась, ибо Олег... Как он сам сказал, сильно по мне соскучился, из-за чего полночи мы не спали. Утром же он был как человек, проспавший минимум восемь часов, а я – будто бы бухала всю ночь в клубе и уснула за полчаса до будильника. Но короткую программу я откатала чисто. Мы не вставляли сложный каскад, поэтому меня особо не колбасило. Я выехала на лед в своем новеньком пла-

тье, улыбнулась Олегу и специалистам и... очнулась только после того, как оказалась за пределами катка. Сегодня же все было по-другому. Во многом потому, что каскад лутц-ритбергер Олег заявил в мою программу, даже не интересуясь моим мнением.

– Хочешь добиться успеха – ставь недостижимые на первый взгляд цели, – сказал он мне, когда я увидела заявку своего контента. И мне пришлось признать, что он прав. Но из-за этого на меня накатила нервяк, который я не могла унять до сих пор. А еще разговоры о Селезнёвой... Я чувствовала себя низкосортной заменой Лене. Во всем: на льду и в постели Коршунова. Если он по первому зову помчался к ней в Америку и едва успел вернуться к контрольным прокатам, хотя прекрасно знал, как они для меня важны, то что уж говорить...

– Ой, смотри, Селезнёва новую фотку в инсте выложила! – вдруг донеслось до меня с той самой скамейки, где сидели две девочки. Саша и Катя. Они были на три года младше меня, но уже вышли во взрослые.

Я открыла глаза и бросила в их сторону хмурый взгляд. А они будто бы не замечая меня, продолжили:

– Слушай, она такая красивая. О, смотри, с кем это она тут? Это же Коршунов!

Я взяла свой телефон и открыла то самое фото, о котором говорили девочки. На первой фотке Селезнёва была одна, счастливо улыбалась, греясь в лучах солнышка. И вторая. «С

любимым... тренером» гласила подпись, три сердечка... а на фото Лена и Олег крупным планом. Он шурился все на том же проклятом солнышке и улыбался. Довольный и счастливый. Я нервно выдохнула и бросила телефон в сумку, даже не соизволив поставить на блокировку. Счастливый. С ней. Все говорят про неё. А я так – сбоку.

Только сейчас я поняла, что девчачий писк прекратился, и глянула на подрастающих соперниц. Те смотрели на меня с удивлением. Ничего не сказав, я достала из шкафчика сумку с коньками и, скинув кроссовки, принялась зашнуровывать ботинки. Меня разъедала ревность. Я чувствовала себя отвратительно. Чем я хуже неё? Почему все её так боготворят?! Что в ней такого, черт возьми?! Четверной прыгала?! Так и я ведь могу! Могу! Закрепив шнурки скотчем, я встала и, загнув вещи обратно в шкафчик, заперла его. Вышла из раздевалки. В голове моей родилась мысль. Что если я прыгну четверной прямо здесь, перед всеми этими специалистами, перед Коршуновым? Перед журналистами... Прыгну. Тогда обо мне тоже заговорят, как о талантливой, перспективной фигуристке. Прыгну, и Коршунов забудет про свою Селезеву. Я заставлю его забыть о ней!

Зайдя в разминочный зал, я нашла взглядом Олега. Он снова разговаривал, но уже с другим тренером. Не церемонясь, я подошла к нему и сказала:

– Олег Евгеньевич, мне нужна Ваша помощь.

Он, явно недовольный тем, что я его оторвала от беседы,

перевел на меня взгляд. Но согласно кивнул и, извинившись, отвел меня в сторону.

– Что тебе?

– Скажи мне, что я талантливая, Олег, – выпалила я.

Недоверчиво усмехнувшись, он покачал головой.

– И ради этого ты меня отвлекла от разговора?

– Да! – уверенно кивнула я. И тише заговорила: – Олег, пожалуйста! Ты не видишь, что я нервничаю?

– Вижу. Но сегодня ты должна прыгнуть этот каскад. Даже если другие прыжки не получатся, нужно показать новый элемент судьям, – выговорил он, серьезно глядя на меня.

– Я поняла, – уперлась я взглядом ему в плечо и стояла, теребя рукав олимпийки.

Олег приподнял мою голову за подбородок и заставил посмотреть на себя. Что он там в моих глазах пытался найти, не знаю. Но видимо что-то нашел, потому что недовольно выговорил:

– Не делай глупостей, Яна.

– Не буду, Олег Евгеньевич, – отчеканила я, придав голосу как можно больше твердости.

Он продолжал всматриваться в мое лицо, а после, очевидно решив, что я не вру, отпустил и погладил по руке.

– Холодная, – сказал он. И в голосе его теперь появились нотки участия. Ну надо же. Ему есть дело до моих рук?! – Ян.

– Что?

– Ты должна научиться собираться. Выйди и докажи всем

вокруг, что тебя рано списали со счетов. Докажи своему бывшему тренеру, специалистам и даже мне. Но в первую очередь докажи себе.

Как много букв, Олег Евгеньевич. Будто бы я сама не понимаю.

– Отключи эмоции, – продолжил он. – Сосредоточься на технической части. Эмоции твои мы включим потом, когда ты начнешь выкатывать программу. Сделай все, что мы тренировали, к чему стремились все межсезонье.

– Ты будешь рядом? – наивно спросила я, хватаясь за его руку и сжимая её крепко. Так крепко, как мне хотелось бы, чтобы он сжал мою, но... я же не Лена.

– Я буду у борта, – улыбнулся Олег и вдруг обнял меня, погладил по напряженной спине. Коснулся будто бы невзначай мочки уха и прошептал: – Постарайся ради себя, малыш.

«Малыш». Я проглотила вставший в горле ком и кивнула. Какой же он... Я будто бы на качелях с ним. Холодный и отчужденный и тут же – самый близкий, родной. Я докажу тебе, Олег, что меня есть за что любить.

Отстранившись от него, я сняла олимпийку и протянула ему со словами:

– Скоро моя разминка.

– Да.

Я снова мотнула головой, поправила высокий пучок, собранный из моей гривы, и бросила быстрый взгляд в сторону двери, ведущей на каток. Посмотрим, чему ты научилась,

Яна.

Глава 16

С детства у меня была огромная проблема: я терялась в моменты, когда на меня смотрело много народа. Очень долго я преодолевала это чудесное свойство валить все напрочь, стоило мне оказаться на соревнованиях, где в зрителях помимо судей находилось больше десяти человек. Спустя годы справиться с этим мне более-менее удалось, однако очень часто на стартах я все равно заваливала одну из программ. Обычно короткую. Вчера же, к собственному удивлению, короткую программу я откатала хорошо, и теперь... Я обернулась на Олега, застывшего у борта с моей олимпийкой и чехлами. Взгляд его был напряженным, он неотрывно следил за мной. Перед стартом, когда я уже выехала на лёд, но имя моё оглашено еще не было, он взял меня за руки и снова повторил:

– Докажи самой себе, Яна, что ты достойна главных стартов.

Кивнув, я поехала в центр катка. Моя «Per Te» вот-вот должна была зазвучать из колонок, и я, выдохнув, застыла в начальной позе. От идеи прыгнуть четверной я не отказалась. Прикинула в уме, какие изменения мне необходимо будет внести в прыжковую часть программы в связи с этим. В голове билось: Яна, докажи, докажи, докажи! И я понеслась по льду вместе с первыми аккордами мелодии. Набрала

достаточный ход для тулупа, сосредоточилась. Сделать все, как мы делали. Набрать ход, оттолкнуться и скрутить четыре оборота. Да пусть хоть с недокрутом, но он у меня получится, а потом я сделаю каскад, и Олег обязательно оценит это, увидит наконец во мне перспективу. И не только он.

Все, как на тренировке... Толчок ото льда – один оборот, второй, третий, четвертый... Ощувив, что на последний оборот мне не хватает высоты, я попыталась раскрыться раньше, однако на ногу приземлить тулуп не удалось, и я со всего маху рухнула на гладь катка. Область виска пронзила резкая боль, перед глазами потемнело, посыпались искры, и только после всего я почувствовала забирающую из легких воздух боль в бедре.

Музыка продолжала играть. Я попробовала подняться – кое-как это у меня получилось. Села на колени, но дальше не смогла. Со стоном коснулась ушибленного места и взмахом руки дала специалистам понять, что дальше продолжить прокат не смогу. Это же надо так... По лицу моему покатались слезы. Музыка наконец оборвалась. Как же мне хотелось, чтобы все находящиеся на катке люди куда-нибудь делись, чтобы перестали смотреть на меня. Минус... Усилием я все же поднялась со льда и покатила к бортику. На тренера своего поднимать взгляд мне не хотелось. Но пришлось – и... я ничего хорошего в его ледяных глазах не увидела. Даже на мгновение подумала, что еще могу раскататься и продолжить выступление. Но что я сумею показать? Вытер-

ла слезы и, прихрамывая, подкатила к уже открытому борту. Взяла протянутые Олегом чехлы и нацепила. Не поднимая головы, встала рядом с ним, ожидая праведного гнева. Однако праведного гнева не последовало. Он молча набросил на мои плечи олимпийку и спросил:

– Ты в порядке?

Я кивнула. Нет, в порядке я не была. Боль в бедре немного прошла, висок еще ныл, но как мне казалось, ничего серьезного. Сколько раз я падала? И в этот раз ничего страшного. Мы люди привыкшие. Куда больше меня страшил сам Коршунов, нависший надо мной грозной скалой. Хоть тон его и был мягок, я понимала – это обманчиво. Влетит от него мне по полной. Взяв за локоть, он повел меня в подтрибунное помещение.

– Олег, – когда мы прошли половину коридора, я попыталась затормозить, однако он будто бы не слышал меня. Тогда я ущипнула его за руку и воскликнула: – Хватит! Отпусти меня!

– Ах ты... – зашипев, он повернулся и окинул меня взглядом, в котором полыхала такая ярость, что мне стало не по себе. – Ты что вытворяешь, идиотка?! – процедил он, сузив глаза.

Не обращая внимания на проходящих мимо нас людей, он продолжал буравить меня взглядом.

– А что я вытворяю?! – в ответ заговорила я. – Ты думаешь, я ничего не понимаю, да?! Ты думаешь, слепая, не вижу

ни хрена?! Все меня сравнивают с твоей Селезнёвой! Все говорят только о ней. Ах, как жаль, такая талантливая! – скорчилась я. – Четверной прыгала, да? – я нервно выдохнула и вырвала руку из его хватки. Впрочем, удержать он меня и не пытался. Просто смотрел, как на надоедливую комара, жужжащего над ухом. – Я не хуже, Олег! Почему все считают меня недостаточно хорошей?!

– Потому что ты, Абрамова, недостаточно хороша! – выдал он. Я отшатнулась от него, не веря собственным ушам. Но ему было плевать, и он продолжил, четко выговаривая каждое слово, впечатывая его в мой глупый мозг: – Она была лучше тебя по всем параметрам, и её травма серьезно ослабила сборную. А ты... Ты своими идиотскими поступками можешь лишить сборную ещё одной одиночницы, понимаешь?! Какого хрена ты пошла на четверной, который у тебя еще ни разу не получился чисто?!

Я своим поступком могла лишить сборную ещё одной одиночницы. Он сказал это так, будто бы хотел обидеть, но на самом деле эта фраза значила другое. Господи, я правда идиотка! Всхлипнув, я прижала руку к губам.

– Ты могла травму получить, хоть это то ты понимаешь, Яна? – Олег сделал шаг и притянул меня к себе. Погладил по спине и еще крепче обнял. Я уткнулась лбом в его грудь и заревела еще сильнее. – Что же ты дурная такая, а? – беззлобно выговорил он, тяжело вздыхая.

– Второй день тут все говорят о Селезнёвой, – прогундо-

сила я. – Ты был у неё в Америке, и я... Я...

– Я был в Америке вынужденно, Яна.

– А на фотках, которые она выложила, ты не выглядел так, будто тебя к чему-то вынудили, – всхлипнула и потерлась о него.

Руки мои непроизвольно легли на его поясницу. Я понимала, что со стороны это выглядит довольно двусмысленно, но не могла заставить себя отступить. Эти мгновения близости с Олегом давали мне так много, что я и сама не представляла, насколько сильно он мне, оказывается, нужен. Этот тупой уговор, на который я пошла... да к черту его! Как я смогу и дальше выполнять роль бесправной шлюхи в его постели? Шлюхи, не имеющей на его сердце даже капельку прав...

– Лена любит выставлять напоказ наши с ней отношения, – услышала я тихий голос Олега. Отстранилась от него и, нахмурившись, заглянула ему в лицо.

– А какие у вас отношения? – спросила, готовая услышать резкое: «не твое дело». Но Олег, немного подумав, все же ответил:

– Скажем так, я в ответе за неё, Яна. Я ей должен. Но я не хочу, чтобы ты думала об этом.

И вот как теперь об этом не думать?! Я вскинула брови, ожидая пояснений, но пояснять он мне ничего не собирался.

Улыбнувшись, провел пальцем по моей щеке, убирая слезинку.

– Поехали домой.

– А как же собрание после прокатов?

– Ну, тебе несладко пришлось, – усмехнулся он, кладя руку на мое бедро и поглаживая его. – Нужно принять срочные меры. Ты всем показала, как ты феерично можешь летать с прыжков, этого достаточно для тебя на сегодня.

Домой мы вернулись около шести вечера. По пути Олег завез меня в больницу, где мне сделали рентген и МРТ, чтобы удостовериться, что шлепнулась я без особых последствий. Так оно и оказалось: доктор не нашел ничего страшного. Порекомендовал мазь от ушибов вкупе с парой дней отдыха, и Олег заверил его, что я добросовестно исполню все полученные предписания.

Стоило нам войти в прихожую и раздеться, Олег вдруг прижал меня спиной к себе и шумно вдохнул.

– Что ты делаешь? – сипло спросила я, почувствовав, как рука его накрыла мою грудь.

– Знаешь, что меня в тебе привлекло? – задал он вопрос, начиная расстегивать пуговичку на моих джинсах.

– Что? – плохо владея собой, все же поинтересовалась я.

– Ты чокнутая, Яна! – засмеялся он и развернул меня к себе. – Помнишь чемпионат России?

Я мотнула головой.

– Ты на тренировке перед произвольной программой так смачно приложились об борт, когда исполняла каскад. А потом громко выругалась, мотнула своей гривой и снова пошла

на каскад. Упрямая.

Вновь его голос обволакивал меня, превращал в податливый воск. Его горячие ладони блуждали по моему телу, и это сводило меня с ума до такой степени, что я едва не мурлыкала от удовольствия. Что он говорит? Упала и выругалась?!

– Я тогда будто бы впервые увидел тебя, эдакая рыжая бес-тия. Такое чудо должен был увидеть весь мир фигурного катания. Я не могу позволить, чтобы этого не случилось. Поэтому мы с тобой поедем и на главные старты, и на Олимпиаду. Потому что ты чудесная, Яна Абрамова, – прошептал мне в губы, а в следующий момент уже целовал меня, опешившую от его неожиданных, совершенно ему не свойственных слов.

– Олег...

– Все потом, Яна, – выдохнул он и подхватил меня под ягодицами.

Я чуть поморщилась – бедро все еще давало о себе знать, но уже через секунду обняла его за шею и улыбнулась.

В спальне Олег бросил меня на постель и навис сверху. Я выдохнула и тут же снова подалась к нему. Стянула с него свитер и провела ладонями по его широкой, покрытой порослью тёмных курчавых волос груди. Глаза его вспыхнули желанием, и вспышка эта отозвалась внутри меня волнительной дрожью. Олег резко дёрнул вниз молнию моей толстовки, а после, не снимая её, задрал футболку и обнажил грудь. Его большая, тяжёлая ладонь накрыла одно полушарие, и по

телу моему пробежали мурашки. Одно только это прикосновение вызвало у меня нетерпеливый стон, а когда он склонился и принялся ласкать языком второй сосок, я и вовсе изогнулась от желания быть ещё ближе к нему. Запустила пальцы в его густые чёрные волосы и прижала к себе. Почувствовала его усмешку.

– Олег! – выдохнула я, понимая, что мне хочется стукнуть его. Во мне всё горит, а он смеётся...

Кажется, он уловил моё желание. Мягко прикусил, втянул сосок в рот и, нашарив застёжку моих джинсов, в одно мгновение справился с ней.

Через минуту и он, и я были уже совершенно голыми. Я даже не поняла, в какой именно момент с меня соскользнули трусики. Только его пальцы, касающиеся моего тела, только его жадные губы...

– А ну-ка, рыжая, – хмыкнул он и заставил меня, встав на колени, упереться ладонями в матрас.

Я едва не задохнулась от откровенности собственной позы. Обернулась к нему, приоткрыла рот, чтобы что-нибудь сказать, и тут же ощутила шлепок по заду. Бедро вновь дало о себе знать, но боль затихла так же быстро, как и появилась. Теперь я чувствовала поцелуй Олега у себя на спине – по лопаткам, ниже по позвоночнику... Дойдя до поясницы, он прихватил кожу зубами.

– Какая же ты вкусная, – рыкнул он и надавил мне на спину, заставляя прогнуться. Я почувствовала его сзади. Твёр-

дый и большой... Ох, мамочки! Господи, знала бы бабуля...

Но мысли о морально-этической стороне происходящего вылетели из моей головы, стоило Олегу, раздвинув влажные складки моей плоти, проникнуть в меня сразу двумя пальцами.

– Олег, – охнула я и тут же несдержанно застонала.

– Нравится? – прохрипел он, натягивая меня. Вторая его ладонь вновь накрыла мою грудь. Я чувствовала себя вульгарной и развратной, но стыда от этого не испытывала. Напротив, мне было мало. Хотелось большего – всего его: рук, губ, твёрдой мощи в себе. Хотелось резких движений и шлепков влажных тел друг о друга, сплетения языков и запаха секса. Когда я только успела стать такой?! Всего каких-то пару месяцев назад сама мысль о подобном вызывала у меня неловкость, а теперь...

Потерев мой клитор, Олег приставил ко мне головку члена и сделал резкое движение бёдрами. Я всхлипнула. Пальцы его впились в моё уцелевшее бедро, из горла вырвался рык. Мне нравились его стоны, нравилось, как он рычит во время секса. Настоящий хищник. Вот только жертвой его я себя почему-то не ощущала. С первыми же толчками мы поймали ритм друг друга – резкий, порывистый, жадный и нетерпеливый – вперёд-назад, вперёд-назад. Запах секса, звучные удары влажных тел... На лбу у меня выступила испарина, волосы прилипли к коже. С каждым движением узел внутри становился плотнее, а мне хотелось ещё и ещё. Удовольствие,

граничащее с болью...

– Какая же ты... – выдохнул Коршунов, вбиваясь в меня со всего маха.

– Какая? – простонала я, подаваясь к нему бёдрами.

– Дикая, – резкий толчок. – Красивая, – ещё один. – Дурная...

Счастье Олега, что моё положение не давало мне возможности наградить его парой глубоких царапин. Поняв, о чём я думаю, он издал короткий сдавленный смешок и вогнал в меня член так глубоко, что я вскрикнула в очередной раз. Легонько погладил по ягодицам и прошептал:

– Но в дурости твоей есть особая прелесть, Яна.

Не знаю, стоило ли расценивать это, как комплимент или нет – в тот момент думать я об этом была уже не в состоянии. По телу прокатилась судорога, а потом ещё одна. А еще через пару мгновений меня сотряс оглушительный оргазм. Самый сильный из всех, что я успела испытать за свою недолгую карьеру личной шлюхи собственного тренера. Ох.... Руки мои подогнулись, и я бы упала, если бы Олег не подхватил меня под животом и не удержал. Ещё один толчок...

– О-о-о... О, Боже... – застонала я, понимая, что вслед за первой, меня накрыло второй волной. – Олег...

Зарывав, он втиснул меня в себя, и я почувствовала внутри его горячую пульсацию. Снова застонала. Меня трясло, тело моё походило на голый нерв, груди ныли.

– Да, малыш, – услышала я голос Коршунова у своего уха

и закрыла глаза.

Олег помог мне выпрямиться, и я, присев на бедро, откинула голову ему на плечо. Влажно... Он пах мужчиной. Терпкий, вкусный запах, будоражащий мысли, заставляющий нутро сворачиваться пониманием: не отдам. Он мой. Только мой. Потому что именно так и должен пахнуть мой мужчина. Мой. Не отдам. Не хочу отдавать, не могу.

Глава 17

Моя голова лежала на груди Олега. Я ощущала, как бьётся его сердце: размеренно, степенно. Провела по животу ладошкой и усмехнулась, почувствовав, как он напрягся. Но руку мою не убрал. Сам он перебирал прядки моих волос, рассыпанных по плечам и спине.

– Олег, – наконец решилась я прервать царящую тишину. После феерического секса мы не произнесли ни слова. Я боялась нарушить образовавшуюся вдруг идиллию, а Олег... кто ж знает, о чем думал Олег Коршунов.

– Что?

– Можно спросить тебя кое о чем?

– Ну давай, спрашивай, – кивнул он.

Я подняла на него взгляд и, выдохнув, произнесла:

– О чем думает Олег Коршунов? Зачем ему Яна Абрамова? Где все твои медали? Что ты хранишь в запертой комнате?

– Это уже целый допрос с пристрастием, – улыбнулся

Олег. Провел ладонью по моей спине, очертил позвонки и снова зарылся пальцами в волосы.

Я едва не прикрыла глаза от наслаждения, но сдержалась. Приподняла брови в ожидании ответа. Олег смотрел на меня пристально, будто решая, на какой вопрос отвечать первым, да и стоит ли отвечать вообще.

– Я сложный человек, Яна, – все же заговорил он. – И моя жизнь тоже сложная.

– Расскажи хоть что-то о себе.

– А зачем?

– Я хочу тебя хоть чуточку поближе узнать, – вздохнула я, уже предвкушая его ответ: «зачем тебе узнавать меня, ты же просто моя шлюха, а я твой тренер».

Но Олег удивил меня. В который раз. Он одним движением приподнял меня и перекинул через себя так, что я оказалась на нем. Руки его забрались под одеяло и погладили мои ягодицы. Я тут же ощутила прилив желания. И своего, и его... Улыбнулась ему, поёрзала и получила несильный шлепок по заду.

– Если ты не остановишься, мы не договорим.

– А ты настроен на разговор?

– У меня сегодня хорошее настроение.

– И отчего же? – уголок моего рта искривился в усмешке.

Я очертила пальцем его сосок, коснулась груди.

– Моя фигуристка сегодня была хорошей девочкой... в итоге, – он засмеялся, ощутив мой тычок ему в ребра. – Ай!

Я же говорю, ты дикая!

Я сощурилась и зашипела, а после рванула к его шее, желая укусить. Но Олег, перехватив меня, подтянул к своему лицу и впился в губы.

– Оле-е-ег, – застонала я, отстраняясь. Прекрасно понимала, что, если он сейчас не остановится, я окончательно потеряю голову, и мы снова займемся сексом. А я хотела говорить. Раз у ж у него сегодня хорошее настроение...

– Ну что? – взгляд его горел желанием. – Сама же первая начала.

– Это правда, что ты мне сказал? – со всей серьезностью спросила я.

– Что именно?

– Что я тебе понравилась еще на чемпионате России.

– Правда, – кивнул он. – И что ты дурная – тоже правда.

– Ты всегда так! – я попыталась обидеться и сползти с него, но он не дал мне сделать ни первого, ни второго. Снова коснулся губами моих губ и выдохнул:

– Ты красивая очень, Яна. Яркая, самобытная. И катание у тебя такое же. Тебе многого не хватает для того, чтобы стать лидером, но мы поработаем над каждым аспектом и, обещаю тебе, ты выиграешь этот чемпионат России.

– Ого, заявочки, – я ткнулась ему носом в грудь и прикрыла глаза. – Зачем ты заставил меня быть с тобой, Олег? – тихо выговорила я, опять же не надеясь на ответ.

– Ян, это не так просто объяснить.

– А ты попробуй, я не настолько тупая.

– Я хотел, чтобы ты была со мной.

– Зачем?

– Потому что хочу тебя. Хочу так, как ни одну женщину до тебя не хотел, – он снова погладил мои ягодицы, нежно, практически невесомо, а после продолжил: – Это сложно понять.

Я промолчала. Внутри меня разлилось тепло. Его слов мне было достаточно. Он хотел меня, именно меня, и все, что он делал, было для того, чтобы я оказалась здесь и сейчас рядом с ним. И если в данный момент, лежа на его груди, я испытываю спокойствие и удовлетворение, значит, все, что было, все, через что мне пришлось пройти – было не зря? Не зря.

– Прости меня, Олег, за то, что вставила четверной в программу. Я понимаю, что это могло привести к плохим последствиям.

– Это могло привести к травме, Яна. Называй вещи своими именами. Травма, пропуск серии Гран-при, а может, и чемпионата. Больше так не делай.

– Не буду, – я потерлась щекой о его грудь, затем коснулась губами.

Что было бы со мной, если бы не Олег? Об этом я понятия не имела. Кто выгнал меня из общаги, кто попросил Лапышеву не брать меня обратно, кто вынудил меня оказаться в этой постели? Сам ли Коршунов? Или это лишь стечение

обстоятельств?

– А другие вопросы? – спросила я снова. – Что в закрытой комнате? Страшные секреты? – улыбнулась я.

– А вот это тебя не касается, – мигом посерьёзнев, ответил Олег.

Я снова подняла голову, нашла его взгляд и поняла, что и правда не стоит. Но интерес мой не унялся, напротив, стало ещё любопытнее, что он скрывает.

– Поняла меня? – Олег взял меня за подбородок.

– Поняла.

Последующие два дня я бездельничала. Олег каждое утро уходил на работу, а я полдня валялась в постели, смотря какой-нибудь фильм, а вторую половину готовила ужин. Бедро меня почти не беспокоило, мазь помогала, и синяк уже начинал желтеть. Я рвалась на лед, но Олег был категоричен – нет. Он приходил поздно, уставший и какой-то напряженный, а на мои вопросы отвечал односложно. Он снова будто бы закрылся от меня, выстроил стену. И я снова его не понимала.

А на третий день мне позвонили. Номер был мне незнаком. Я не очень любила брать трубку, когда не понимала, кто мне звонит, однако на этот раз все же ответила. И какого же было мое удивление, когда меня поприветствовала довольно дружелюбная девушка, представившаяся журналисткой – Ирмой Александровской. Имя её, конечно же, было мне зна-

комо. Лично мы никогда не общались, но я много раз читала её интервью с известными спортсменами и была приятно удивлена, когда она попросила о встрече. Договорившись увидеться с ней в кафе неподалеку от дома Олега, я на всякий случай написала ему смс, что вышла подышать свежим воздухом и, быстро собравшись, отправилась на встречу.

– Очень приятно с тобой познакомиться, Яна.

Инга была широко известным спортивным журналистом, пишущим иногда на невероятно острые темы, оттого мне было очень интересно, что же она хочет от заурядной фигуристки Яны Абрамовой.

– Мне тоже, – смущенно улыбнувшись, я присела напротив неё за столик. Подоспевший официант разложил меню. – Можно кофе? – попросила я.

– Да, конечно.

– И мне только кофе, – Инга кивнула официанту и перевела взгляд на меня.

Она была красивой женщиной, эдакой роковой блондинкой. Ухоженная, стильная и уверенная в себе. Я чувствовала себя рядом с ней замухрышкой, потому как даже не нарядилась на встречу, что уж говорить о торчащих, из наспех собранного пучка, волосах. На миг подумалось, что вот такая и нужна Олегу. Достойная его женщина, а не я, Яна Абрамова.

– Что Вы хотели?

– Яна, давай сразу на «ты», – махнула она рукой.

– Хорошо, – согласилась я и продолжила настороженно разглядывать её.

– Я хотела бы с тобой поговорить о твоём тренере.

Ах, ну да! Я едва удержалась от смешка. Как я могла вообще предположить, что Александровскую интересую именно я, когда у меня супер известный и таинственный тренер.

– Наверное, об Олеге Евгеньевиче Вам лучше поговорить с самим Олегом Евгеньевичем, а не с его фигуристкой, – резковато ответила я, на что Инга улыбнулась еще шире.

– Нет, я бы хотела поговорить с тобой, Яна, потому что ты тоже являешься жертвой сексуальных домогательств.

– Простите, кем я являюсь?! – воскликнула я, вытаращив на журналистку глаза. Она совсем с дуба рухнула?

– Послушай меня, Яна, – она склонилась ко мне и понизила голос: – Я уже давно собираю на него информацию, о его, так сказать, не слишком профессиональном поведении в отношении своих фигуристок.

– О чем Вы?

– Ты же знаешь Лену Селезнёву? – вскинула тонко очерченную бровь.

Я кивнула.

– У меня есть основания полагать, что он принуждал её к сексу.

– И какие же основания у Вас есть? – спросила я, хотя, что уж, если об этом говорят все, кому не лень, да и сам Олег вроде как не сильно отрицает, что Лена для него – не просто

спортсменка, а нечто гораздо большее.

– Понимаешь, я давно наблюдаю за этим человеком. У него большие связи в Федерации. Олег Коршунов в нашем спорте личность неприкасаемая. Конечно – Олимпийский чемпион, успешный тренер. Но что творится в его голове, не знает никто. А Лена... Она не случайно получила травму.

– Вы разговаривали с ней?

– Пыталась, – нехотя призналась Инга. – Её родители отказали мне. Но ты... ты можешь многое рассказать, уверена в этом. Он приставал к тебе, ответь честно? И не бойся Коршунова, мы его быстро прищучим, он не сделает тебе ничего плохого.

– Нет! – возмутилась я. Мне было так противно, мерзко от того, что она говорит такое про Олега! Про моего Олега! Я вскочила с диванчика и гневно уставилась на продолжающую сидеть как ни в чем не бывало Ирму. – Олег Евгеньевич – профессионал своего дела. И отношения у нас с ним сугубо профессиональные. Он мой тренер, я – его фигуристка. Никакого интереса, помимо профессионального, он ко мне не проявлял и не проявляет. Не звоните мне больше по этому поводу, ничего другого я Вам не расскажу, – прочеканила я. – До свидания! – холодно кивнула журналистке и, получив ответный кивок, поспешила к выходу.

Уже на улице получила смс от Олега: «Ты где? Я уже дома». Быстро написала: «Скоро буду» и открыла приложение, чтобы вызвать такси. Руки мои тряслись, по нужным вклад-

кам я едва попадала. Мне хотелось забыть об этом разговоре с Александровской. Но я прекрасно понимала, что сделать мне этого не удастся.

Глава 18

Наверное, стоило рассказать Олегу про мою встречу с Ингой сразу же. Но я все оттягивала. Понимала, что это очень серьезно, но... Но что-то удерживало меня. Может быть, запертая комната, а может, его отношение к Селезнёвой, а может... Внутри меня закралось подозрение, что все, что сказала Инга, в действительности правда. Я думала попытаться связаться с Леной, однако быстро отказалась от этой идеи. Нет. Что она мне расскажет? А зачем ей мне вообще что-то рассказывать? Кто я такая? Следующая шлюха её бывшего тренера, вот и все.

Так прошло две недели. И с каждым днем, проведенном под косыми взглядами тренирующихся в центре Коршунова спортсменов, я все больше уверялась в мысли, что ничего Олегу рассказывать не буду. Взгляды эти и бесконечные шушуканья у меня за спиной мне жуть, как не нравились. Я злилась, накручивала себя и на лед выходила натянутой, как струна. Мне казалось, что коснись меня кто – я вспыхну, как спичка. Но, к моему удивлению, это состояние рождало во мне еще большую уверенность на тренировках. И не только на них.

Три дня назад мы с Олегом вернулись с первого этапа куб-

ка России, где я заняла верхнюю строчку подиума, впервые за долгое время откатав обе программы чисто. Ну, не совсем чисто, прыжок в каскаде я не докрутила, но в остальном, как сказал Олег, на троечку. Я была счастлива находиться с ним где-то помимо дома и тренировочного центра. В выходной между короткой и произвольной программами мы гуляли по городу, и я на несколько часов смогла расслабиться, побыть просто девушкой, прохаживающейся по набережной со своим мужчиной.

Но как только мы вернулись в Москву, все началось заново: косые взгляды, шушуканья, смешки... И мои тренировки, на которых я впервые прыгнула четверной без недокрута.

– Отлично! – едва я приземлила прыжок и выехала, услышала довольный возглас Олега и улыбнулась. Он подкатил ко мне и произнес: – Вот видишь! А говорила – не могу.

Я хотела броситься ему на шею, обнять крепко, так крепко, чтобы почувствовать его всего. Окунуться в его запах. Но делать этого было нельзя, и я сдержала свой порыв. Лишь пожалала плечами и, не переставая улыбаться, тихо сказала:

– С Вами я все смогу, Олег Евгеньевич.

Он ответил мне затаившейся в уголках глаз улыбкой, а после четко выговорил:

– Но придется поработать над заходом. Ты собираешься на прыжок слишком долго, это не принесет дополнительных баллов. Продолжай тренировку. Отрабатывай вращение. Ты вечно ковыряешься.

Я молча кивнула и покорно покатила ко второму тренеру, вокруг которого собралось несколько фигуристов. Краем глаза заметила Альку и Горелова. Невольно засмотрелась. Аля парила в высокой поддержке, Горелов катил с очень сосредоточенным выражением лица. Конечно, качаться надо, тогда и тяжело не будет. Хоть фигура у Али и «песочные часы», есть что подчеркнуть топом и лосинами, как ни крути, она мелкая. Так что потуги Сашки выглядели уж очень смехотворно. Я скривила губы в презрительной усмешке и отвернулась.

А буквально в следующее мгновение раздался вскрик.

Я снова обернулась и увидела Альку, лежащую на льду. А рядом с ней сидящего и потирающего ушибленное бедро Горелова.

– О Боже! – я покатила к Але. – Ты в порядке? – не обращая внимания на злобно сверкающего глазами Сашку, обратилась к поднимающейся Альбине.

Помимо меня возле них была уже вся группа. Олег, отвлекшийся было на кого-то, пробирался к Альке, расталкивая спортсменов.

– В порядке, – морщась от боли, прохрипела она.

– Альбина, где болит? – Олег присел перед ней на корточки и осторожно ощупал лодыжку.

– С ногой все в порядке, – она пошевелила стопой. – Руку вывихнула, – сказала она и ухватилась за запястье.

– Так, все разошлись! – прикрикнул Олег, окинув взгля-

дом собравшихся. – Тренировка не окончена!

Не став спорить, фигуристы рассосались, вернувшись к своим делам. Я тоже было собралась покатить к Антону Валерьевичу, но Олег остановил меня.

– Абрамова, иди с Ермаковой ко врачу, – сказал он, лишь мельком мазнув по мне взглядом.

– А Вы? – пробормотала я, помогая Альке подняться.

– А я... – он поехал в сторону уже стоявшего у борта Горелова.

Я не удержала усмешку. Видимо, Олегу Евгеньевичу есть, что сказать Сашке.

Мы с Алей добрались до борта, я открыла дверь и помогла ей нацепить чехлы.

– Ты как?

– Нормально.

Алька держалась молодцом, ничего не скажешь. Вообще, она заслуживала уважения. В парницы идут абсолютно бесстрашные девочки. Я даже представить себе не могла, что сумею довериться кому-то настолько, что позволю поднимать меня на высоту без страховки, не говоря уж о каких-то пируэтах в воздухе. А Альбина смогла. Только вот партнер у неё не самый удачный.

– Мне кажется, я её сломала, – когда мы уже подходили к кабинету доктора, все же выговорила Аля. – Горит.

– Этот козел!.. – начала было я, но тут нам навстречу вышел наш врач, Виктор Алексеевич.

– Что случилось? – он обхватил Алю за плечи, как мне показалось, куда более пылко, чем это требовалось.

– С поддержки упала, – выдохнула Аля, едва не плача.

– Пойдем посмотрим, – он открыл дверь и обратился ко мне: – Подождешь?

– Да, – я кивнула и присела на скамейку.

Виктор Алексеевич работал у нас недавно, всего около месяца, но, если честно, не была бы я в отношениях с Коршуновым, точно обратила бы внимание на нашего доктора. Молод, красив и обаятелен. Если Алька на него запала, я не удивлюсь.

Хмыкнув, я спрятала ладошки между коленок и вытянула ноги в ботинках. Посмотрела в сторону катка, но Олега не заметила. В тренерскую путь был один, через этот коридор, но, видимо, Горелова Олег Евгеньевич на расправу повел в какое-то другое место. На самом деле, мне было по большому счету плевать на Сашку. Я не испытывала к нему ненависти, просто была бы счастлива, если бы больше никогда его не увидела. Про нашу стычку с ним я Олегу не рассказала. Почему? Наверное, причиной тому была моя неуверенность. Он мог бы сказать, что это мои проблемы и плевать ему на мои отношения с бывшим парнем. Я вообще очень редко чувствовала себя нужной ему. И это меня печалило, потому как он мне был все нужнее с каждым новым днем. Мне даже казалось, что я влюбляюсь в него. А он предупредил – никаких чувств, никаких скандалов и истерик. Что

же... правила созданы для того, чтобы их нарушать? Вот и истерики я ему закатывала не раз, и скандалы устраивала, а тут еще и чувства нарисовались.

Алька вышла из кабинета минут через пятнадцать. Улыбнулась врачу и, глянув на меня, довольно выговорила:

– Жить буду! – помахала передо мной перебинтованной рукой. – Всего лишь растяжение! – а после шлепнулась рядом со мной на скамью.

– Ты прямо расцвела, – не удержалась я и толкнула Ермакову плечом. – Пятнадцать минут в кабинете Виктора Алексеевича, и ты вся цветешь!

Аля глянула на меня из-под полуопущенных ресниц и блаженно выдохнула.

– Не все тебе, Абрамова, с Коршуновым мутить, – сказала она и, заметив, как я поменялась в лице, поспешила меня успокоить: – Да ладно тебе, Ян. Вы взрослые люди, тебя не должно парить, что о тебе говорят.

– А что обо мне говорят? – запальчиво выдохнула я и поджала губы.

– Много чего, – призналась Аля. – Но это не их дело. Просто завиду-уют, – тихонько засмеявшись, она так же, как и я её минутой ранее, толкнула меня плечом. – Лучше расскажи, как он? Хорош в постели так же, как и на тренерском поприще? – понизила она голос.

– Гораздо лучше, – шепнула я, склонившись к её уху, и мы засмеялись уже в открытую.

Признаться, я была безгранично благодарна Але за её слова. Действительно, кому какое дело? То, что происходит между двумя, на минуточку, взрослыми людьми, никого постороннего касаться не должно!

– Судя по веселью, всё обошлось? – перед нами будто бы из ниоткуда возник Коршунов.

Мы с Алей как по команде подняли головы и обе залились краской. И снова прыснули. Олег, нахмурившись, стоял напротив нас и сверлил недовольным взглядом. Хотелось разгладить вечную его хмурую складочку меж бровей. Чтобы он хоть на несколько мгновений перестал быть таким строгим тренером. Но опять же, не при свидетелях. Дома.

– Да, Олег Евгеньевич, – удостоила его наконец ответом Алька. – Всего лишь растяжение. Скоро все пройдет, и мы с Гореловым продолжим поддержки тренировать.

– Тренировать поддержки ты продолжишь, – кивнул Олег. – Но не с Гореловым.

Мы с Алей снова синхронно вскинули брови и удивленно посмотрели на Коршунова.

– Сегодня он превысил свой лимит косяков. Для парника недопустимо ронять партнершу так, как это сделал он, – выговорил Коршунов, а затем вошел в медицинский кабинет.

Мы с Ермаковой переглянулись. Я боялась, что она расстроится, но Аля лишь, хитро улыбнувшись, выдала:

– За это надо выпить! Может, в бар сегодня махнем? Тебя твой Коршун отпустит? – ухмыльнулась Аля.

– Я взрослая девочка, – ответила я, про себя думая, что после прошлого раза у Олега будут веские основания держать меня под замком, поэтому мой мозг уже усиленно соображал, что сказать, чтобы не нарваться, но и не сидеть дома весь вечер. Бросив опасливый взгляд в сторону двери, я выдохнула.

– Конечно, пойдем! – а после улыбнулась.

Глава 19

– Позвонишь, когда нагуляешься, я тебя заберу, – остановив машину перед баром, в котором мы договорились встретиться с Алькой, Олег повернулся ко мне.

– Хорошо, – кивнула я и, потянувшись к нему, коснулась его губ. Он недовольно поджал их, но не отпрянул.

Чего стоило мне уговорить его отпустить меня... Врать Олегу мне не хотелось, а памятуя о прошлом разе – тем более. Но отпускать меня Коршунов был не намерен. Пришлось привести ему неоспоримые доводы, что по нашему с ним договору, развлечения с друзьями не запрещены. А точнее – не оговорены. Олегу ничего не оставалось делать, как согласиться, но с условием, что он отвезет меня и заберет. И мне тоже пришлось согласиться. Компромисс, так компромисс. Не то чтобы я была сильно против личного водителя, но своё фи я ему все-таки высказала.

– Только без глупостей, Яна, – предупредил Олег.

Взгляд его был серьезен, брови как обычно сдвинуты. И

я все-таки коснулась хмурой складочки пальцем. Разгладила её и, улыбаясь, произнесла:

– Как Золушка в двенадцать не обещаю, но часика в два точно тебе позвоню. Не ложись спать, – красноречиво глянула на него, на что он лишь неопределенно хмыкнул.

– Я с пьяными не сплю.

– А я и не собираюсь напиваться! Правда, Олег, ну не все же мне сидеть дома по вечерам.

– Иди уже, Золушка, – он кивнул в сторону двери, и я, снова поцеловав его, подхватила клатч и вышла на прохладный воздух.

Дождавшись, когда машина Олега скроется из вида, достала телефон и набрала Альке.

– Я уже внутри! – услышала я её звонкий голос.

– Уже иду, – спускаясь по ступенькам, сообщила я и отключилась.

Бар этот находился в цокольном этаже и представлял собой нечто, стилизованное под американские бары для байкеров. Интересное местечко Алька выбрала, ничего не скажешь. Стоило мне войти в зал, я сразу же отыскала Алю взглядом. Она сидела за столиком у стены и потягивала коктейль.

– Привет, – я повесила клатч на спинку стула и уселась напротив подруги. Подруги... Довольно громко. Знакомой.

К слову о подругах – их у меня никогда не было. Как-то так получилось, что всю свою жизнь я посвятила спорту, и

вот так, посидеть в дружественном кругу, ни времени, ни желания у меня не находилось. Теперь же... Теперь, наверное, мне хотелось хоть немного побыть с человеком, которому ничего от меня не надо и который не осуждает меня за мои поступки. Отдохнуть от косых взглядов и просто морально расслабиться.

– Привет, я заказала тебе такой же, – она кивнула на свой коктейль.

– Ну, разве что один. Как твоя рука? – глянула я на перетянутую эластичным бинтом кисть Альбины.

– Говорю же, жить буду, тем более доктор сказал, что заедет ко мне домой и лично проверит, как она заживает, – хитро глянула она на меня и потянула коктейль через трубочку.

Я засмеялась. Мда уж, бедный Виктор Алексеевич! Кажется, увяз он конкретно.

– А ты как? Отпросилась у своего цербера или слиняла без разрешения?

Передо мной поставили коктейль, и я, вздохнув, сделала пару глотков. Пить я не собиралась, разве что самую малость, иначе опять натворю делов. Нет уж. Не хочу, чтобы у Олега были дополнительные привилегии попрекать меня.

– Слушай, Ян, – вдруг лицо Али стало серьезным. Она посмотрела на меня прямо и немного задумчиво. – Тут такое дело... Наверное, это меня не касается, но...

– Что случилось? – напряженно всматривалась в лицо

Али, пытаясь заранее предугадать, о чем пойдет речь. Не нравилось мне это.

– В общем, пару дней назад я слышала разговор Горелова с какой-то, я так понимаю, журналисткой. Он говорил о тебе, Ян. О тебе и о Коршунове.

Я похолодела.

– Горелов?! Что он говорил?

– Что ты была вынуждена бросить его ради карьеры.

– Вот падла! – воскликнула я, гневно сверкнув глазами.

Сто пудов это та самая Александровская. Не получилось у меня ничего выведать, пошла окольными путями и... на-рвалась на Горелова, а тот и больно рад напакостить и мне, и Коршунову. Хорошо, что Олег вышвырнул его из Центра. Не кусай руку, которая тебя кормит, как говорится.

– Не знаю, может и ничего такого, но мне показалось, что ты должна знать. Тем более, теперь он не мой партнер, – криво усмехнулась Аля и снова потянулась к своему коктейлю.

– И слава Богу, – я тоже сделала глоток. – Слушай, Аль... – говорить Альке о том, что и я встречалась с Александровской я, естественно, не собиралась, но поняла, что в Ермаковой я могу найти ценный источник информации. Можно же хотя бы попытаться разобраться в этом странном деле. Аля тренируется в центре Коршунова пять с лишним лет, она знает и видит гораздо больше, чем я.

– Я хотела бы тебя кое о чем спросить...

– Валяй, – пожала она плечами. Судя по её порозовевшим

щекам и подбородку, этот коктейль был для неё уже не первым. Бог знает, сколько она просидела тут до моего прихода.

– Что ты знаешь о ситуации с Олегом и Селезневой? – решила не ходить вокруг да около и задать интересующий меня вопрос в лоб.

Аля нахмурилась и выговорила:

– Ну все знали, что они спали.

– Точно спали?

– Со свечкой я не стояла, – усмехнулась она, – но Лена, мне кажется, даже не пыталась скрыть их отношения. Постоянно крутилась возле него, не отлипала. Коршунов же из-за неё и с женой своей развелся.

Так, стоп! А вот тут поподробнее!

– Когда это произошло?

– Года три назад. Или четыре. Точно не помню. Помню, как однажды я осталась допоздна в центре, накручивала педали на велотренажере после смятого куска пиццы, – хихикнула Алька, и я тоже не удержалась от улыбки. Но вышла она у меня напряженной.

Про жену Олега я не знала ровным счетом ничего. И, если быть честной, я даже не интересовалась, кто она. Тоже из мира спорта или нет.

– Так вот, – продолжила Аля. – Она тогда приперлась к Олегу, и они очень громко выясняли отношения. Она кричала про то, что Лена их брак разрушила, что все из-за неё. Так орали, что, наверное, не будь центр почти пустым, все

бы были в курсе.

– А ты знаешь, кто она?

– А кто ж её не знает, – усмехнулась Аля и выговорила: – Инга Александровская, журналистка. Она бывшая жена твоего Олега.

Я сидела и тупо смотрела на Алю, не в силах вымолвить ни слова. Вот Яна – хотела получить ценную информацию, теперь сиди и переваривай. Инга Александровская – бывшая жена Олега. И развелись они из-за Лены. А теперь она собирает информацию, чтобы дискредитировать его в глазах общественности. Да если Олег и Селезнёва встречались еще тогда, она же была... Сколько ей сейчас? Двадцать, вроде? Или даже девятнадцать... Выходит, в то время ей было шестнадцать или семнадцать. Это же скандал! И это будет крахом карьеры Олега.

– Вот сука! – выдохнула я. Александровская хочет не просто нагадить Олегу, она хочет его раздавить.

Внутри меня все взбунтовалось. Мне хотелось найти телефон Инги и сказать ей, что я все знаю, хотелось защитить Олега, в то время как другая часть меня пребывала в ужасе. Неужели Олег так сильно любил Лену, что развелся из-за неё? И, судя по всему, до сих пор любит, раз по первому её зову летит к ней. Только вот со мной зачем-то спит. Неприятно. Нет, больше – больно. Больно, черт возьми! Наверное, не стоило мне ворошить скелеты, спрятанные в шкафу Олега. Бывшая жена, бывшая ученица, запертая комната, един-

ственное фото в квартире и среди всего этого многообразия – Яна Абрамова. Что я для него? Кто я для него? Как бы мне хотелось забраться к нему в мысли и узнать это!

– Ян, ты чего загрузилась? – спросила Аля. – Не бери в голову. Все это уже в прошлом. Забей ты на Селезневу эту. Уехала она в свою Америку, вот пусть там и сидит. Теперь у Олега есть ты, и он на тебя ставку делает.

– Ставку, – уныло выговорила я, облокотившись рукой о стол и подперев щеку ладонью. – Аль, я не понимаю его.

– Мужиков вообще тяжело понять, – с видом знатока высказала Ермакова. – Поэтому даже не пытайся. А Коршунов... он всегда был скрытным. Но он – настоящий мужик, кто бы что ни говорил.

Настоящий... Только вот слишком уж таинственный. Вздохнув, я покрутила свой бокал и спросила:

– А... ты общалась с Селезневой?

– Практически нет. Она же у нас была звездой, – возвела глаза к потолку Аля.

Да уж, звездой. Селезнева, как я понимаю, вообще практически ни с кем не общалась, уж на соревнованиях так точно. Вечно ходила, задрав нос. Принцесска, чтоб её. Меня аж передернуло от воспоминания, как однажды она, проходя мимо, окатила меня таким презрительным взглядом, будто встала в коровью какашку. И той самой какашкой была Яна Абрамова... Ладно, черт с ней!

– Давай выпьем? – я обхватила коктейль руками и протя-

нула к Алькиному. Мы чокнулись и улыбнулись друг другу.

Сегодня я узнала так много всего, что должно было заставить меня по-новому взглянуть на Олега, однако, несмотря на это, я продолжала видеть в нем человека, способного привести меня к успеху. Человека, способного раскрыть меня не только как фигуристку, но и как женщину. Человека, в которого я влюблялась с каждым днем все сильнее и от которого так хотела получить в ответ хоть малую толику уверенности в том, что я нужна ему не просто как удобная шлюха, но и как любимая девушка.

Ровно в час тридцать Олег подъехал к бару. Я уже посадила Альку в такси и теперь ждала его. Выбравшись из салона, он недовольно глянул на меня, уже порядком подмерзшую. На ходу сняв куртку, накинул её мне на плечи и произнес:

– А внутри подождать было слабо?

– Там душно, – честно призналась я и направилась к машине.

Уселась в теплый салон, укуталась в его куртку и блаженно вдохнула аромат его одеколона. Он сводил меня с ума. Не одеколон – Олег, конечно же. Запах мужчины, уверенного, властного и до жути таинственного.

Когда он, обойдя машину, уселся за руль и захлопнул дверцу, я, улыбнувшись, произнесла:

– Я была хорошей девочкой и выпила всего один коктейль.

– Это не отменяет завтрашней тренировки, – усмехнулся

он, скосив на меня взгляд. – Но ты молодец. Развлеклась?

– Немного. Олег... – я откинулась затылком на спинку сиденья и посмотрела на него из-под ресниц.

– М-м? – вскинул он брови.

– Я недавно встречалась с твоей бывшей женой.

Не стоило мне этого говорить, но я решила рассказать ему о встрече с Александровской. И раз уж набралась храбрости, отступить – не в моих правилах. Рассчитывала, что он разозлится или хотя бы удивится, однако в ответ я услышала лишь короткое:

– Я знаю, – а после он тронул Мерседес с места.

И теперь впору было удивляться мне.

Глава 20

– Как это знаешь?

– Ты правда считаешь, что я не имею понятия, что пытаются сделать Инга за моей спиной? – улыбнулся Олег, продолжая смотреть на дорогу.

А я смотрела на него. Все с тем же удивлением. Я не знаю этого человека. Даже если мне иногда кажется, что он чуть-чуть приоткрывает мне свою душу, это обманчивое впечатление. Ни на йоту я его не знаю!

– Тогда почему ты мне ничего не сказал?

– Я ждал, когда ты согласишься сама мне рассказать, – взгляд его все же коснулся меня. Могла бы поклясться, что в его глазах читался упрек. Поджала губы, выдохнула, но ни-

чего не ответила. А Олег продолжил: – У неё нет никаких доказательств, Яна. Конечно, если ты не решишь дать свои... м-м-м... показания, – кривая усмешка.

– Показания? Мы не в суде, Олег. Я ей отказала, чтоб ты знал. Несмотря ни на что, я не считаю тебя чудовищем.

– А зря, – он снова поставил меня в тупик. Что он имеет в виду? – Я могу ведь и правда оказаться чудовищем.

Мы остановились на светофоре, и Олег полностью переключил свое внимание на меня. В его глазах затаилось нечто... такое. Необъяснимо опасное. На какое-то мгновение я ощутила страх. Я забитый в угол зверек, а он – охотник...

– Я не верю, – помотала я головой, с шумом выдыхая. Сжала ладошки в кулаки и, опустив голову, произнесла: – Я тебя не понимаю, Олег, я не понимаю мотивов твоих поступков, я не знаю, на кой я тебе сдалась, но... – вскинула голову и посмотрела ему прямо в глаза: – Я никогда не поверю в то, что ты принуждал Селезневу к отношениям.

– А вдруг? – хмыкнул он. Я не могла понять, то ли он проверял степень моей уверенности в нем, то ли просто хотел посмотреть на мою реакцию, то ли... Я начинала злиться.

Автомобиль снова двинулся с места. Олег вернулся к дороге.

– Тогда тебе стоит переживать не обо мне, – насупившись, буркнула я. – А о твоей Селезнёвой. Вдруг Инга все же получит от неё информацию?

– Не получит, – улыбнулся Олег. Он правда так уверен в Лене?

– Почему твоя жена копает под тебя?

– Наверное, потому... – он на пару мгновений замолчал, раздумывая. А потом, скосив на меня взгляд, договорил: – Инга не может простить мне, что я выбрал не её.

– А ты не боишься, что она добьётся своего?

– Нет, – с уверенностью заявил Олег, и в следующую секунду я почувствовала, как его ладонь накрывает мою, все еще сжатую в кулак. – Я хочу, чтобы ты забыла об Инге и не думала о Лене. Тебя эта история не касается, Ян. Не забивай голову. Тебе нужно готовиться к этапам Гран-при.

И я правда забыла. Тот разговор в машине так и остался простым разговором, не приведшим ни к каким действиям с моей стороны. Разве что меня мучил Горелов. Но Олегу про него я тоже рассказала, и реакция Коршунова была еще более спокойной. Он просто заявил, что Инга не дура, чтобы не понимать, что домыслы его бывшего ученика всего лишь пшик. И, что бы ни сказал Сашка, использовать она эту информацию не станет. Что же... В этой истории я положила на Олега полностью и сосредоточилась на подготовке к важным стартам. Я была заявлена на два этапа серии Гран-при, в США и Франции. И до этапа в Америке Олег заявил меня на турнир в Германии, чтобы опробовать программы уже в реальном соревновательном режиме. Этап Кубка России не

в счет. В итоге, Nebelhorn Trophy в Оберсдорфе я с блеском выиграла, пока без четверного тулупа, но с каскадом лутц-ритбергер и чистым исполнением всех элементов.

Я не знаю, что Олег сделал со мной. Но на каждый старт я выходила с уверенностью, что непременно сделаю все от меня зависящее. И с каждым новым выходом на лед эта уверенность во мне лишь росла. Если раньше я терялась на людях, то теперь начала ловить себя на мысли, что мне даже нравится внимание. А внимание я получала. В первую очередь, как фигуристка, прыгнувшая четверной тулуп на тренировке. Видео удачной попытки было выложено на официальном инстаграм-канале Центра Коршунова.

Каждый вечер мы оставались с Олегом на дополнительную тренировку и занимались исключительно квадом, чтобы я прыгнула его уже на Гран-при в Лас-Вегасе, куда мы отправлялись пятнадцатого октября. Огромный город-казино прямо посреди пустыни Мохаве. Странное решение провести там этап серии по фигурному катанию, но, с другой стороны, в Лас-Вегасе я не бывала еще ни разу, и посмотреть этот удивительный город, полный развлечений и азарта, мне бы хотелось.

– Яна, давай заново, ну что это за заход? – крикнул Олег, когда я, поторопившись и набрав недостаточную скорость, не докрутила тулуп и упала.

Тяжело соскребя себя со льда, я снова покатила на пры-

жок. До нашего отлета в Америку оставался день, поэтому я была намерена эту тренировку отработать по полной. Но снова прыжок и снова неудача. В этот раз я упала так, что у меня сбилось дыхание.

– Ян, ты в порядке?

Так и лёжа, распластавшись на льду, я открыла глаза и увидела над собой озабоченное лицо Олега.

– Угу, – обхватила протянутую им ладонь и поднялась на ноги. И тут же меня повело в сторону.

– Эй! – Олег подхватил меня и прижал к себе, не давая снова оказаться на льду. Я шумно выдохнула и прикрыла глаза. Сегодня с самого утра я чувствовала себя неважно. Думала, что пройдет, но...

– У тебя температура, – выговорил Олег, коснувшись моего лба рукой.

Я отрицательно замотала головой, пытаясь подавить наворачнувшиеся слезы, и обхватила Олега за талию. Он прижал меня к себе еще теснее и погладил по волосам. А после тихо выговорил:

– Что ж ты дура-то такая, Ян? Убить тебя мало за такое!

– Прости, что не сказала. Думала, пройдет, – просипела я. – Олег, я не могу пропустить этап. Не могу! – все-таки всхлипнула и спрятала лицо у него на груди. Он был в белом свитере, который мне так нравился, я невольно потерлась об него щекой и судорожно выдохнула.

– Не могу, – повторила я.

– Т-ш-ш, – губы его коснулись моего виска, так нежно, как никогда прежде. – Все будет хорошо. Пойдем.

Мы ушли со льда, Олег посадил меня на скамейку и сам, присев передо мной на корточки, начал расшнуровывать коньки. Я молча наблюдала за ним, голова гудела, после падения с прыжка стало еще хуже. Радовалась я лишь тому факту, что соплей не было. С температурой выступать можно, а вот когда дышать нормально не можешь, все становится гораздо сложнее.

Стащив с меня ботинки, Олег ласково размял мои стопы, а потом посмотрел на меня снизу-вверх и сказал:

– Врач уже ушел, я схожу за твоими вещами, и мы поедем домой. Хорошо?

Он говорил со мной, как с маленьким ребенком. Я поморщилась и едва удержалась от язвительного замечания, но опять же, просто кивнула.

А когда Олег ушел, обхватила голову обеими руками и в голос застонала. Ну только мне могло так повезти! Завтра вечером вылет, а у меня чертова температура! Если я пропущу этот этап, о финале могу забыть. А я не имею права. Этот сезон для меня определяющий. Если сейчас не покажу Федерации, что они могут на меня рассчитывать, в следующем сезоне они найдут еще какую-нибудь юниорку и все... Мои компы полетят вниз, как будто я совсем деревянная. Поэтому, когда Олег вернулся и поставил мою сумку рядом, а кроссовки на пол, я, мрачно глянув на него, выговорила со

всей серьезностью и уверенностью:

– Я буду выступать в Америке. Даже если температура сорок будет.

– Ну с температурой сорок никто тебя на лед не выпустит. Завтра я вызову тебе врача, и по результатам осмотра мы примем решение, Яна.

– Я поеду, – упрямо твердила я. – Поеду, Олег!

– Прекрати! – отрезал он и начал обувать меня.

Скрестив руки на груди, я смотрела куда угодно, только не на своего тренера. Он не понимает, никто не может понять, что творится внутри у фигуристки, которая может похерить свой единственный шанс. Но Олег вдруг застал меня врасплох словами:

– Я выступал на Олимпиаде в Ванкувере в произвольной программе с температурой тридцать восемь, – это прозвучало неестественно тихо и вовсе не тем тоном, какой я привыкла слышать от него. Он посмотрел мне в глаза. – Но то была Олимпиада, Яна. Либо пан, либо пропал.

– У меня каждое соревнование сродни Олимпийским играм, Олег. Поэтому я буду бороться. И дело не в упрямстве. Ты же сам все понимаешь... – я замолчала, продолжая вглядываться в его лицо.

Конечно же, он все понимал. Поэтому и ничего мне на мои слова не возразил. Просто вернулся к затягиванию шнурков на моих кроссовках.

Дома меня тут же отправили в постель, а спустя минут десять Олег принес горячий чай на подносе. Я улыбнулась. Он поставил поднос мне на колени, устроился на краю постели и сказал:

– Чай с лимоном, медом и имбирем. Только температуру давай для начала померим, – кивнул он на так же лежащий на подносе градусник.

Я взяла его, нажала на кнопку и, стоило раздаться сигналу, сунула подмышку. Вздохнув, уставилась на Олега.

– Ни разу не выступала с температурой на соревнованиях, – немного опасливо произнесла я.

– Я надеюсь, что и не придется. Мы её поборем обязательно, – он потянулся к моему лицу и коснулся щеки тыльной стороной ладони.

Я едва не мурлыкнула от удовольствия. Так хотелось прижаться к нему, почувствовать себя в безопасности, рядом с сильным мужчиной, с человеком, которому я не безразлична. Так хотелось... Видимо, уловив что-то в моем взгляде, Олег убрал поднос на тумбочку и забрался на постель с ногами, властно и как-то порывисто прижал меня к себе. Я будто тряпичная кукла покорно ткнулась ему в плечо. Да, вот так. Он поглаживал меня по спине, по распущенным волосам, а после, уткнувшись подбородком в мою макушку, выговорил:

– Ты нужна мне, – он сделал паузу, короткую, мимолетную, но этого хватило, чтобы сердце мое заколотилось быстрее. – Здоровой и полной сил, – разочарование тут же погло-

тило все мои мысли в зародыше. Ну тоже верно. Кому нужна больная и не способная ни на что спортсменка?

Градусник пропищал снова, я вытащила его и посмотрела на дисплей. Тридцать семь и девять. С этим можно жить.

Олег мягким движением забрал у меня из рук градусник и вернул мне на колени поднос.

– Пей чай, – сказал он.

Кивнув, я взяла чашку и с блаженством втянула аромат. И все же никто никогда не делал для меня чай с лимоном, медом и имбирем.

Глава 21

Приехать в Лас-Вегас и даже одним глазком не взглянуть на город? Отлично, мне подходит! А все мой тренер, запретивший выходить из номера куда-либо, кроме ледовой арены. По словам доктора, которого Олег вызвал на следующее утро после моей адовой тренировки, я отделалась лишь простудой на фоне отвратительной погоды. Он тщательно осмотрел меня, проверил горло и лёгкие, а после порекомендовал воздержаться от тренировок на несколько дней. Однако мы с Олегом все же приняли решение ехать на этап. Точнее, это Олег, вернувшись из Федерации, вошел в спальню, где я безрезультатно пыталась уснуть, и сказал, чтобы я собиралась в Штаты. Однако, не успела я обрадоваться, он опустил меня с небес на землю, заявив, что решение об участии в этапе он будет принимать непосредственно перед стартом.

Наверное, я должна была порадоваться хотя бы тому факту, что мы летим в Лас-Вегас, вот только температура моя не желала снижаться. Доходя до отметки 37,5, снова поднималась до 38.

По прилету нас разместили в отель, предназначенный для спортсменов и тренеров. Олег снял номер люкс, даже не спрашивая моего мнения. А после я пропустила две тренировки, вечернюю и утреннюю. Короткая программа была на носу, а я не тренировалась практически три дня. На вечернюю, накануне старта, мы все-таки отправились, но я провела её в облегченном режиме. От измучившей меня температуры я была вялая, практически не ела и хотела одного – спать. Однако, умом понимала – это мое испытание. Я должна с достоинством его пройти. Спортсмены за свою карьеру зачастую неоднократно выступают не только с температурой, но и с серьезными травмами. Вколол обезболивающее и вперед, на лед. И я считала себя одной из тех, кто может справиться с этой трудностью.

После тренировки мы с Олегом вернулись в отель, и он заказал нам ужин прямо в номер. Я сидела на постели и жевала кусок курицы под пристальным взглядом тренера, который, расположившись рядом в кресле, пил чай.

– Что? – не выдержала я этого взгляда.

– По-хорошему, надо снимать тебя с этапа, – выговорил Коршунов и поставил чашку на тумбочку.

– Еще чего, – я нервно кинула вилку в тарелку и недоволь-

но поджала губы.

– Но мы этого не сделаем, – будто бы не заметив моей реакции, продолжил Олег тем же тоном. – Завтра ты будешь стартовать.

Мне бы в пору радоваться, однако на меня вдруг накатила такой дикий страх...

– Олег, – тихо произнесла я. – А вдруг у меня не получится? Вдруг я не справлюсь?

– Справишься, – улыбнулся он мне. Так искренне, что я, отодвинув поднос, потянулась к нему.

Сползла с постели и забралась ему на колени. Крепко обхватила за шею руками и ткнулась в ямочку возле его плеча.

– Спасибо тебе, – выдохнула я. – Спасибо, что веришь в меня, я... мне... – подняла голову и встретилась с его взглядом. – Олег...

– Ну что? – неестественно тихо спросил он.

А я смотрела ему в глаза, и мне хотелось разрыдаться у него на груди, будто я неуравновешенная истеричка. Хотя... отчасти так оно и есть. За это время Олег стал для меня гораздо больше, чем тренер, и уж тем более больше, чем человек, с которым я просто сплю. Возможно, мужчинам секс без обязательств дается легче, но мне... С каждым днем я вхожу все глубже и глубже в омут его притяжения, его силы, красоты и желания. Я хочу быть с ним не просто Яной, а кем-то большим... Кем-то, кому он может открыться.

– Почему ты такой? – прошептала я ему, касаясь носом

его щеки.

– Какой? – его руки обхватили меня, крепко сжали.

Да, да, я хочу тебя, Олег, только тебя! Хочу открывать тебя для себя, замочек за замочком вскрывать твои двери, узнавать твои секреты.

– Таинственный. Серьезный. Отстраненный, – снова посмотрела на него.

В его глазах полыхал дикий огонь. Я чувствовала, что он хочет меня, и готова была отдаваться ему снова и снова, хотела, чтобы он брал меня властно и жестко, нежно и чувственно. Так, как он сам того захочет, лишь бы я могла его чувствовать рядом. Потому что... Погладила его по темным волосам. Потому что он продолжал быть далекой звездой.

– Расскажи мне хоть что-нибудь о себе?

Олег неопределенно покачал головой, продолжая смотреть на меня в упор, и я успела разочарованно вздохнуть, сделав вывод, что он не хочет со мной разговаривать. Попыталась пересесть обратно на кровать, однако он удержал меня, вернул к себе на колени и мягко произнес:

– Что ты хочешь знать?

Я удивленно вскинула брови. Что? Вот так просто?

– Как ты пришел в фигурное катание? – спросила я самое безобидное, что мне пришло на ум.

– Меня привела мама, – сказал он, продолжая поглаживать мою спину под пижамной маечкой. По телу пробежал табун мурашек. Затем еще один... А он продолжил, прекрас-

но зная, я уверена, как действуют на меня его прикосновения: – Она никогда фигурным катанием не занималась, но очень любила и мечтала, что её сын однажды будет блистать на лучших ледовых аренах мира.

– Ее мечта сбылась, – улыбнулась я краешками губ.

– Да, – кивнул он. – Только чего стоит золото Олимпиады по сравнению с разрушенными отношениями с родителями? Как считаешь? Стоит того?

– Меня воспитывала бабушка, – пожала я плечами. – Поэтому не могу знать. Мама умерла, а отца я никогда не видела. Даже не знаю, жив он или нет. Из-за спорта ты поссорился с родителями?

– От части, – признался Олег неожиданно.

Каждое слово, открывающее хоть малую часть его души, было для меня неожиданным и оттого еще более ценным. Я ощущала себя потерянным в пустыне кочевником, который нашел бутылку с водой. Воды всего-ничего, на доньшке, буквально пару глотков, но какими же они были спасительными и желанными.

– Когда люди хотят видеть тебя только таким, каким сами придумали, однажды приходит понимание, что лучше перестать с ними общаться, но быть тем, кем хочешь именно ты. Мои родители сложные люди. После Олимпийских игр в Ванкувере они хотели, чтобы я продолжал кататься. Однако я решил уйти из большого спорта и стать тренером. Из родни я общаюсь лишь со своим дедом по отцовской линии.

– Значит, и медалей у тебя нет именно потому, что они напоминают тебе о родителях?

– Нет, – покачал головой Олег. – Я не считаю себя обязанным им, не считаю, что мои медали – это их заслуга. Нет. Она моя. И каждая медаль, золотая или бронзовая – моя медаль. Потому что это я стирал ноги в кровь, это я падал и поднимался, это я получал травмы и побеждал тоже я. Но я никому не позволю лезть в мою жизнь. Подвергать сомнению мои решения и мои принципы. Мои родители слишком много себе позволяли, когда я был недостаточно силен морально. Они попытались разрушить меня, и это у них почти получилось.

Я слушала его, едва не разинув рот от удивления. Олег был зол на родителей, если не сказать больше. И эта злость, она не была надуманной, это я так же хорошо осознавала. Они сделали что-то, что Олег не в силах им простить. Но я даже представить себе не могла, что могут сделать мама и папа по отношению к своему ребенку, чтобы вызвать такую лютую ненависть. И спрашивать мне не особо хотелось.

– Ты жалеешь, что посвятил свою жизнь спорту? – попыталась я увести нас от опасной темы.

Обхватив моё лицо ладонями, Олег взгляделся в него. Смотрел он с минуту, не меньше. И лишь когда я подумала, что он не ответит, он сипло выговорил:

– Нет. Тогда бы я не встретил Яну Абрамову, – улыбнулся как-то печально. – Все, что происходит в наших жизнях, для

чего-то нужно. И если мы не можем понять для чего конкретно, значит, просто время еще не пришло. Вот ты. Ты правда думаешь, что это ты ушла от Лапышевой?

– О чем ты? – насторожилась я. – Конечно. Ты предложил мне перейти к тебе, и я согласилась. Наверное, все это случилось именно для того, чтобы я стала Олимпийской чемпионкой? – попыталась отшутиться, однако внутри меня поселилось что-то нехорошее. Олег... Он продолжал смотреть на меня, не сводя взгляда. И что думать о его словах?..

– Наверное, – он отпустил мое лицо и положил руки на подлокотники. – Тебе нужно отдыхать, завтра сложный день.

– Ты что-то недоговариваешь, Олег, – сказала я, слезая с его колен. – Ты знаешь что-то о Нине Николаевне?

– Нет, – Олег поднялся с кресла и направился к выходу.

– Ты куда?

– Хочу пройтись, – не поворачиваясь ко мне, он вышел в коридор и принялся обуваться.

– Можно с тобой? – без особой надежды попросила я.

– Нет, – коротко и ясно. – Спокойной ночи. Не жди меня, – выговорил он, а через мгновение я услышала хлопок двери.

Упала на кровать и ладонями прикрыла глаза. Что вообще происходит и причем тут Лапышева?!

Глава 22

Я проехала вдоль борта, у которого стоял Олег, и зашла на

двойной аксель. Скрутив, плавно выехала, но удовлетворения это мне не принесло. Остановившись, растерла мышцы на бедрах и, резко выдохнув, повернулась к тренеру. Взгляд его все так же был устремлен на меня. Коршунов, казалось, переживал больше, чем я. Он, конечно же, старался этого не показывать, но я успела изучить его за те несколько месяцев, которые провела рядом. Когда он слишком придиричив – значит, нервничает. Но, что самое нехорошее, еще никогда он ко мне не придирился так, как сегодня. И меня начинало колотить пуще прежнего.

С утра температура вроде бы спустилась до нормы, но я все еще ощущала слабость. Мимо пронеслась корейка в белом платье. Я проследила за ней и увидела, как она, зайдя на тройной аксель, с легкостью, будто бы не прилагая никаких усилий, скрутила его и выехала, довольно улыбнувшись. Шестиминутная разминка подходила к концу, оставалось три минуты, а сама я не прыгнула чисто ничего, кроме акселя. Двойного акселя. С лутца упала, при исполнении каскада вывалилась раньше и присела на колени. Впору было начинать реветь прямо тут, но жалеть я себя не собиралась, так же как не собиралась идти на поводу у своего ослабшего тела.

Олег взглядом подозвал меня к себе, и я покорно покатила к борту, по пути стаскивая с себя олимпийку. Протянула ему, он забрал, повесил на руку и произнес:

– У тебя все получится в прокате.

– Получится, – как-то без энтузиазма отозвалась я и улыб-

нулась: – В любом случае, я поборюсь. На короткую уж сил должно хватить. А дальше... дальше видно будет.

Я положила ладони на борт, и Олег тут же накрыл их своими, горячими.

– Могу тебе признаться честно, – сказал он, глядя мне в глаза. – Я будто вместо тебя собираюсь на лед выходить.

– Тебе не кажется, что это непрофессионально с твоей стороны? – хмыкнула я. Напряжение начало понемногу спадать. Все, что он говорит и что делает... Не просто так. Если уж я начала его понимать, то меня Олег как облувленную уже изучил.

– Возможно, – кивнул он. – Но зато честно. За мою тренерскую карьеру такого еще не бывало – чтобы с температурой на старт.

– Но с травмами было.

– С травмами было. Но и такой фигуристки, как ты, у меня еще никогда не было.

– Лучше были, – вздохнула я, тоже не сводя с него глаз.

– Были, – снова согласился Олег. – Но такой не было.

– Какой такой? – затаила я дыхание, желая услышать...

Что? Сама не знала. Что-то, что поможет мне на старте, придаст уверенности, позволит выдержать то время, что будет длиться моя короткая программа...

– Дурной, – засмеялся он и тут же произнес: – Я говорил тебе, что ты не талантливая.

– Было дело, – угрюмо хмыкнула я. – Чего ты мне толь-

ко не говорил. Хочешь попросить прощения? Отличный момент, – я обернулась и бросила взгляд на висящее в другом конце катка табло, отсчитывающее время до окончания разминки. Минута. – Самое время, – снова глянула на Олега.

– Не ерничай, Абрамова, – его руки сильнее сжали мои.

Я нервно выдохнула, мигом потерявшись в его взгляде. Он смотрел на меня так, будто я была для него очень важна. Будто бы то, что должно произойти в следующие несколько минут моей жизни, касается и его. И не просто как тренера.

– Я хочу, чтобы ты знала. Как бы ты ни откатала сейчас свою программу, тут, у борта, я буду ждать тебя.

– Чтобы подать мне чехлы? – не удержавшись, съязвила я.

– И накинуть на плечи олимпийку, – в тон мне ответил Олег, и мы синхронно хмыкнули.

А спустя минуту я уже ехала к центру катка, чтобы занять начальную позицию для исполнения короткой программы, и понимала, что ни страха, ни неуверенности я не испытываю. И зрители, затаившие дыхание в ожидании моего проката, нервничать меня не заставляют. Встав в исходную позу, я прикрыла глаза, а в следующее мгновение мелодия повела меня за собой.

Мы сидели в ресторане при отеле, и я чувствовала себя очень счастливой. По крайней мере, улыбка с моего лица не сходила, наверное, с того самого момента, как я завершила прокат. Чисто! Я откаталась чисто и получила очень высо-

кие оценки. Олег тоже был доволен. Не удержавшись, я, едва только сошла со льда, утонула в его объятиях. Мне хотелось, чтобы он поглотил меня, растворил в себе, чтобы я стала с ним единым целым – так хорошо мне было в его руках.

Ощущение отлично выполненной работы, вкуче с высокими оценками, позволившими мне занять по итогу короткой программы второе место, вслед за той самой кореяночкой с тройным акселем, подарили мне не пойми откуда взявшийся заряд бодрости. И потому ужинали мы сегодня не в номере. Я надела красивое, изумрудного цвета платье из атласа, достигающее мне до колен, встала на каблуки и потащила Олега в зал. Хотя он особо и не сопротивлялся. Он вообще был странным, весь вечер с его лица не исчезала улыбка, поселившая в моей душе такое теплое, приятное ощущение нужности.

– Ты очень красивая, – не переставая смотреть на меня, Олег сделал глоток вина и поставил бокал на столик.

– Спасибо, – щеки мои вспыхнули и, наверное, слились с моими волосами.

Мне было странно получать комплименты. Особенно от мужчин. Особенно от Олега Коршунова. Как-то жизнь моя меня к этому не приучала. Я всегда была где-то около. Не уродина, но и не красавица. И то, что Олег на меня просто взглянул – уже большой жирный плюсик к моей самооценке. Хотя, кому я вру. Этот факт вызвал еще большие душевные переживания, потому как я не представляла, как могу нра-

вится ему. Такому красивому, самодостаточному мужчине. У него вон какая жена эффектная. Пусть и бывшая. И Ленка эта, тоже красотка. А я...

Я взяла стакан с апельсиновым соком и поднесла к губам.

– Олег, почему ты развелся с Ингой? – мысль, затаившаяся в моей голове, опередила мой разум и не дала возможности остановиться. Я сделала два больших глотка сока и с шумом поставила бокал обратно рядом с тарелкой, наполненной овощами и курицей. И поспешила добавить: – Можешь не отвечать.

– Почему же, отвечу, – сверкнул глазами Олег. – Наши с Ингой отношения – это очень яркая вспышка. Как вспыхнули, так и погасли. Очень скоро.

– И твои отношения с Леной на это не повлияли? Она ведь копает под тебя не просто так... Точнее, та сторона твоей жизни, в которой она копается – не просто же так, – выговорила я осторожно, подбирая слова. Я внимательно следила за реакцией Олега, чувствовала, как он впивается в мое лицо взглядом, буквально ощущала его на себе, и от этого мне становилось зябко. Что же ты скрываешь от меня, Олег? От меня ли? Ото всех? Или от себя самого? Нет, то, что Олег в ладах с собственными мыслями и действиями, я не сомневалась.

– Мои отношения с Леной... – он вздохнул, но взгляд его, как и прежде, был устремлен на меня. – Яна, я понимаю, что тебе интересна моя жизнь.

– Не хочешь, не говори, кто я така... – поспешила оправдаться, однако Олег прервал меня:

– Ты моя женщина.

– я... Что? – я ослышалась?

Я непонимающе смотрела на него, качая головой. Женщина? Я – его женщина? Не шлюха, не фигуристка... Я. Его. Женщина. Его. Как только до меня окончательно дошел смысл его слов, слезы обожгли щеки. Я сидела за столом в невероятно красивом платье, специально купленном для поездки в Лас-Вегас, и ревела как идиотка.

– Хватит плакать! Температура поднимется! – недовольно произнес Олег.

Я кивнула, всхлипнула и зарыдала с новой силой. Тогда Олег поднялся из-за стола, подошел ко мне и, не обращая внимания на находящиеся помимо нас в ресторане люди, заставил меня встать и... обнял.

– Прости, – хлюпнула я носом, а после обхватила его руками и прижалась к нему еще ближе. Я же ведь люблю его. Люблю, но, господи, как же это сложно!

– Не извиняйся, – он коснулся губами моей макушки и прошептал: – Пошли в номер?

– Угу, – кивнула, но не подумала его отпустить. Он сам мягко отстранился, обхватил мою ладошку и повел к выходу из зала.

А едва мы оказались в номере, снова притянул к себе и смял мои губы. Я тут же ответила ему, цепляясь за его силь-

ные плечи. Олег, мой Олег...

– Ты хотела знать про мою жизнь? – расстегивая молнию на моём платье, выдохнул он. Его горячий шепот будоражил меня, возбуждение тотчас разлилось по телу и запульсировало между ног.

– Не надо, – целуя его покрытые щетиной щеки, словно бы высеченные из камня скулы, волевой подбородок, прошептала я. Плевать мне на все, что было в его прошлом. Плевать, если в его настоящем есть место мне...

Олег подхватил меня под ягодицами и довольно заурчал, когда я, не теряя ни секунды, обвила ногами его бёдра, а руки мои сцепились в замок за его шей.

– Я бы никогда в жизни не стал принуждать тебя, Яна, – двигаясь по коридорчику, произнес он. – Но не мог не надавить.

– Почему?

– Потому что хотел тебя до смерти.

Я рухнула на постель, Олег придавил меня сверху. Платье мое уже было расстегнуто, и он ловко освободил мои плечи от прохладной ткани, заменяя атлас своими поцелуями.

– И сейчас хочу. И буду хотеть. Ты никуда от меня не денешься теперь.

Я вскрикнула от неожиданности, когда он, резко сдернув платье, откинул его в сторону. Секунд через пять колготки мои последовали в том же направлении. Лежа на постели, я наблюдала за тем, как Олег – красивый, сильный, неверо-

ятно притягательный, растёгивает ремень на брюках, и мне казалось, что все это – лишь иллюзия. Разве эти слова могут принадлежать Олегу?

Тяжело сглотнув, я просипела:

– А как же договор?

– К черту договор, Абрамова! Ты моя, слышишь меня? – выдохнул мне в губы, а после накрыл их своими.

Да, Олег, я слышу тебя. Застонав, я снова обвила его шею руками и прижалась к нему.

– Слышу, – прошептала, утопая в нем. Лихорадочными движениями одну за другой расстегнула ряд пуговиц его рубашки и, поддев, оголила плечи. Припала к коже – горячей, пропитанной его запахом, и почувствовала, как плавится моё сознание. Руки его нетерпеливо изучали меня, гладили, скользили по телу. Казалось, пальцы его были везде: на груди, на рёбрах, на моих бёдрах и между ними. Он был везде, в каждой клетке моего сознания, моего существа. Словно бы он пропитал меня собой, проник в меня на каком-то неизведанном уровне, изменив саму мою сущность.

– Ты самая красивая девочка на свете... – прошептал он, покусывая мою шею.

Я застонала. Боже мой, у меня завтра произвольная... Открытое платье... Моё выступление будет транслироваться десятками каналов по всему миру, а он покусывает мою шею. И останавливать его я, кажется, не собираюсь...

Выгнувшись, я шире развела колени в сторону и подалась

бёдрами ему навстречу. Он был твёрдый, большой и готовый взять меня. А я была готова принять. Как же я хотела его...

– Олег... – простонала я, ероша волосы на его затылке. Облизнула губы и выдохнула, ощутив, как он потёрся носом о мою шею. Горячо и чуточку щекотно... Из груди моей вырвался полувсхлип-полусмешок. – Ты понимаешь, что ты извращенец?

– Почему? – просипел он с искреннем непониманием.

– Считать самой красивой девочкой на свете рыжую... Да еще и с веснушками...

– У тебя очаровательные веснушки, – словно в подтверждение, он коснулся кончиками пальцев моих плеч, провёл по внутренней стороне до локтей и посмотрел в глаза. – Самые очаровательные веснушки на свете.

– Сумасшедший, – простонала я, обхватывая ногами его бедра. Скрестила лодыжки и красноречиво подалась вперёд.

Движение навстречу, и он во мне. Вскрик с губ и его протяжный, глухой стон. Глаза... Самые синие во вселенной глаза. Лёд с пылающим в глубине зрачков огнём. Мне хотелось снова и снова выдохнуть его имя, хотелось признаться ему... Признаться, что мои чувства – куда больше, чем просто влечение, но я не осмелилась. Возможно, он и так всё знает. Конечно же, он знает. Он мудрее меня, он старше меня, он сильнее меня. Он знает жизнь и знает людей. И меня он тоже знает: все мои чувства и мысли. И всё же сказать ему я не решилась... Мы раскачивались, словно причудливый маятник.

Вперёд-назад, вперёд-назад... Первобытный ритм простого и важного. Безликая комната в городе, наполненном чужими судьбами и жизнями. Вперёд-назад... Звук неровного дыхания, стоны и неразборчивый шёпот. А внутри меня пока что безмолвное: я люблю тебя. Люблю.

Глава 23

Недовольно хмурясь, я замазала тональником засос, оставленный Олегом на моей шее. Услышала со стороны кровати смешок, повернулась и возмущенно произнесла:

– Тебе смешно! А если заметят?

Олег все еще лежал в постели, весь его вид так и манил меня. Я осмотрела его грудь, покрытую темными волосками, плечи, сильные руки... Волосы его были взъерошены еще со сна, черная прядка падала на лоб. Ну Аполлон во всей своей красе. Так и подмывало прыгнуть обратно к нему в объятия и лежать с ним как можно дольше. Но... утреннюю тренировку никто не отменял, впрочем, как и произвольную программу. Чувствовала я себя гораздо лучше, чем вчера, и надеялась, что и день этот завершится для меня не хуже, чем вчерашний.

– Даже если заметят, пусть, – произнес Олег и похлопал по постели, приглашая меня. Я вздохнула и, отложив тональный крем на столик, пошла к нему.

– Олег, – остановилась, не доходя пары шагов, и неуверенно посмотрела ему в глаза. Меня все утро мучил вопрос,

который я никак не решалась задать, но теперь... Неведение же меня сожрет.

– Что?

– То, что ты сказал мне, что... ну... что тебе не важен договор.

– Когда я тебе такое говорил? – нахмурил брови Олег и посмотрел так, что я и сама было засомневалась в том, что он это сказал.

Однако он тут же подался ко мне и, ухватив за руку, потянул на себя. Я попыталась сопротивляться, но куда там. Через мгновение уже утыкалась носом ему в шею и вдыхала его запах.

– Значит, не говорил? – прошептала я, оставив на его коже влажный поцелуй. – И что я самая красивая – тоже? – еще один поцелуй чуть выше, а следом еще... и еще... Подняла взгляд, поцеловала Олега в шершавый подбородок и почувствовала, как рука его скользнула по моей спине. Из груди его вырвался тяжелый выдох.

– Если не перестанешь, на тренировку можешь не попасть.

– Как я могу её пропустить? Что скажет мой тренер? Он очень строгий, – лукаво улыбнулась я, убирая черную прядку с его лба.

– Он у тебя самый настоящий зверь, – подтвердил Олег со знанием дела, и я почувствовала его усмешку мне в макушку.

– Вот и я о том! – наигранно возмутилась я и засмеялась, когда его пальцы прошлись по моим ребрам. – Ай, ну хва-

тит! – взмолилась я, пытаюсь вырваться. – Оле-е-ег! Пожа-луйста!

– И что мне за это будет?

– Я тебя поцелую, – громко чмокнула в волевой подбородок. Олег закатил глаза.

– И все? Ну нет, – и с новой силой принялся меня щекотать.

– Олег Коршунов! Прекрати! У меня снова температура поднимется! – безуспешно пытаюсь увернуться от очередной порции щекотки, взмолилась я.

– Ты здорова, Абрамова! – Олег прижал меня к себе и тоже довольно смачно чмокнул в щеку. – И я был серьезен, когда говорил тебе, что ты красивая.

– Пусти, – он ослабил хватку, и я смогла, поднявшись, заглянуть ему в глаза. – И никакого договора? – голос мой мигом сел.

Мне так страшно было ожидать от него ответа... Вдруг я все не так поняла? Я же Яна Абрамова... Сплошной минус, а он... Он самый лучший мужчина на Земле. И я так люблю его...

– А без договора останешься со мной? – неестественно тихо задал он встречный вопрос.

– Ты хочешь, чтобы осталась?

– Хочу, – не раздумывая, моментально ответил Олег.

– Тогда останусь, – глаза защипало. Я, улыбаясь как дура, потерлась щекой о его щеку и вздохнула. – Но ты должен

выполнить свою часть договора.

– Это не честно.

– Еще как честно! Я хочу на Олимпиаду, Олег, – совершенно серьезно выговорила я, не сводя с него глаз. – Я хочу успеха. И хочу, чтобы ты поверил в меня.

– Я верю в тебя, глупая, – Олег очертил пальцем овал моего лица и коснулся кончика моего носа. – Нам с тобой предстоит очень много работы, но я знаю, что ты сможешь.

– Почему ты меня назвал бесталанной? – меня правда мучал этот вопрос. Впрочем, как еще сотня других, но я решила начать с этого.

– Потому что ты слишком ленивая и упрямая.

– Все понятно, – я попыталась обидеться и встать, но Олег не позволил ни того, ни другого.

Притянул к себе и поцеловал. Жарко, властно. Надавил ладонью мне на затылок, зарылся пальцами в моих волосах и выдохнул:

– Я был бы не я, если бы не рискнул с тобой поработать.

– Олег, я... – я хотела сказать ему, как сильно люблю его, как сильно он мне нужен и важен для меня, но меня прервал его телефон, зазвонивший на тумбочке.

Олег нехотя отстранился от меня и, взяв его, глянул на экран. Лицо его тут же потемнело. Я тоже напряглась. Села на постели. Несколько долгих секунд он смотрел на экран не перестающего трезвонить смартфона, а потом, бегло и как-то опасливо бросив на меня взгляд, нажал на кнопку и при-

ложил трубку к уху.

– Да, – выговорил он, одновременно поднимаясь с постели. Подошел к окну, по всей видимости внимательно слушая звонившего. А я смотрела на его ягодицы, прекрасно зная, кто ему звонит. Лена.

– Хорошо, – выслушав длинный монолог, ответил Олег. Отодвинул занавеску, а потом снова задвинул её. – После произвольной сегодня встретимся. Ты будешь на трибунах?.. Хорошо. Пока.

Отключив телефон, он повернулся ко мне. Я буравила его недовольным взглядом. От его хорошего настроения тоже не осталось и следа. Будь проклята эта Селезнева! Проклята-проклята-проклята! Сцепив зубы, я соскользнула с постели, едва удерживаясь от того, чтобы зло зарычать.

– Ты куда? – спросил он, когда я направилась в коридор.

– Я на тренировку.

– Так рано еще.

– В тренажерном зале позанимаюсь! – крикнула, спешно натягивая кроссовки. Моя спортивная сумка стояла тут же, у двери, я подхватила её, перекинула ремешок через себя и тут нутром почувствовала направленный на меня взгляд Олега. Выпрямилась и глянула на него. Он стоял, все так же в одних трусах, привалившись к косяку, и наблюдал за моими действиями.

– Почему ты злишься? – спокойно спросил он.

– Я не злюсь, – передернула я плечами. Надо бы было раз-

вернуться и уйти, но я снова повела себя как дура: – Встречаешься с Селезнёвой?

– Она приехала из Нью-Йорка.

– М-м-м, – я хмыкнула. – У вас с ней очень интересные отношения.

– Ты ревнуешь?

– С чего? У вас же с ней ничего нет?

– Ян...

– Ну вот, – перебила его, широко улыбнулась и произнесла: – Значит, и смысла ревновать я не вижу. Она получила травму и не может быть моей соперницей ни на льду, ни... ни вне его. Олег, я пошла на тренировку, буду ждать тебя на стадионе, – выпалила я и буквально вывалилась из номера.

Я не ревную. Нет, не ревную. Но не позволю этой белобрысой суке отобрать у меня Олега!

Глава 24

Мы с Олегом сидели в уголке слез и поцелуев, соприкасаясь бедрами, и молча смотрели в экран монитора, где вот-вот должны были появиться оценки за мою произвольную программу. Я была напряжена, словно струна, накинутая Олегом олимпийка не грела – меня колотило от внутреннего волнения. С момента моего ухода со льда прошло несколько минут, а я все еще не могла отдышаться. Схватив со столика бутылку с водой, я открутила крышку и сделала несколько жадных глотков. Вернув её на место, почувствовала прикосно-

вание к своей коленке. Опустила взгляд – рука Олега накрыла меня поверх платья и легонько сжала коленную чашечку. Я глянула на него. Он, чуть склонив голову на бок, не отрывал взгляд от экрана. И только я хотела обратиться к нему, как раздался голос диктора, озвучивающего мои оценки:

– Яна Абрамова за произвольную программу получает сто сорок пять целых и тридцать две сотые балла. Это первое место!

– Первое? – вскинула я брови. – Первое? – Олег посмотрел на меня и улыбнулся.

– Первое, – подтвердил он, и я тут же оказалась в его объятиях. – Ты победила, Абрамова! – прошептал он.

– Я победила, – уткнувшись носом ему в плечо, откликнулась я. – Победила...

Мне хотелось произносить и произносить это слово. Я будто пробовала его на вкус, и оно было таким вкусным! Хотелось еще и еще. Счастливо засмеявшись, я прильнула к Олегу еще теснее, а после, опомнившись, поднялась на ноги и помахала собравшимся на стадионе зрителям и тем, кто смотрел трансляцию по телевизору.

Я плохо помнила, как готовилась к прокату. Все было как в тумане. К моменту, когда Олег появился на стадионе, я уже успела хорошенько размяться в тренажерном зале. Унять свои эмоции у меня тоже получилось. Почти. Я не могла не думать о том, что Олег сегодня встретится с Селезнёвой. За-

чем? Если он со мной, зачем она ему? Не понимала, не могла даже представить, что Леночке нужно от Коршунова, разве уж совсем бредовые мысли в голову закрадывались: а вдруг она шантажирует его? Сняла какое-нибудь видео, когда в прошлом у них были отношения, и теперь грозитя всем показать, если он не будет скакать перед ней на задних лапках? Но как-то не вязался у меня образ Олега с рисующимися в голове картинками. Он бы точно нашел на неё управу. Если бы только захотел. Значит, тут что-то другое... Ну или он не хочет. И то, и то меня порядком раздражало.

Я и еще пять девочек из тренировочной группы уже готовились выйти на лед и продолжить тренировку там, когда Олег буквально выдернул меня с катка и, найдя укромное местечко, просто смял, как тряпичную куклу и поцеловал. Требовательно, жарко и властно.

– Это чтобы тебе в голову не лезли дурные мысли, – ответил он на мой немой вопрос.

Усмехнулся и повел меня обратно. Я, немного прифигевшая и от того не сконцентрированная, тренировку провела так, будто бы её и не было. Прыгать прыгала, а что прыгала – не помню. Вообще ничего не помню, только вкус его горячих губ на моих пылающих губах. Что после тренировки ему и высказала.

– Ты отвратительный тренер! – возмущенно выдала я, едва мы остались наедине.

– Почему? – весело хмыкнул Олег.

Настроение у него, похоже, было замечательным. Уж не потому ли, что Леночку свою скоро увидит?!

– Потому что, – просто сказала я.

Он же в ответ расхохотался, прижал меня к себе и поцеловал. Снова. Чтоб его!

И вот теперь я, продолжая улыбаться от уха до уха, до невозможности счастливая, давала интервью как победительница этапа Гран-при в Америке, пока на льду сотрудники готовили подиум для награждения.

Английский я знала плохо, поэтому мне помогал переводчик. Благодарила бабушку, Олега, всех работников нашего центра, болельщиков... И не верила. Конечно, это всего лишь один выигранный этап. Чтобы попасть в финал, мне нужно быть в тройке на следующем, во Франции. Но я была так воодушевлена, что мне казалось – дайте мне прямо завтра выступить, снова откатаюсь, как сегодня. А откаталась я, как в последний раз. Олег сказал, что я будто бы все поставила на этот прокат. На самом деле так и было. Мне все еще было не совсем хорошо, и я понимала, что четверной прыгнуть не смогу, да и Олег сказал, что голову мне открутит, если посмею повторить свой финт ушами. Но это означало, что я должна выполнить все элементы настолько идеально, чтобы заставить судей поверить мне. И они поверили, судя по моим оценкам. Кореянка, которая в итоге заняла второе место, тоже откатала неплохо, но упала со своего акселя, и

впечатление от её программы смазалось. Я же промчалась по льду со своей «Per te» и разве что под конец мне не хватило сил додержать вращение. Но это мелочь, видная лишь судьям и специалистам.

Чуть позже нас пригласили на награждение. Под оглашение моего имени и фамилии, я выехала на лед и заняла верхнюю ступень пьедестала. Сжимала свою первую золотую медаль на таком серьезном и престижном турнире, и глаза были полны слез. Это была моя маленькая, но победа. Победа, которая была нужна мне как воздух, чтобы поверить в себя, чтобы понять, как мне двигаться дальше. Это была победа над моим дурацким организмом, подложившим мне свинью накануне поездки, с нервами и с мыслями об Олеге и его Селезневой. И, конечно же, это была победа над старой, упрямо-ленивой минусстартщицей Янкой Абрамовой. Впереди меня ожидает путь наверх. И он будет ничуть не менее сложным, чем дорога в эту самую точку, в этот момент, где от победы отделяют четыре минуты, в которые могут уложиться все твои мечты.

Я сидела на постели в позе лотоса и наблюдала за тем, как Олег натягивает рубашку. Свежую, отглаженную в прачечной.

Мы снова поцапались из-за Селезневой. Он был недоволен, я тоже. Мы, конечно же, все обсудили. И не один раз. Но мне было обидно – вместо того, чтобы позвать меня в ре-

сторан и отметить победу, он идет на встречу с Леной, а я буду сидеть в четырех стенах и накручивать себя. Странно, что Олег этого никак не может понять. Хотя... все он понимает, просто не хочет сесть и объясниться со мной. И если раньше я еще могла понять его «не твое дело» или «тебя это не касается», то теперь, когда он сам сказал, что нет между нами больше никакого договора, что между нами все по-настоящему... Мне было больно. И он прекрасно понимал это, видел в моих глазах, видел он и мои слезы, но... все равно натягивал свежую рубашку и собирался на встречу с Леной.

– Когда ты вернешься? – прохладно осведомилась я.

Он обернулся, застегнул последнюю пуговицу и взял с подлокотника дивана пиджак. Я смотрела на него прямо, не отводя взгляда.

– Постараюсь недолго, – ответил Олег.

– Ясно, – вздохнула, но взгляд не отвела. Нет уж. – Ты если на ночь останешься у неё, смс мне хоть напиши, чтобы я не переживала, – вырвалось у меня.

– Ян, – Олег снова кинул пиджак на диван и приблизился ко мне. Затем присел рядом на постель и попытался привлечь меня к себе. Но я резко вырвалась и, спрыгнув с кровати, зло прищурилась:

– Что «Ян»?! Ты говоришь, что я тебе нужна, но бежишь к своей Лене по первому зову! Что вас связывает!? Просто ответь мне уже, я не знаю, что мне думать! – воскликнула я. Ответь мне, Олег, почему?

– Я не могу, – он тоже поднялся и погладил меня по плечам.

Я хотела вырваться, хотела, но... Вместо этого вытерла со щек две предательские слезищи и, выровняв тон, заговорила:

– А я могу. Тебе не кажется, что это несправедливо? Ни одна нормальная женщина не потерпит, чтобы в жизни её мужчины была другая. А я? Я разве ненормальная? – засмеялась ему в лицо. – Хотя да. Ненормальная! Сначала согласилась трахаться с собственным тренером ради достижения цели, а потом и делить его с девкой, которая, даже получив гребаную травму, умудряется мне гадить! Я ненавижу твою Лену! – прошипела я. – Ненавижу её! Хочешь к ней – вали к ней! Но как только мы приедем в Москву, я съеду из твоей квартиры.

Мне казалось, что я говорю спокойно, но потряхивало меня знатно. Он мне своей Селезневой все нервы вытрепал! Ну нельзя же так со мной, Олег! Я же тоже человек! И я люблю тебя!

Коршунов молча смотрел мне в глаза, судя по всему, обдумывая мои слова. А потом вытащил телефон из заднего кармана джинсов и вышел в холл. Я тут же опустилась на постель и, накрыв лицо руками, дала волю слезам. Надоело мне. Не могу я так.

– Я не смогу встретиться, Лен, – вдруг донеслось до меня. Я мигом перестала реветь и прислушалась. – Хватит на меня

давить! Что ты хочешь этим добиться, Лен? Я все прекрасно понимаю, но не могу встретиться. Я позвоню потом.

Когда он снова появился в комнате, взгляд его был злым. Лицо напряжено, на шее аж вена вздулась. Я опустила взгляд ниже – пальцы его с такой силой сжимали смартфон, что побелели костяшки. Снова подняла взгляд и услышала:

– Я не хочу тебя терять, – а после в несколько мгновений он оказался передо мной, опустился на корточки и посмотрел снизу-вверх. – Я и без того в своей жизни слишком много потерял, Яна, – тихо произнес Олег, а затем, обхватив мое лицо ладонями, продолжил: – Думал, что уже никогда не смогу испытать подобных чувств. Но ты появилась в моей жизни, и всё перевернулось. Я не отпущу тебя, я хочу, чтобы ты была со мной. Мне голову сносит о тебя, Янка. Просто знай это.

Он говорил, и каждое слово будто маленькая ядерная бомба взрывалось в моей голове. Я не понимала, что он говорит, точнее, понимала, но... Кто он такой – этот человек, сидящий передо мной?!

– Но я не могу не уйти сейчас, Ян. Не могу, иначе... – его прервала мелодия телефона. Мы оба синхронно посмотрели на постель, и я, всхлипнув, проговорила:

– Тогда иди, раз не можешь.

– Прости меня, – Олег встал, взял телефон и ответил.

Я продолжала на него смотреть, цеплялась за него, надеялась.

– Жди меня у отеля, – только и проговорил Олег, после чего отключился. – Прости, Ян, – снова сказал он.

Я кивнула и отвернулась. Олег, больше не произнеся ни слова, забрал пиджак и вышел в коридорчик. А спустя минуту и вовсе покинул номер. Я накинула одеяло и вышла на балкон. Третий этаж, и окна выходят как раз на сторону, где находится вход. Селезневу я увидела сразу. Она стояла у фонтана в красном пальто. Ненавижу. Как же я её ненавижу...

Я дождалась, когда выйдет Олег. Лена, увидев его, быстрым шагом направилась в его сторону и кинулась в объятия. Больше не могу. Закусив краешек одеяла, чтобы не завывать в голос, я поспешила уйти обратно в номер. Господи. Яна, все же ясно как божий день. Это только ты, тупица, веришь в сладкие слова Коршунова. Хватит. Открой глаза.

Глава 25

С Олегом я предпочитала не разговаривать. К чему слова и попытки выяснить отношения, если как таковых отношений у нас никогда не было? Вернулся от Селезневой он спустя три часа. Я сделала вид, что сплю, но отчего-то знала, что он понял, что я всего лишь притворяюсь. По всей видимости посчитав, что утро вечера мудренее, Олег, приняв душ, прилег рядом, обнял меня со спины и уснул. А я всю оставшуюся ночь лежала, не сомкнув глаз, и накручивала себя, накручивала. В итоге к утру я была подавленная, злая и не

выспавшаяся.

Олег, очевидно, посмотрев на меня, решил отложить разговор еще дальше. До приезда в Москву. Зря. Меня выбешивало его спокойствие! Меня выбешивало то, что он общался с другими тренерами и спортсменами на показательных выступлениях как обычно, будто бы наши отношения не висят на волоске. Ах, ну да! Никаких отношений ведь между нами нет.

В итоге, едва мы приехали в Москву и зашли в квартиру, я направилась в спальню с намерением собрать вещи и свалить. Честно, не знала, что я буду делать. Хотя денег у меня хватит, чтобы подыскать себе квартиру. Пусть не так близко от катка, но все же и не в Новой Москве. Конечно, если Олег не решит отчислить меня из группы.

– Что ты делаешь? – когда я вытащила из шкафа свой старый сломанный чемодан и бросила его на постель, поинтересовался Коршунов. Войдя за мной следом, он остановился в дверях.

– Сваливаю, – не глядя на него, бросила я, вытаскивая свои вещи и кидая их как есть в чемодан.

– Успокойся, давай поговорим, – он подошел ко мне и, ухватившись за чемодан, потянул на себя. Я же что есть силы вцепилась в ручку.

– Раньше надо было говорить! – заорала я, полоснув его презрительным взглядом. – Если ты решил, что если мы не говорим о проблеме, значит, она рассосалась сама собой

– это не так, Олег Евгеньевич! Тебе не хотелось со мной разговаривать, когда ты вернулся ночью от своей долбанной Селезневой! Ты не хотел со мной разговаривать утром! Ты, черт тебя дери, не соизволил поговорить даже после показательных! Олег! Хватит меня унижать и с грязью смешивать! Я больше так не могу, понимаешь?! – подбородок мой задрожал, а глаза наполнились слезами. Я яростно вытерла их, будто бы они были моими самыми злостными врагами, и отпустила ручку чемодана.

Олег схватил его и бросил на пол, перед тем достав мои вещи и сложив их на постель.

– Я хотел, чтобы ты успокоилась, Яна! – он подошел ко мне и попытался обхватить за плечи, но я увернулась и покачала головой. Ну нет!

– Отличная тактика! – рывкнула я, делая шаг назад, и едва не споткнулась об угол кровати. – Я успокоилась?! Я успокоилась! Я спокойна! Только видеть тебя больше не желаю! Мне осточертели твои тайны, твои запертые комнаты, твое ко мне отношение! Я больше не могу! В Лас-Вегасе ты видел, что мне плохо! Видел и все равно ушел к этой суке!!! – я так истошно орала, что у меня закружилась голова. С силой зажмурилась, пытаясь прогнать истерические рыдания, так и рвущиеся у меня из груди.

– Яна, прекрати истерику! – он все же ухватил меня и притянул к себе.

– Не трогай меня! – что есть силы начала извиваться я,

не переставая при этом кричать и плакать. Мне было необходимо выплеснуть всю ту боль, которая накопилась во мне. Которая быстродействующим ядом отравляла меня, заполняла собой. – Не трогай! – я била его по рукам, удерживающим меня за талию, но никакого эффекта это не давало. Олег продолжал стоять и держать меня, словно ничего не чувствовал. – Неужели ты не видишь, что я люблю тебя, Олег? – просипела я, поднимая на него измученный взгляд.

Что отразилось в его глазах в ответ на мое признание? Ничего. Ничерта там не отразилось! Чтоб его!

– Видишь, тебе даже сказать мне нечего. Яна стала слишком сложной, да? – улыбнулась сквозь слезы. – Слишком много проблем доставлять начала. Нарушает привычный уклад жизни Олега Коршунова. Так отпусти её, пожалуйста! Я больше не могу так, Олег, пощади меня, пока от меня хоть что-то еще осталось...

– Пожалуйста, успокойся, Яна. Я нарушил свой привычный уклад уже давно, как только взял тебя в группу! – Олег говорил вроде бы спокойно, но я видела, что в его глазах затаилось нечто нехорошее, опасное... Его пальцы продолжали сжимать меня за талию так крепко, что я понимала – если он не захочет, самой мне в жизни не высвободиться. В общем-то, это относилось не только к данному моменту. Я – зверек в ловушке, а он – ловкий охотник. И только ему решать, что делать со своей жертвой...

– Я сознательно пошел на это, – продолжил он. – Я желал

лишь тебя, это как помешательство! Видел только тебя, хотел только тебя, Яна...

– Хотел, – криво хмыкнула я и покачала головой. – Олег, если я для тебя что-то значу, как ты мне говоришь, просто скажи мне, что ты скрываешь. Кто для тебя Селезнева, почему ты постоянно встречаешься с ней? Просто скажи, и я никуда не уйду.

– Я не могу, – он глубоко вдохнул, затем выдохнул. – Это не только меня касается, и я...

– Ты не доверяешь мне, – догадалась я.

И словно в подтверждение моих слов, Олег просто промолчал. Молчание красноречивее любых слов. Я ему в любви признаюсь, а он мне не доверяет. Ну что я могу сделать? Побежать на телевидение и всем раструбить, я узнала тайну Олега Коршунова? Он этого боится?

– Ты продолжишь меня тренировать, если я уйду? – зада-ла я самый волнующий меня вопрос.

– Да, – тут же ответил Олег и разжал пальцы, отпуская меня.

Я же не двигалась с места. Задрав голову, смотрела на него несколько долгих мгновений. Он снова хмурился, и я едва не подняла руку, чтобы разгладить складочку меж бровей. Он стал для меня всем в такой короткий срок. А я для него продолжаю быть девочкой, которую он хотел затащить в постель.

– Тогда я пойду, – выдавила я глухо. Затем развернулась и

вышла в коридор, где в маленьком дорожном чемодане были сложены все те вещи, которые я брала с собой на соревнования.

– Я хочу съездить на стадион и покататься. Можно? – не глядя, спросила я Олега.

– Можно. Потом вернешься?

Мне не хотелось ему отвечать. Или хотелось... Сказать, что я уйду навсегда, и он больше никогда меня не увидит. Сказать на прощанье что-то красивое, резкое, колкое, причиняющее боль. Но для того, чтобы причинять ему боль, любила я его, как оказалось, слишком сильно. Тем более, я все равно вернусь. К нему. И дело уже не в договорах и принуждении к отношениям. Дело во мне. Я без него вздохнуть больше не смогу.

– Покатаюсь и приеду, – обувшись, я отперла дверь и вышла на лестничную площадку, везя за собой чемодан. – Я хочу, чтобы ты мне доверял, Олег. Твои отношения с Леной меня мучают, – сказала я ему и, не дожидаясь ответа, ушла.

Глава 26

Такси, слава богу, приехало быстро, потому что на улице было жутко холодно. Продрогнуть я успела даже за те пять минут, что длилось ожидание. Хотя, может, и не от холода вовсе меня била крупная дрожь. Я не знала, что мне делать, как быть? Разум твердил, что нужно покончить с этими отношениями раз и навсегда. Если человек мне не доверяет,

как можно хоть что-то с ним построить? Но сердце... Мое гребанное сердце желало вернуться туда – в его квартиру, в его теплые объятия и плюнуть на все. Яна же выбрала нечто среднее.

Такси остановилось у центра Коршунова, я расплатилась, забрала вещи и направилась в подсвеченный огоньками красивый ледовый стадион. На часах было уже около восьми вечера, и я рассчитывала, что никто не станет донимать меня. Хотелось побыть наедине с самой собой, с собственными мыслями и чувствами. Попытаться отскрести от себя то ощущение безнадежности, что поселилось во мне. А что может быть лучше льда?

Я вышла на каток и остановилась у борта. Бросила сумку с экипировкой на скамейку, подошла к борту и оперлась о него локтями. Гладкий, по всей видимости уже залитый на утро, каток отражал свет ламп. Вздохнув, я подумала о том, что я ведь всегда любила лед. Любила фигурное катание, любила кататься. И сейчас ничего не изменилось, вот только в моей жизни неожиданно появился человек, способный поделить мою любовь к спорту. Забрать частичку этой любви себе. Я не хотела влюбляться в Олега Коршунова. Но по всей видимости, судьба моя была предрешена именно... Олег говорил о прошлогоднем чемпионате России. Когда я шлепнулась у него перед глазами, и он так впечатлился, что решил забрать меня себе.

Из груди моей вырвался горький смешок. Оттолкнувшись

от борта ладонями, я подхватила сумку с коньками и формой и отправилась переодеваться. Как я и предполагала, спортсмены уже разошлись по домам, и в коридорах мне встрети-лась лишь пара сотрудников. Если они и удивились моему присутствию тут, то вида не подали. Конечно, любовнице Коршунова позволяется тренироваться в любое время...

Когда я переоделась и уже собиралась выйти из раздевалки, телефон в руках завибрировал. Пришедшая смс была от Олега. «Когда накатаешься, дай знать, я за тобой приеду». Быстро напечатала ответ: «Не стоит, сама доберусь». Закрыла дверь раздевалки и пошла по коридору. Олег снова прислал сообщение, но посмотрела его я лишь когда добра-лась до катка. «Нам надо поговорить. Не делай глупостей». Я лишь поджала губы и шумно выдохнула через нос. Положила смартфон на борт и выкатила на лед. Проехалась пару кругов. Что значит не делать глупостей в понимании Олега? Что я, по его мнению, могу натворить? Сигануть четверной без тренера и получить травму? Нет, научена уже. Глупая девочка Яна уяснила, что так делать не надо. Или напиться вдрызг и отправиться в клуб? Тоже уже поняла, что не стоит. Что еще, по его мнению, – глупость? Когда всё это началось, он был уже взрослым и состоявшимся мужчиной, я же – на-ивной девчонкой, которая, несмотря ни на что, еще верила в сказки. Только вот сказки не всегда заканчиваются хэппи эндом. И что ждет меня дальше, я не знала. Да и хэппи энд тоже может быть разным.

Несколько минут я усиленно разминалась и раскатывалась, а после зашла на лутц. Скрутила три оборота и выехала.

Я любила прыгать. Всегда больше любила прыгать, чем кататься. Особенно в детстве. Бабушка называла меня попрыгушкой. Потому что я прыгала везде: и на льду в коньках, и в зале, и даже дома. Хотела быть лучшей. Только что я выиграла свой первый этап Гран-при... Разве это не успех? Успех, только радости я не испытываю. Меня больше волнует Олег. Олег Коршунов и скелеты в его шкафу. И эта чокнутая Селезнева, чтоб её! При одной мысли о Лене в памяти моей всплыли их с Олегом обнимашки перед гостиницей.

В груди нарастало неприятное чувство. Гнев. Да! Я понимала, что, если когда-нибудь встречу с ней лицом к лицу, молчать не буду. Она мне уже поперек горла! Стиснув зубы, я едва не зарычала и резко сорвалась с места. Набрала скорость и снова прыгнула, на этот раз каскад. А потом снова и снова. Снова и снова, пока, обессиленная, не осознала, что поднять свою тушку в прыжок больше не в состоянии. Едва выползла со льда и плюхнулась на скамейку. Если я завтра не смогу выйти на тренировку, Олег меня убьёт. И его не будет волновать тот факт, что сегодня с прыжка я ни разу не упала. Ни с единого.

– Привет.

Я вздрогнула, ощутив у себя за спиной движение. Усталость как рукой сняло, я подскочила и, обернувшись, увидела Горелова.

– Ты что тут делаешь? – сузила глаза. – Как ты сюда попал?

Довольно улыбнувшись, он помахал перед моим носом пропуском и заявил:

– Плохо тут охрана работает, я позаимствовал пропуск у знакомого, а... – смерил меня каким-то недобрым взглядом. – Охранника надо, наверное, уволить.

– Что тебе нужно, Саш?

– Да ничего, – пожал он плечами. – Я, если честно, не думал, что застану тут кого-то, тем более тебя. Ты в это время уже должна послушно раздвигать ноги перед Коршуновым. Как он тебя отпустил?

– Фу, это мерзко, Горелов! – скривилась я. – Мерзко даже для тебя.

– А для тебя нормально, да?

Саша сделал шаг ко мне, я же тут же отступила назад. Сложила руки на груди и, вскинув голову, заговорила:

– Что тебя так бесит, а? Что я с Коршуновым сплю, или что тебя кинула?

– Это я тебя кинул! – глаза его вспыхнули гневом. – Ты правда думаешь, что тебя Коршунов из общаги попер?

Я напряглась. Тааак... а вот тут поподробнее...

– О чем ты?

– Это я... договорился, чтоб тебя лишили места.

Он улыбался так, что мне хотелось вмазать ему. Сильно хотелось, даже руки чесались, но я смогла себя остановить, лишь сжала пальцы в кулаки с такой силой, что ногти впи-

лись в кожу. Это немного отрезвило меня. Броситься на бывшего парня, пусть и подонка – как-то... Не заслуживает он этого.

– Не знал, как тебя кинуть, – продолжил он все с той же довольной рожей.

Меня начало тошнить. Господи, и я его считала хорошим?! Да, Яна, ты правда тупица. Мало того, что дальше собственного носа не видишь, так и в людях совсем не разбираешься. У него же на лице написано – мудака!

– А тут друг идейку подкинул, чтоб ты сама меня бросила. Вы же, бабы, такие обидчивые.

– Я по твоей милости оказалась на улице, – я старалась говорить ровно и не поддаваться ярости, скребущей во мне когтями дикого зверя. – Я по твоей милости едва свою карьеру коту под хвост не пустила! У тебя вообще с головой все в порядке?! Ты козел, Горелов! И я рада, что тебя выперли из этого центра. Будь уверен, что больше ты сюда не попадешь, я позабочусь об этом!

Схватив свои вещи, я обошла его и направилась в подтрибунное помещение. В голове не укладывалось, что вот так запросто можно взять и... Нет, я не заплачу! Гневно вытерла навернувшиеся на глаза слезы и прибавила шаг. Хотелось скорее переодеться и уехать отсюда. Телефон в моих руках снова пропиликал, но я опять проигнорировала его.

– Мы с тобой не договорили! – едва я дошла до двери в раздевалку, Горелов грубо пихнул меня в спину, вталкивая

внутри.

Дверь тут же захлопнулась. Я упала на скамейку, боль обожгла бедро.

– Ты спятил?! – не выдержала я и попыталась подняться, но Саша не позволил, метнулся ко мне, схватил за плечи и дернул на себя.

– И все же люблю я рыжих, Янка, – обжигая мое лицо горячим дыханием, произнёс он и впился в мои губы.

Я попыталась вырваться, плотно сжала губы, но Горелов держал меня с такой силой, что мне казалось, если сдавит еще чуть-чуть, он мне кости переломает. Было адски больно и адски страшно. Я же по сравнению с ним – мелкая мошка.

– Пусти меня! – выкрикнула я, стараясь не поддаваться подкатывающей панике.

– Да ладно тебе.

Ощувив его руки под майкой, я рвано выдохнула. Попыталась ударить его коленом, но лишь задела по ноге. Он зашипел, лицо его исказилось гримасой ненависти.

– Трахну тебя разок на прощанье, чего ты ломаешься?! Твой тренер не развалится, если его шлюшку разок поимеет кто-то другой, – майка моя поползла вверх, Горелов накрыл мою грудь и больно сжал. – Ты такая сладкая и вкусная, как конфетка, Янка, ммм... Только не давала мне, а ему дала. Почему?

– Потому что ты тварь самая последняя! – прошипела я, не оставляя попыток вырваться.

Кое-как высвободила прижатую им ногу и ударила ботинком по голени. Он взвыл и на мгновение отпустил меня, но не успела я даже дернуться, подлетел и ударил меня по лицу так, что я упала на пол. Перед глазами все плыло, во рту я почувствовала солоноватый привкус крови. Тварь!

– Я тебе придушу, гадина! – Горелов с искаженным яростью лицом кинулся на меня и, придавив к полу, схватился обеими руками за мою шею.

Я ухватилась пальцами за его, пытаясь разжать, но безрезультатно. Засипела, воздуха стало не хватать, а он все продолжал давить, и я боялась, что последнее, что я увижу в этой жизни – его перекошенное злобой лицо...

Глава 27

Перед глазами потемнело, воздуха в легких перестало хватать. Я чувствовала, как по щекам моим катятся слезы, обжигая воспаленную от удара кожу, и из последних сил пыталась отодрать от своей шеи руки Горелова. Но отпустить он и не думал, будто озверел и задался целью придушить меня.

Мне казалось, что это на самом деле конец, но в момент, когда перед глазами начало темнеть, я почувствовала свободу. В легкие начал поступать воздух и, вдохнув полной грудью, я закашлялась. Ухватилась руками за горло и только тогда увидела, как Горелов отползает к противоположной стене, а на него надвигается...

– Олег! – прохрипела я и снова зашла в приступе каш-

ля. Никак не могла надышаться и успокоить сердцебиение. – Олег! – позвала я снова, и он наконец повернулся. Он был в ярости, в глазах жажда убивать, и мне на мгновение стало страшно. Но, стоило ему поймать мой взгляд, лицо его прояснилось, складка меж бровей на секунду разгладилась.

Почувствовав, что Коршунов отвлекся, Горелов поднялся и попытался сбежать, однако Олег, тут же переведя взгляд на него, прицельным ударом в челюсть повалил обратно на пол. Из губы его потекла кровь, и я испытала какое-то садистское наслаждение. Мне хотелось, чтобы Олег избил его, да так, чтобы тот только ползать и мог. Скрипнула зубами и вздрогнула, когда Олег, приподняв Сашку, снова ударил. Тот застонал и выставил руки перед собой, заслоняясь.

– Я тебя убью, если ты подойдёшь к ней ближе, чем на километр, – услышала я зловещий голос Олега. – Ты у меня харкать кровью будешь, тварь, понял меня?

Горелов ничего не отвечал, держался за челюсть и ненавидяще смотрел на него.

– Ты меня понял, собака?! – рявкнул Олег так громко, что и я тоже испугалась. Что уж говорить о Горелове, который, будто бы очнувшись, закивал.

Подхватив за ворот куртки, Олег потащил его к выходу из раздевалки.

Когда дверь за ними хлопнула, я вздрогнула. Опасливо осмотрелась по сторонам, будто бы могла быть не одна, а когда до меня дошло, что я в одиночестве, прижала ладошку

ко рту и вновь заплакала. Из груди рвались какие-то надрывные, приносящие боль рыдания. Щека горела, глотать было очень больно, а легкие жгло. Я так и сидела на полу, лишь подползла к стене и оперлась о неё. Поджала ноги к груди и заплакала еще сильнее. Хотя, казалось, куда уж... Боже мой, во что превратилась моя жизнь?! Еще недавно у меня было все хорошо: карьера фигуристки, пусть и не совсем удачная, но я не теряла веру в успех. Был парень, была нормальная жизнь восемнадцатилетней девушки, походы в кино и кафе... А теперь мой бывший парень пытается меня задушить...

Дверь снова отворилась, и спустя мгновение я оказалась в объятиях Олега. Тут же обхватив его, я крепко прильнула к нему, желая почувствовать себя в безопасности, желая ощутить родной запах, ощутить, как бьётся его сердце. Я буквально взвыла в голос, плечи мои тряслись, на меня накатила самая настоящая истерика. Так я никогда еще не плакала. Ни единого раза.

– Тихе, все хорошо, Яна, все хорошо, – его тихий бархатистый голос обволакивал меня, пробирался в мое нутро, будто лекарство заживляя раны. Он поднял меня с пола, сел на скамейку и усадил к себе на колени. Я дрожала, а он гладил по спине, по плечам, перебирал волосы, продолжая прижимать меня к своей груди. – Он больше к тебе не подойдет.

– Это он поспособствовал тому, чтобы я на улице оказалась, – стуча зубами, выдавила я. – Это не ты.

– Конечно, не я, – я услышала сдавленный смешок и, всхлипнув, вытерла слезы.

Они покатались снова, но меня чуточку отпустило. Подняв голову, я наткнулась на взгляд Олега. Глаза его потемнели, на скулах ходили желваки. Он смотрел... Я дотронулась до щеки.

– Сильно, да? – шепотом спросила я.

Олег отвел мою руку, сжал ладошку и произнес все так же негромко:

– Я больше ни одной мрази не позволю коснуться тебя.

Я судорожно выдохнула через рот, потому что нос у меня был заложен. Олег осторожно прихватил меня пальцами за подбородок и чуть отвел голову в бок. Картина, по всей видимости, открылась ему не очень радужная, потому что я услышала, как он выругался и заскрипел зубами.

– Все в порядке, – попыталась я успокоить его, дотронувшись до руки. – Это все заживет.

– Заживет, – кивнул Олег. – Но в памяти останется.

– У меня память, как у рыбки, – наконец смогла улыбнуться я. Сковывающее меня напряжение, страх и ужас отступали рядом с моим Олегом. Я знала, что он меня защитит, знала, что не отпустит. Знала... – Завтра уже забуду.

Олег поцеловал меня в плечо и вздохнул. Кажется, его тоже отпустило. И он начал злиться по другому поводу.

– Почему ты мне не отвечала?

Как я и думала, страх за меня отошел на второй план, теперь же пришло время устроить Яночке выволочку. Но мне, если честно, хотелось лишь прижаться к моему мужчине, и плевать, что он там говорит. Пусть злится на меня, только не выпускает из объятий...

– Чего молчишь?

– Слушаю тебя, – мурлыкнула я, хотела поцеловать его в напряженную скулу, но из носа так не вовремя потекло. Я хлюпнула и засмеялась.

– Тогда слушай внимательно! Я...

– Я люблю тебя, – прервала его нагло и потянулась к губам.

Но Олег перехватил меня за плечи и отстранил, не дав себя коснуться. Впился в мое лицо взглядом, чуть прищурился, поджал губы. О чем он думает? Мне стало вдруг неуютно под этим взглядом. Что я не так сказала? Он ведь знает, я же уже говорила...

Обхватив мое лицо ладонями, Олег чуть подтянул меня на себя, коснулся губ и выговорил:

– Я тоже тебя люблю, Яна Абрамова.

– Что? – да, знаю! Это самое тупое, что я могла ответить на признание в любви, но я... – Я... ты серьезно?

– Серьезно, – улыбнулся он вдруг. – Думаешь, я мазохист – держать тебя в своей постели, если б не любил? М-м-м?

– Да, – сказала я и снова засмеялась. Господи... – Да! – я сморщилась от резкой боли в висках и... снова заплакала.

– Прекрати реветь!

– Как скажешь, – закивала я и принялась обеими ладонями вытирать щеки, задела гематому и ойкнула. Только у меня так может быть! Признание в любви в раздевалке – ладно. Но еще двадцать минут назад меня едва не придушили и поставили фингал. Я самая красивая девушка на Земле...

– Я тебя никому не отдам.

– Никому-никому? – улыбнулась я.

– Никому.

– И я. Никому, – никому. Олег накрыл мои губы своими, и я с готовностью ответила на поцелуй. Он сказал, что любит меня! Не Селезневу – меня! Но...

– Олег, – я отстранилась и всмотрелась в его глаза. Это же будет мучить меня, ревность будет глодать меня... – Что тебя связывает с Леной Селезневой? – спросила я таким тоном, чтобы у него не возникло даже крупицы желания уйти от ответа. – Просто скажи мне, я приму любую правду.

Он молча смотрел мне в глаза, а я ждала... Если он расскажет... Если расскажет, я действительно приму любую правду. Любая правда лучше, чем молчание.

Глава 28

– Скажи, – прошептала я тихо. Так тихо, будто бы вовсе промолчала.

Но Олег услышал. Взгляд его мигом изменился, весь он изменился, подобрался, напрягся. Я поняла, что снова не по-

лучу ответа.

– Я расскажу тебе, – сказал наконец он и отвел глаза.

Мне показалось, или я уловила в его взгляде тревогу? Тревогу?! Нахмутив брови, я взялась пальцами за его подбородок и снова заставила посмотреть на меня.

– Ты боишься, что я не пойму? Что буду осуждать тебя? Олег, я...

– Дай мне два дня, – он убрал мою руку от своего лица, прижал к груди и, чуть сжав, проговорил: – Завтра у тебя выходной, поехали домой?

– Олег...

– Яна, поехали домой! – с нажимом повторил он.

Во мне против воли начало закипать негодование. Я встала с его коленей. Он не держал меня, руки его опустились на скамью.

Я же стояла, смотрела на него и не понимала, что мне делать. Он же сказал, что любит меня! И я должна радоваться. Должна же, но я... Я чувствовала лишь раздражение.

– Ты любишь её тоже, да? – сипло выговорила я.

– Люблю, – согласно кивнул он. – Но не так, как тебя. Я должен ей.

– Что ты ей должен?! – воскликнула я, рвано засмеявшись. Нет, это сюр какой-то, черт возьми! Я покачала головой и выдавила: – Я дам тебе время, Олег, но ты... пожалуйста, тоже дай мне его. Сегодня я не хочу возвращаться к тебе домой. Просто... пожалуйста, Олег, отпусти меня.

Он с минуту молчал. Смотрел на меня снизу-вверх таким взглядом, будто бы я из него жизнь высасываю... А потом тоже встал и приблизился. Не делая попыток обнять меня, чуть склонил голову на бок и проговорил:

– Я сниму тебе номер в отеле.

– Не надо, – вздохнув, я сделала шаг назад, прижалась к шкафчику. – Попрошусь к Альке. Надеюсь, она меня пустит, – кривовато усмехнулась.

Ермакова и правда как-то предлагала мне, если что, пожить в её квартире. Надеюсь, с появлением в её жизни Виктора Алексеевича предложение это осталось в силе. Не хотелось стеснять её, но еще больше мне не хотелось жить в гостинице. Как-то там... бездушно, а сейчас я особенно нуждалась в каком-никаком, но уюте. А еще мне хотелось поговорить с кем-то, кто сможет выслушать меня и попытаться... хотя бы попытаться понять... Мне казалось, что Альбина именно такой человек. Тем более, ей тоже не сладко. Травма, потеря партнёра, разве что в личной жизни у неё все гораздо проще. Но я сама виновата. Не надо было падать перед Коршуновым на чемпионате России.

Против воли у меня вырвался нервный смешок, и я, закрыв лицо руками, шумно выдохнула. Все будет хорошо, Яна. Олег ведь сказал, что любит. Значит, все разрешится, и однажды он расскажет тебе о том, что скрывает. Вот только хватит ли у тебя терпения...

– Хорошо, – сказал Олег. – Я отвезу тебя. По пути заедем

в аптеку, – голос его звучал уже спокойно и твёрдо.

Во всём, что касалось не относящихся к нам проблем, он был таким – спокойным и твёрдым. А гематома у меня на лице к нам относилась весьма посредственно.

– Только смску напишу ей.

Я достала из кармана телефон и, не глядя на Олега, отошла в сторону. Набрала Альке короткое сообщение с вопросом, можно ли остаться у неё на пару дней и, получив такой же короткий ответ с адресом, улыбнулась. Как ни крути, а Алька хороший человек. И я рада, что она есть в моей жизни.

Ладони Олега опустились на мои плечи. Он притянул меня спиной к своей груди и уперся носом в мой затылок.

– Прости меня.

На глаза мои выступили слезы. Ну почему он так?..

– Я надеюсь, ты разберешься со всем, и мы поговорим. Либо мы вместе, либо нет. Либо ты доверяешь мне, либо нет, – сказала я отстраненно. В голове моей бродили мысли по поводу одних уже разрушенных из-за Селезнёвой отношений, но я предпочла промолчать. Мало ли, что у Олега было с Ингой. Гораздо сильнее меня волновало наше с ним будущее.

– Дай мне пару дней. Мне нужно уладить кое-что, и тогда я смогу обо всем тебе рассказать и... – он усмехнулся, – будь, что будет.

– Хорошо.

Мне хотелось верить Олегу, хотелось положиться на него,

но было сложно. Сколько он меня мучает? Что там такого страшного?! Тройня, что ли, у этой дуры от него родилась?! Ну было и было, даже если было, когда она была несовершеннолетней. Этого он боится? Так и это я могу принять, ничего такого тут нет. Мне хотелось думать, что Олег раздувает из мухи слона, но я понимала, что он вовсе не такой, и от этого мне было плохо. Что-то нехорошее связывало его и Лену, я была почти в этом уверена.

Олег не пытался меня отговорить и увезти к себе домой. Принял мое желание, и это я оценила. Потому что если бы мы вернулись к нему, я бы... Я бы не смогла уйти, и снова все закрутилось бы по-старому.

Из машины выходить он не стал, и за это я тоже была ему благодарна, потому что... Да потому что! Мне хотелось разреветься, топнуть ножкой и сказать, что я никуда от него уходить не хочу! Но Яна взрослая девочка и поступки должна совершать взрослые, поэтому я, махнув ему на прощанье, направилась к Алькиному подъезду. Набрала на домофоне номер нужной квартиры. Машина Олега продолжала стоять на месте, и я спиной ощущала его взгляд, направленный на меня. Сжала ручки пакета. По пути мы заехали в аптеку за мазью, и Олег тут же обработал синяк на моём лице. Пальцы его касались моей воспалённой кожи, а я... мне скулить хотелось. И не от боли вовсе, а от этой его нежности, заботы. Почему всё так?! Почему он такой?! Почему? Почему?!

Стоило тьме подъезда поглотить меня, мне пришла смс. Остановившись на лестнице, я достала телефон и прочитала: «Я тебя никому не отдам, Яна. Просто помни об этом».

– Не отдавай, – прошептала я и почувствовала соль на губах. Опять слезы...

Алька встретила меня на лестничной площадке, окинула взглядом и выдала:

– Все, свалила от нашего красавчика?

– Можно я пройду? – поджала губы я. – Или ты с порога мне допрос с пристрастием собираешься устроить?

– Проходи, – улыбнулась Альбина и, когда я вошла, хлопнула дверь. Затем посмотрела на меня и выдала: – Так и знала, что все у вас с Коршуновым будет через одно место.

– Это еще почему?

Она не ответила, прошла по коридору и скрылась на кухне.

– Чай будешь?

– Я бы что-нибудь поела, – нехотя призналась я. Желудок сводило, и поняла я это только сейчас. Видимо, меня наконец полностью отпустило.

– А как же режим? – донеслось до меня.

– К черту режим!

Я нашла ванную, помыла руки и вошла на кухню. Алька уже готовила омлет. Кухня у неё была небольшая, но уютная и очень чистая. Деревянные шкафчики, маленькие деревян-

ные полочки со специями, кухонная утварь на специальной подвеске с крючками. Не знаю, чего я ожидала увидеть, но это... Дом. Настоящий уютный дом, и Аля тут – полноправная хозяйка. Каждая мелочь, каждая деталька тут её. В груди у меня снова стало тяжело. Как же мне хотелось точно так же выстроить свой мирок, свой собственный уголок, отношения со своим мужчиной. Со своим...

– Рассказывай, что стряслось, – она вылила содержимое миски на сковороду и прикрыла крышкой. Только потом посмотрела на меня, приподняв брови в ожидании.

Я опустила на табурет у обеденного стола и выпалила:

– Горелов чуть меня не изнасиловал.

– Вот тварь! Все в порядке?

– Угу, – кивнула я. – Олег вовремя приехал.

– Видимо, не совсем вовремя... – Аля красноречиво глянула на мое лицо, и я вспомнила про гематому.

Без слов подойдя к холодильнику, она достала пачку пельменей и протянула мне. Я так же молча взяла её и прижала к щеке.

– Почему к Олегу не поехала? – спросила Альбина.

– Мне нужно время. И ему тоже нужно.

– Никак не признает, что по уши втюхался в тебя? – хмыкнула она, скривив уголок рта.

– Наоборот, сказал, что любит, – вздохнула я.

– Так в чем проблема, я понять не могу? – Аля развернулась к плите, открыла крышку и проверила омлет. Затем

выключила конфорку, достала тарелку и поставила передо мной.

– Я не знаю, что связывает Олега и Селезневу.

– При чем тут Селезнева? – нахмурилась Альбина.

Выложила мой запоздалый ужин, протянула мне вилку и уселась рядом.

– Спасибо, – я взяла вилку и отковырнула кусочек. – Очень вкусно!

– Ага, особенно когда ешь на ночь глядя, – улыбнулась она. – Но ты мне зубы-то не заговаривай! При чем тут Селезнева в ваших с Олегом отношениях?

– Если бы я знала. Аль, она проходу ему не дает!

– А он?

– А он бежит по первому её зову!

– Ну так всегда было, – пожала плечами Альбина. – Не убирай пельмени! – когда я попыталась отложить пакет в сторону и нормально поесть, воскликнула она.

Я послушно вернула пачку на место. Надеюсь, что от этого будет хоть какой-то толк. Сразу надо было, а теперь... Рыжая, да ещё и с лиловым разводом!

– Что их связывает?

– Я же говорила тебе уже. Все знают, что они спали.

– Если бы только спали, – вздохнула я.

Тут снова завибрировал мой телефон. На этот раз пельмени я всё-таки отложила. Достала мобильный из кармана джинсов и посмотрела на дисплей. Номер мне был не зна-

ком. Открыла сообщение и увидела фотографию. Просто фотографию. Без подписи. На ней были Олег и Лена. Эта сука сделала селфи в его машине и отправила мне. Прямо сейчас, потому что на заднем сиденье лежала моя сумка с тренировочной формой и коньками. Сумка, которую я, уходя, оставила у Олега. Вот сука!

Глава 29

Инга смотрела на меня пристально. Будто бы искала в моих глазах хоть маленький намек на сомнения. Я в ответ поджала губы и чуть вздернула подбородок с вызовом. Сомнений у меня не было.

Я сидела на кухне бывшей жены Олега, она – напротив меня, довольно улыбаясь. Мои же чувства будто бы уничтожили. Выжгли все напалмом. Ничего не осталось – только зияющая дыра вместо сердца. События сегодняшнего утра стали конечной точкой. Хватит. Стоп. Я больше так не могу.

– Я знаю, что вы с Олегом были женаты, – сухо выговорила я.

– Да. Пей чай, вкусный, – кивнула на стоявшую передо мной чашку. Я только мельком глянула на неё и снова вернула взгляд на Ингу. Какой к черту чай?! Какой к черту чай, когда все... Когда все так?!

– Почему вы развелись? – выдавила, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнотворный ком.

– Зачем ты позвонила мне, Яна? – задала встречный во-

прос Инга. Взяла свою чашку в руки, сделала глоток и, только поставив обратно на стол, продолжила: – Хотя, зачем я спрашиваю. Все очевидно.

– Что Вам очевидно? – огрызнулась я, однако на Ингу это не подействовало. Наоборот, она лишь снисходительно улыбнулась, что в данной ситуации выбешивало меня еще сильнее.

– У тебя были отношения с Олегом, он говорил, что любит тебя, а потом... – хмыкнула и продолжила: – А потом он бежал к Лене Селезнёвой, и всего его слова оказались лишь пылью. Яна, мой бывший муж трахал свою спортсменку.

– Что их связывает? – проглотив ком, спросила я. – Почему она... – не договорив, я рвано выдохнула и закрыла лицо ладонями. Перед глазами стояла та сука в его рубашке. Довольная произведенным на меня эффектом, она усмехалась, тогда как я, стоя в дверях квартиры Олега сегодня, ощущала себя облитой помоями. Она была в его рубашке, она была в его доме, и она...

– Что тебе нужно, Абрамова? – спросила Лена.

Я представляла как-то, что Селезнева может появиться на пороге квартиры Олега. Что именно я открою дверь, когда она позвонит. И именно я надену рубашку Олега на голое тело и буду стоять и победно улыбаться. «Что тебе нужно, Селезнева?», – это должен был быть мой вопрос. Но все перевернулось вот как...

– Где Олег? – не опуская взгляда, спросила я, пытаюсь сохранять спокойствие и не наброситься на эту дрянь, испортившую мне жизнь!

– Поехал в Центр. Проходи, – она отошла, давая мне возможность войти в квартиру. Она. Разрешала мне пройти. В квартиру, где я живу. Жила. Видимо, уже точно жила. Олег... за что ты так со мной?! Что это? Изощренная месть? Но за что? И почему так коварно?!

– Я заберу свои вещи и уйду, – я шагнула в прихожую, стянула куртку, повесила, затем принялась за ботинки. Пальцы не слушались и молнию я смогла расстегнуть только с третьей попытки, едва не оторвав собачку.

– Как хочешь, – как ни в чем не бывало ответила Лена и захлопнула дверь. – Я буду в своей комнате, если что, – сказала она и прежде, чем до меня дошел смысл её слов, потянула за ручку той самой запертой двери. Та, легко поддавшись, открылась, и я увидела комнату, выполненную в бледно-розовых тонах. Светлые занавески, кровать из белого дерева. Совершенно неподходящий этой квартире интерьер. Я против воли сделала шаг к двери. Селезнева зашла и уселась с ногами на постель. Будто бы не замечая меня, взяла ноутбук, положила на колени и принялась что-то рассматривать. Будто бы. Но она следила за каждым моим движением – я точно знала это. Следила и оценивала мою реакцию.

Её комната... У неё есть комната в квартире Олега. Я будто бы маньяк рассматривала спальню, цепляясь взглядом за

любую мелочь – статуэтка Эйфелевой башни на полке, крупная белая свеча рядом, какие-то безделушки и... фотографии. Не спрашивая разрешения, я уверенно вошла в комнату и схватила фото. Лена и Олег. Другая... Лена и Олег. Улыбающаяся Лена и Олег. Олег, Олег, Лена... Господи... Поставив на место рамку, я резко повернулась к кровати и наткнулась на насмешливый взгляд Селезневой. С лица её сползла напускная приветливость и теперь весь её вид выдавал презрение и превосходство. Она снова победила меня. Только теперь не просто оставила позади, она меня растоптала. Или я сама себя растоптала – я уже плохо понимала, что происходит... У неё есть комната в квартире Олега, она здесь хозяйка, а я словно разбившая дорожку вазу горничная, которую теперь выгонят в зашей.

– Убедилась? – заговорила Селезнева.

– В чем? – спросила я севшим голосом.

– В том, что ты никто в его жизни, Яна, – улыбка её стала ядовитой. Я же улыбнулась в ответ. Её слова кололи меня, резали, пускали кровь, а я... я улыбалась. Рыдать перед этой сукой я себе позволить просто не могла.

– Это мы еще посмотрим.

– А что тут смотреть? – она обвела комнату взглядом и вновь остановилась на мне. – Тебе не понятно разве? Хотя ты всегда была тупенькой, – хмыкнула она, я стиснула зубы, чтобы не врезать ей. – Мы с Олегом любим друг друга, Ян. Он всегда, всегда будет выбирать меня, почему ты никак

не можешь понять это? Мне казалось, я тебе столько раз наглядно показывала, а ты... – она вздохнула и сокрушительно покачала головой. – Забирай свои вещи и вали, – взгляд её изменился, она смотрела на меня с убийственным презрением, граничащим с ненавистью. Куда же я ввязалась... Куда Олег меня втянул? – Вали, я сказала! – рывкнула она, полоснув каким-то совершенно одержимым взглядом.

– Пошла ты! – процедила я и вылетела из комнаты.

– Он всегда вернется ко мне, Абрамова! Всегда так было и будет! – донеслось мне в спину, когда я обувалась в прихожей. Плевать на вещи! Не хочу ни единого мгновения оставаться тут...

«Он всегда вернется ко мне, Абрамова»... У меня больше не осталось сомнений в том, что это действительно будет так.

– Почему она всегда для него важнее других? – закончила за меня Инга. – Потому что это Олег Коршунов, Яна. То, что ты видишь – всего лишь образ. Все, что он говорит, что делает – не более, чем способ поддерживать статус влиятельного человека. Ты же видела комнату? – она посмотрела на меня, задержалась на фингале под глазом и улыбнулась: – Видела. Потому и пришла.

Я ничего не сказала. Опустила взгляд и поджала губы. Теперь уже я и сама не знала, зачем позвонила Александровской. Влюбленная девочка во мне твердила, чтобы я бежала отсюда и поговорила с Олегом. Но... Сколько можно разго-

варивать? Он просил два дня... У меня нет этих двух дней! Если Коршунов меня с грязью смешивает...

– Я хочу дать интервью, – холодно выговорила я. – Врать я не буду и наговаривать, – тоже.

– Он принуждал тебя к отношениям? – со всей серьезностью спросила Инга.

– Он не дал мне возможности отказаться, – выдавила я и наконец сделала глоток чая, оказавшимся едва теплым и горьким. Как раз для моего утопающего в горечи сердца. – Включайте диктофон, – выговорила я, и уверенно посмотрела на Александровскую.

Глава 30

В последующие два дня в Центре Коршунова я не появлялась. Съехала я и от Альки под предлогом, что не хочу ей надоедать, однако на самом деле мне просто не хотелось никого видеть. Ермакова скорее всего это поняла и отговаривать меня не стала. Я сняла номер в гостинице, и оба дня не вылезала из постели, пытаюсь переварить все, что я сделала, что сделал Олег, что вообще происходит в моей жизни, и куда она катится. Через полторы недели у меня второй этап Гран-при, мне нужно тренироваться, но я не могла представить, что снова увижу Олега. Правда увидеть его мне все равно однажды придется, хотя бы для того, чтобы забрать свои вещи. Да и после, когда я найду нового тренера, мы будем пересекаться. Но это в будущем. Сейчас же я не смогла бы на-

ходить с ним рядом и очень надеялась, что когда-нибудь меня отпустит. Что когда-нибудь все пройдет, забудется, не будет причинять ломающей меня боли.

На следующий после нашей встречи день Инга написала смс, что интервью готово и предложила скинуть для утверждения, однако я отказала. Не могу перечитывать то, что, вполне возможно, станет причиной краха карьеры Олега.

Кстати об Олеге. Он звонил, писал, потом снова звонил, а после... после я добавила его номер в черный список. Он подключил другой и не оставлял попыток связаться со мной, писал, что хочет мне обо всем рассказать, но для этого нам нужно встретиться. Но я все для себя уже решила. Игнорировала его звонки и смс.

А потом наступил день, когда было опубликовано мое интервью. И звонки затихли. В этот день я наконец вытащила себя из постели, заставила привести в порядок и нормально поесть. В ванной уставилась на собственное отражение... Когда-то я считала себя некрасивой? Нет, тогда я была ошеломляющей красоткой по сравнению с тем чудовищем, которое смотрело на меня сквозь зеркало в тот момент. И я ненавидела Олега за то, что он со мной сотворил. И себя за то, что позволила сделать со мной такое.

Ко мне вдруг пришло осознание, что дальше так продолжаться не может. Мне нужно было найти если не тренера, то хотя бы лед, чтобы иметь возможность тренироваться. Я не позволю самой себе погresti свою карьеру. У меня есть еще

один этап Гран-при и возможность выйти в финал. За ним чемпионат России, где меня будет ждать главное сражение за продолжение сезона и поездку на Европу и Мир.

С таким настроем я отправилась в Федерацию. Понимала, что написать заявление на смену тренера в середине сезона мне никто не позволит, но не дать мне возможность тренироваться они не имеют права.

Николай Сергеевич Паршин, президент Федерации фигурного катания на коньках России встретил меня не приветливо. Средних лет, в очках, он выглядел гораздо старше своих лет. Мне он всегда казался жестким, но справедливым, я его, признаться, всегда побаивалась, но сегодня... Сегодня я пришла к нему бороться за свое будущее и мне было плевать, как он относится ко мне. Я – фигуристка сборной России и...

– Садись, Абрамова, – кивнул президент на стул напротив его стола, перед этим мрачно окинув меня взглядом.

Я покорно присела, положила руки на колени и, вздохнув, твердо произнесла:

– Я хочу, чтобы Вы помогли мне найти нового тренера.

– А чем старый тебе не угодил? – насмешливо вскинул бровь Паршин.

Я выразительно глянула на него и покачала головой:

– Я считаю, что Олег Коршунов пользуется своим положением. Думаю, Вы уже прочли мое интервью.

– Прочел, Абрамова... Прочел, – вздохнув, он снял очки,

потер их о рукав пиджака и снова посмотрел на меня. – И могу сказать, что ты только что закопала единственного человека, который верил в тебя.

– О чем Вы?

– Думаешь, Лапышева просто так тебя из группы выгнала?

– Она меня не выгоняла, я сама... сама ушла, – возразила я, однако, наткнувшись на предупредительный взгляд президента, нахмурила брови и опустила голову.

Что он такое говорит? В груди неприятно заныло, стало душно, я втянула в легкие побольше воздуха и непонимающе покачала головой.

– Что? – спросил Паршин без тени улыбки. – Нина Лапышева собиралась тебя из группы отчислить, Яна, о чем на собрании тренеров в открытую заявила, а Коршунов изъявил желание с тобой поработать. То, что ты считаешь, будто бы сама ушла от неё – исключительно заслуга Олега Евгеньевича. Которого ты растоптала несколько в своем интервью.

Я сидела, будто оглушенная, не в силах поверить в услышанное. Как такое может быть?! Лапышева... отчисление... Олег... Олег... Моя убежденность в том, что он нагло влез в мою жизнь, таяла, оставляя вместо себя болезненное понимание, что он всего лишь пытался меня спасти. Глупую Яну Абрамову, которая никому была не нужна, только ему! Только ему, черт возьми! Он пытался сделать из меня фигуристку, настоящую спортсменку, которая может добиваться

успеха. А я...

– Поздно слезы лить, – произнес президент, по всей видимости заметив, как заблестели мои глаза. – Ни один тренер тебя не возьмет, а уж тем более после всего, что ты натворила.

– Что я натворила?! – слезы потекли из глаз с такой силой, что я уже не могла их остановить. Вскочив, я взмахнула руками и воскликнула: – Вы же не знаете ничего! Я ни единого слова неправды не сказала! Он не оставил мне выбора! Откуда я могла знать, что именно это и было моим спасением?! Мне никто не удосужился рассказать, Николай Сергеевич!

– Успокойся, Абрамова! – рявкнул он. – Это уже не моего ума дело. Ваши отношения с Коршуновым – исключительно ваши, и ты не имела права выносить сор из избы! Теперь репутация Олега под угрозой, а ты можешь смело вешать коньки на гвоздь! Ни о каком тренере и не мечтай.

– Мне нужно где-то тренироваться! – выпалила я.

– В торговом центре на катке тренируйся, – гневно выдохнул президент. – Иди, Яна! Мне больше нечего тебе сказать!

– Вы не имеете права, я в сборной, я... – безуспешно пыталась достучаться до него. Понимала, видела в его глазах, он мне не поможет. Я осталась одна. Наедине со знанием того, что я не только карьеру Олега своим поступком разрушила, я и свою превратила в пепел.

Больше ни слова не говоря, я вышла из кабинета и, всхлипывая, пошла по коридору. Мне казалось, проходящие мимо

меня работники Федерации были уже в курсе случившегося и смотрели мне в спину с укором.

– Какие отношения связывают тебя и Олега Коршунова, Яна?

– Я живу в его квартире.

– И все?

– Нас связывают более тесные отношения, чем должны быть между тренером и фигуристкой.

– Он принуждал тебя к отношениям?

– Он не оставил мне выбора. Либо я сплю с ним, либо уйду из его Центра подготовки.

– А что ты знаешь о его отношениях с Еленой Селезневой?

– У неё есть своя комната в его квартире. Наверное, он её любит.

– Наверное?

– Любит. Разве можно Лёну Селезеву не любить?

Разве можно Лёну не любить?! Разве можно не любить?! Мне хотелось провалиться под землю, раствориться в воздухе, исчезнуть... Я ведь никто. Никто, и навсегда останусь никем. Одна из многих... Хотя теперь, наверное, меня запомнят, как ту, которая дала скандальное интервью о собственном тренере. Том самом, который заставил её поверить в то, что она не ничтожество и может чего-то добиться.

Не поднимая головы, я дошла до турникетов перед выходом, ладошками вытерла слезы, все льющиеся и льющиеся и спешно выбралась на улицу. Мне хотелось вдохнуть воздуха, будто бы это спасет меня от гибели. Но, стоило мне посмотреть перед собой, как поняла – мне уже ничто не поможет. Дежавю. Бесконечные дежавю. Олег Коршунов стоял в нескольких метрах от меня, оперевшись о капот своего автомобиля, и сверлил меня мрачным взглядом.

Перед смертью не надыхаться. Я, грустно улыбнувшись, шагнула к нему. Оказавшись рядом, подняла голову и заглянула ему в глаза. Наверное, стоило что-то произнести, но я не могла и слова вымолвить, а Олег продолжал смотреть на меня молча, возвышаясь надо мной, заполняя собой мои легкие, проникая в меня взглядом, в котором кроме льда и тьмы не осталось ни-че-го.

Глава 31

– Садись в машину, – коротко выговорил Олег.

Я нашла в себе силы не отвести взгляда и отрицательно покачала головой. Однако разговаривать со мной, по всей видимости он намерен не был. Ухватив за плечо, подтащил меня к машине и запихал на пассажирское сиденье. Хлопнул дверцей с такой силой, что я вздрогнула, а спустя пару мгновений уселся за руль и резко дернул машину с места.

– Олег... – было начала я, хотя сама толком не понимала, что хочу сказать. В мыслях каша какая-то.

– Лучше молчи, – оборвал он меня, не поворачивая головы.

Лучше всего было бы, если б Олег становился, и я смогла выйти. Я не была готова к разговору, не была готова увидеть его, я...

– Мне нужно было два дня, Яна! – процедил он. – Два дня, чтобы...

– Чтобы что?! – горячо воскликнула я. – Что ты собирался улаживать, Олег, с Селезневой?! Что?! – закричала, теряя самообладание. – Едва ты отвез меня к Але в тот день, как тут же поехал за ней и потащил в свою квартиру!

Он посмотрел на меня недоверчиво.

– А ты думал, я не знаю?! Твоя Леночка скинула мне фотографию из машины. А на следующее утро я пришла к тебе домой, и она встретила меня в твоей рубашке. Что? Она и этого тебе не рассказала? Не похвасталась, как избавилась от тупицы Яночки?! И комнату свою мне показала! Комнату в твоей квартире, Олег! Какие еще мне нужны доказательства?

Лицо его потемнело, на скулах заходили желваки. Сжав руль крепче, он вдарил по газам.

– Останови машину и выпусти меня! – тоже разозлилась я.

– Просто заткнись, Яна, – кинул на меня гневный взгляд Олег и снова уставился на дорогу.

Я не знала, куда он меня везет, и спрашивать не хотела. Ничего не хотела. Однако спустя пятнадцать минут поняла, что едем мы к нему домой.

Удивленно вскинула брови и насмешливо осведомилась:

– А твоя любовница уже съехала?

– Если ты не замолчишь, я тебе сам рот заткну, – отозвался Олег, и мне почему-то стало ясно, что он действительно это сделает.

Припарковав машину у дома, мы выбрались на улицу. Я осмотрела Олега настороженно. Он же, подойдя, взгляделся в мое лицо пристально. Ощутила его запах и едва держалась, чтобы не шагнуть к нему вплотную. Хотелось хоть на мгновение забыться и вернуть все туда, где было, оказывается, все так просто... У меня была к нему куча вопросов, и первый из них – зачем он взял меня в группу. Зачем подстроил так, что я оказалась в его постели, если я для него ничего не значу?

– Пойдем, – выговорил он. Поджав губы, ухватил меня за руку и повел к подъезду.

– А она что тут делает?! – едва мы оказались в прихожей, из комнаты вылетела Селезнёва. Благо, не в одной рубашке, а в пижамных штанах и майке. Спасибо и на том. Я молча сверлила её взглядом, Лена сделала то же самое. Олег же, не ответив Селезневой, спокойно разулся, снял и повесил куртку на вешалку и лишь потом, посмотрев сначала на меня, потом на Лену, выговорил:

– А теперь мы поговорим.

– Не буду я с ней и о чем говорить! – возмутилась Лена, и я в этот момент была с ней солидарна. О чем и поспешила

уведомить Коршунова:

– Если ты притащил меня сюда для того, чтобы я еще раз выслушала всё то, что она мне наговорила, я...

– Молчать! – рявкнул Олег. – Ты выслушаешь Лену, Яна! А ты, – сверкнул взглядом на Селезневу, – расскажешь ей как есть на самом деле.

– Не буду я ей ничего говорить! – вскинула голову Лена. – Раз ты без этой дуры жить не можешь, сам ей все и рассказывай.

Она сделала попытку скрыться в комнате, однако Олег, грубо схватив её, дернул в сторону кухни. Селезнева зашипела и попыталась вывернуться, однако Коршунов этого будто бы не замечал. Обернулся на меня и сказал:

– Раздевайся и на кухню, – таким тоном, что я даже не подумала перечить.

Черт знает, что происходит. Я ни хрена не понимала. Зачем Олег притащил меня сюда, что хочет, чтобы мне рассказала Лена... Хотелось застонать в голос и биться головой о стену, но я лишь кивнула ему и начала стягивать куртку.

Пока разувалась, слышала приглушенный голос Олега. Понизив голос, он что-то выговаривал Лене, та же – молчала. Даже удивительно...

– Садись, – когда я вошла, Олег, надавив мне на плечи, усадил на табурет напротив Лены.

– А теперь говори, – обратился к Селезневой.

Она молча накупила. Олег зло глянул на неё и угрожа-

юще заговорил:

– Мне надоели твои концерты. Я не позволю тебе рушить мою жизнь, Лена.

– Эта идиотка и без того её уже разрушила! – воскликнула Селезнева, полоснув меня ненавидящим взглядом.

– Лена! – предупреждающе прогремыхал Олег, и на мое удивление Селезнева заткнулась.

Я внимательно наблюдала за ней. Она опустила взгляд на ладони, лежащие на поверхности стола, затем сжала в кулаки и наконец посмотрела на меня.

– Я соврала тебе, – выговорила она. – У нас никогда не было отношений.

– Тогда что она делает в твоей квартире? – посмотрела я на Олега.

– Потому что она моя дочь, Яна, – сказал он так буднично, что я поначалу не поняла, что именно он сказал. А когда до меня начал доходить смысл его слов, резко подскочила на ноги и замотала головой, неверяще глядя то на Олега, то на Лену. Искала в их лицах, во взглядах хоть намек на насмешку, но даже Селезнева смотрела на меня с каком-то убийственным спокойствием и серьезностью. Дочь... Лена – дочь Олега...

– Но как? – выпалила я.

– Мои папочка с мамочкой в юности были очень нетерпеливыми, – криво усмехнулась Лена. – Да, папочка? – посмотрела на Олега с вызовом. – Это все, что ты хотел, чтобы

я рассказала твоей любимой Яне?

– Нет, не все, – ледяным тоном выговорил Олег и посмотрел на неё так жестко, как никогда не смотрел на меня даже после самого крупного моего косяка...

– Я специально провоцировала тебя, Абрамова, – нехотя сказала Лена. Весь её вид говорил о том, как я ей противна. Что же – это у нас взаимно.

– Теперь все? – подняла взгляд на Олега.

– Можешь идти в свою комнату, – процедил он отстраненно.

Селезнева тут же встала и вышла из кухни.

Оставшись наедине с Олегом, я не находила в себе силы посмотреть ему в глаза. Дочь... Как меня угораздило в это вляпаться?!

– Теперь мы можем поговорить? – он оказался позади меня, положил ладони мне на плечи.

– Только не здесь, – через силу выдавила я.

Выдохнув, он убрал руки и направился к выходу. В дверном проеме остановился, повернулся.

– Я надеюсь, ты успела сделать все глупости, на которые способна, Яна?

Я промолчала, тяжело сглотнула и просто кивнула.

– Поехали.

Я снова не спросила куда. Впрочем, это было неважно. Меня ожидал самый тяжелый разговор в жизни, от которого зависела моя дальнейшая судьба. И какая разница, где он

произойдет? Ну разве что не в квартире, где за стенкой – эта Селезнёва.

Глава 32

– Что это за квартира? – спросила я, когда Олег включил свет в прихожей, а после запер входную дверь.

– Я купил её для Лены, – коротко ответил он.

Затем разделся и прошел по коридору. Я тоже, быстро разувшись и стянув куртку, проследовала за ним.

Судя по всему, ремонт в квартире был сделан недавно – все еще пахло обойным клеем и краской. Мы оказались в довольно просторной кухне в светлых тонах. По всей видимости квартира была однокомнатной, но довольно просторной, судя по размерам коридора и кухни.

Всю дорогу до квартиры мы молчали. Олег вел машину с видимым спокойствием, а я пыталась переварить полученную сегодня информацию. Сейчас же... Сейчас я, присев на край кухонного диванчика, устало выдохнула и взглянула на Олега. Он стоял у окна ко мне спиной, засунув руки в карманы брюк. И вроде бы вот он, совсем рядом, в паре шагов, но я не ощущала его. Он был далеко... Так далеко, что мне начало казаться, что расстояние между нами уже не сократить.

– Прости меня за интервью, – выпалила наконец я. Я собиралась с духом всю дорогу, чтобы сказать это.

Он повернулся и пристально посмотрел мне в глаза. Вопреки моему представлению, в его взгляде не было злости

или ненависти. Скорее смертельная усталость. Мне сильно захотелось подойти к нему и обнять. Но, само собой, я этого не сделала – будто каменное изваяние продолжала сидеть, не двигаясь с места. Нужны ему мои объятия...

– Ты же должна была понимать, чем это грозило, – серьезно выговорил Олег. – И не мне, тебе в первую очередь. Ян, ну мозг-то хоть иногда надо включать!

– Прости, Олег! Но я... – я замолкла, опустила голову и поджала губы. Что ему мои слова? Разве мои чувства в тот момент, когда я застала Лену в его квартире, важны для него? – Что такого в том, что Селезнева – твоя дочь?! – выдохнула я. – Почему нужно делать из этого великую тайну, Олег?! Разве ты не видел, что со мной происходит? Я же думала... Я думала, ты играешь со мной. Мне было больно! Ты это хоть понимаешь?! – слова вырывались из меня, неподконтрольные разуму. Мне хотелось высказать ему сразу все, все свои противоречивые чувства, свою боль, чтобы он понял, как сильно меня задевали его тайны, и почему я так поступила!

– Теперь понимаю, – он приблизился. Я задрала голову, нашла его взгляд.

– Если я по твоему мнению была недостойна знать правду, то сейчас зачем ты мне признался?

– Ты не оставила мне выбора, – уголок его рта дернулся в усмешке. – Если хочешь меня выслушать, то я расскажу.

– А это что-то изменит?

– Не знаю, – Олег отошел и опустился на стул. – Если честно, я устал скрывать мою связь с Леной.

– Почему все думают, что она была твоей любовницей? – спросила я, по привычке даже не надеясь на то, что он ответит, однако он разрушил мои ожидания. Едва заметно склонив голову на бок, провел рукой по волосам, и вернул ладонь на стол.

– Поверь, это гораздо лучше, чем правда, – обреченно вздохнул он. – Ты готова выслушать?

– Готова, – с готовностью кивнула я.

Он помолчал несколько мгновений, все не отрывая от меня глаз. Мне было страшно от того, что я могу услышать, но я понимала, что ему это нужно. И мне нужно выслушать его. И уже после мы вернемся к нашим отношениям. Без оглядок на прошлое.

– Наверное, ты видела фотографию в гостиной, – наконец, начал Олег. Я снова кивнула. – Наши с Дашкой родители всегда были дружны. Мы с детства проводили так много времени вместе, что были будто единое целое. Я и Даша... – на губах его заиграла печальная улыбка. – Мне было шестнадцать, ей четырнадцать, когда мы... когда она забеременела. Я виноват, и себя не оправдываю. Родители были в ужасе, но на аборт, к нашему удивлению, её не отправили. Они сказали нам, что обязательно что-нибудь придумают, – Олег усмехнулся, и в усмешке этой затаилась тьма. – И придумали. Когда ребенок родился, они подделали документы, и ма-

терью Лены стала мама Даши.

– То есть Даша по документам стала сестрой Лены? – уточнила я, хотя все прекрасно понимала.

– Да, – моргнул Олег. – Потом они забрали Дашу, Лену и уехали в Америку. А мои родители взяли с меня клятву, что я не буду искать встречи с ними.

– Но почему? Почему они так поступили? – потрясенно выдохнула я.

– Они думали, что так для нас обоих будет лучше. И мои родители настолько вбили мне в голову, что все это – неправильно и разрушит мою жизнь, что я и сам начал в это верить. С головой окунулся в спорт, начал добиваться серьезных результатов, не вспоминая о том, что где-то у меня есть дочь. Я даже не знал, что спустя три года после переезда в Штаты Даша окончила жизнь самоубийством, – Олег говорил ровно, и вроде бы на первый взгляд безэмоционально, но глаза его были полны горечи. И от этого мне тоже было больно. – Никто мне не сказал, а я не удосужился поинтересоваться. Только несколько лет назад ко мне на просмотр приехала девочка. Одна, без родителей, категорично заявила, что хочет тренироваться у меня и только у меня. А на мой вопрос, почему именно я, ответила: «потому что Вы – мой отец». Позже я узнал, что мама Даши не удержала секрет и рассказала Лене правду. А та приехала в Россию и пожелала остаться со мной.

– Я... Я даже не знаю, что сказать, – выговорила я. – Лена

ревновала тебя к жене?

– Да.

– А теперь ко мне, – утвердительно мотнула головой.

– У Лены психическое расстройство. Даша перерезала себе вены, заперевшись с маленькой Леной в ванной. И пока не пришли родители, малышка сидела и смотрела, как истекает кровью Даша. Это отложилось. К тому же в детстве у неё был синдром дефицита внимания, ей провели курс терапии, но все равно она не совсем нормальный человек, Яна.

– Ты считаешь её сумасшедшей?

– Нет, конечно, нет, но... У неё что-то вроде навязчивой идеи. Она не желает видеть рядом со мной кого-то, кроме себя. Узнав о наших с тобой отношениях, она грозилась встретиться с тобой и что-нибудь сделать, если я тебя не брошу. Это прокатило с Ингой. Но не с тобой.

– Инга тоже не знает правду?

– Нет, – усмехнулся он. – Она свято верит, что Лена была моей любовницей, а я не видел смысла её разубеждать.

– А я?

– А ты... – Олег шумно выдохнул, потер лицо ладонями, а потом продолжил, снова посмотрев на меня: – Я не должен был впутывать тебя в эту историю. Я прекрасно понимал, что, начав отношения с девушкой, которая даже младше моей дочери, той это, мягко скажем, придется не по душе. Но я влюбился в тебя, Ян. Я видел только тебя, и когда Лапышева заявила, что исключает тебя из группы, не смог оставить.

Хотя знал, надолго меня не хватит рядом с тобой.

– Я такая никчемная, что меня никто не хотел брать, – едва слышно произнесла я.

– Ты дурная, Яна, – улыбнулся Олег. – Ты импульсивная, и это твоя самая главная проблема. Я не держу на тебя зла за интервью. Инга мечтала отомстить, разрушить мою карьеру, показать, на что способна брошенная женщина. Ты – лишь средство достижения её цели, и я сам толкнул тебя в её лапы. Я так же недооценил Лену, и её желание отделаться от тебя.

– А зачем были нужны эти два дня, я не понимаю... Разве они что-то могли изменить?

– Я хотел поговорить с Леной еще раз. Слетать в Америку и попытаться достучаться до неё, но она...

– Она приехала сама.

– Да.

Я опустила голову, не в силах выдержать взгляд Олега. Он только что обнажил свою душу, и у меня не было сомнений в правдивости каждого его слова. Он хотел уберечь меня. Всегда и во всем. И пусть иногда его методы были мне непонятны, Олег Коршунов был единственным человеком, за исключением бабушки, которому было не все равно на Яну Абрамову.

– Ты любишь её? – спросила я, хотя знала ответ наперед.

– Конечно, люблю, она моя дочь, – подтвердил Олег. – Но тебя я люблю гораздо сильнее, Яна.

– Только не знаю за что, – всхлипнула я.

– А разве любят за что-то?

Прижав ладошку ко рту, я замотала головой и моргнула. Слезы покатались из глаз.

– Хватит реветь, – Олег поднялся и подошел ко мне, не спрашивая разрешения, привлек меня к себе, прижал, коснулся губами моей макушки, а я продолжала плакать, не в силах остановиться. На меня накатила какая-то дичайшая пустота, я и осознавала все, что только что узнала, и одновременно с тем – нет. Обхватив Олега за поясницу, я уткнулась щекой ему в область живота и просипела:

– Прости меня, Олег. Что теперь делать? Я готова дать опровержение. Скажу, что я приревновала, что я... я не знаю... Что я могу сказать?

– В твоём положении лучше молчать, – не выпуская меня из объятий, выговорил он. – Я давно понимал, что пора рассказать правду. Но меня умоляла этого не делать бабушка Лены. Ведь эту историю во всех подробностях вытащат журналисты. Узнают обо всем, что произошло, это слишком громкое событие, чтобы оставить его без внимания. Я хотел рассказать тебе со временем, но Лена своими действиями ускорила этот процесс.

Я ничего не ответила. Выбралась из рук Олега. Он сделал шаг назад, давая мне возможность подняться. Я вытерла слезы и заглянула ему в глаза. Несмотря на его слова о том, что он не винит меня, я не могла избавиться от отвратительного ощущения предательства. Несмотря на то, что сердце

мое переполняет любовь к этому человеку, я не знала, как дальше смогу смотреть ему в глаза. Я его недостойна – это я понимала, как никогда ясно.

Наверное, Олег прочитал мои мысли, потому что как-то странно улыбнулся и выговорил:

– Поживи пока в этой квартире. Я привезу твои вещи. И жду завтра в Центре.

– Зачем?

– Как зачем? – нахмурил брови он, снова представая передо мной в образе властного жесткого тренера, не терпящего пререканий. – У тебя этап Гран-при через неделю.

– Думаешь, что-то можно еще исправить? – я, если честно, уже не верила.

– Ты должна бороться, Яна. А за все совершенные глупости должна следовать адекватная плата.

– Плата за интервью? – уныло хмыкнула я. – Разве что завершить карьеру. Вполне себе адекватная плата за подмоченную репутацию собственного тренера.

– Завершишь карьеру, и навсегда останешься той, что дала скандальное интервью о своем тренере, – выговорил Олег, проникая в меня уверенным, монолитным взглядом. Взглядом, в котором было столько силы, что какая-то её часть передавалась и мне. – Я не позволю тебе этого сделать, – он повернулся и вышел из кухни. Я пошла следом. Остановилась в нескольких шагах от него, желая, но не решаясь коснуться.

– Жду тебя завтра на катке, – обувшись, Коршунов снял

с вешалки куртку и только тогда снова посмотрел на меня.

Я молча кивнула. Он прав. Проще сбежать, гораздо сложнее выходить на лед и бороться, бороться в тот момент, когда на тебя с осуждением смотрят десятки, сотни, тысячи. И я постараюсь с этим справиться. Не ради себя, так ради него. Потому что за все в этой жизни приходится платить.

Глава 33

Олег

Как-то Яна сказала мне, что я будто охотник, загоняющий свою добычу. Она ошибалась. Я – та самая загнанная в угол добыча. А она против воли оказалась охотником. Тем человеком, который прижал меня к стенке, тем, что проникла в меня с воздухом, та, что заставила вновь чувствовать и ощущать себя живым. Сделала то, что, как мне казалось, уже не под силу ни одной женщине. Я прятался в образе циничного самовлюбленного спортсмена, после – тренера. А эта рыжая девчонка, едва бросив на меня мимолетный взгляд, зацепила так, что не думать о ней я уже не мог.

Ни тогда, ни сейчас.

Я стоял у борта и, не отрываясь следил за каждым движением Яны на льду. Приседал вместе с ей на вращениях, казалось, вместе с ней крутил обороты в прыжках, вместе приземлялся. А дорожка шагов... её я точно прокатал синхронно с Янкой. Наверное, со стороны я смотрелся весьма смешно – образ холодного и расчетливого тренера Олега Коршу-

нова резко диссонировал с тем, что видели сейчас присутствующие на финале Гран-при в итальянском Турине. Но спокойно смотреть, как катается Яна, я не мог.

Едва завершилась музыка, и моя девочка закончила прокат, исполнив наконец свой четверной и помимо него все остальное идеально чисто, я вскинул руки и тут же поймал её ошеломленный взгляд. Она не верила, что сделала, не осознавала до конца, однако я осознавал. Вместе с многотысячным, взорвавшимся аплодисментами стадионом, аплодировал ей и я, признавая её талант.

Она поклонилась зрителям и покатила к борту, обеими ладошками обхватив собственное лицо. Улыбалась и не переставая ловила мой взгляд.

– Я горжусь тобой, – выговорил я, едва она вышла со льда и оказалась в моих объятиях. Тяжело дыша, она хваталась за мои плечи, а я чувствовал, как гулко бьётся её сердце. Вся она была горячая. Горячая и невероятно сексуальная в этом белом кружевном платье. Она считала себя некрасивой... Ну точно дурная.

Шумно вдохнув её запах, я прижал Яну к себе крепче и услышал тихое:

– Это ради тебя. Я каталась сегодня ради тебя, Олег.

Отстранив, я тут же накинул ей на плечи олимпийку и протянул чехлы. Погладил по спине. Она, запрокинув голову, смотрела на меня, немного растрепанная, но до безумия красивая. Не удержавшись, я завел выбившуюся из прически

рыжую прядку ей за ухо и кивнул в сторону «Kiss and Cry».

Мы уселись на диванчик. Не стесняясь, я привлек Яну к себе. Она положила голову мне на плечо и, улыбаясь, смотрела в экран, где вот-вот должны были появиться оценки. Я не сомневался в том, что Янка будет первой, но дал ей возможность самой осознать то, что она сотворила несколькими минутами ранее. И пусть говорит кому угодно, что каталась она сегодня для меня, для бабушки или для зрителей. Нет. Спортсмен всегда должен кататься ради себя. Для себя. Быть сильным ради себя. Потому что никто не способен оценить усилия, положенные на чашу успеха, кроме как ты сам. С таким настроем я всегда выходил на лед, тот же настрой я требую и со своих учеников. Так было и с Леной, но с Яной... с Яной все с самого начала шло наперекосяк. В момент, когда я сдался собственным чувствам и решил идти напролом, отвергая доводы разума, я обрек и себя, и её на жизнь в постоянном страхе. Я думал, что все учел, да как оказалось, совсем не знал ни Лену, ни Яну, не смог предугадать их поступки. Виноват во всем был я, поэтому какой смысл посыпать голову пеплом и обвинять их обеих в случившемся. Рано или поздно правда выплывала бы наружу. И лучше, что это случилось сейчас, а не, предположим, за несколько недель до Олимпийских игр.

– Яна Абрамова, Россия, за произвольную программу набирает сто пятьдесят семь целых и три сотые балла. Это первое место!

Янка дернулась и, закрыв ладонями лицо, громко заплакала. Я бы мог сказать ей, в тысяча первый раз «не реви!», но это был как раз тот самый момент, когда она должна осознать, что она – первая. Её должно накрыть эмоциями. Слезы – это слезы победы.

Она громко всхлипнула и снова нырнула в мои объятия. Прижалась ко мне всем телом, обняла за шею и прошептала:
– Спасибо тебе, Олег, спасибо.

Я хотел сказать ей, чтобы не расслаблялась и не обольщалась, что это лишь первая серьезная ступень в нынешнем сезоне, да в общем-то и во всей её карьере, что впереди чемпионат России и почивать на лаврах я ей не дам, но... вместо этого обнял её в ответ, коснулся губами её шеи и выдохнул:
– Будь счастлива, Яна.

Она тут же отстранилась и посмотрела мне в глаза с непониманием. Не поняла, что значили мои слова? Да я и сам толком не понимал, поэтому добавил:

– Поприветствуй зрителей. Давай же...

Кивнув, она послушно поднялась на ноги и, не скрывая слез и улыбки, помахала трибунам. Они любили её. Любили, несмотря ни на что, хотя тогда, чуть больше месяца назад перед этапом во Франции, она всерьез опасалась, что её закидают тухлыми помидорами после проката. Глупая. Несмотря на то, что я, совместно с Федерацией фигурного катания выпустил обращение, где честно рассказал, что Елена Селезнёва – моя дочь, Янка все равно боялась, что мне не поверят, и

моя репутация будет подмочена. Поэтому после второго места на этапе, на пресс-конференции призеров, призналась, что дала интервью Александровской на эмоциях и попросила у меня прощения. У меня и у всех болельщиков. На самом деле это было не важно для меня. Я давно оброс броней, еще в бытность действующим спортсменом, а вот Янка... за неё я переживал. Нам просто нужно это пережить. Немного времени, и мы справимся. Я знал это. Я дал ей возможность самой принимать решения. А она училась быть самостоятельной и взрослой.

Я стоял у борта, когда Яна вышла со льда после вручения медалей и фотосессии призеров финала Гран-при.

– У меня скулы уже болят улыбаться, – засмеялась она, забирая из моих рук чехлы.

– Привыкай, – усмехнулся я. Она нацепила на лезвия чехлы и, выпрямившись, посмотрела на меня. Взгляд её выражал радость, но я очень хорошо знал это выражение лица. Она снова чувствовала себя виноватой. Только теперь-то за что? – Что случилось?

– Они все равно криво смотрят на меня, – недовольно выдохнула она, натянула протянутую мной олимпийку, застегнула до самого горла и пошла вперед. Я проследовал за ней.

– Почему тебя это так волнует? – спросил я негромко. Мы прошли мимо журналистов, жаждущих взять интервью, но я жестом указал, что не время. Всю необходимую информа-

цию они смогут получить на пресс-конференции. Яна же, не обернувшись на мужчину, назвавшего её по имени, поспешила дальше по коридору к раздевалкам.

Перед дверью остановилась, вскинула голову и посмотрела на меня:

– Потому что мне важно, что обо мне думают другие люди.

– С каких это пор?

Она лишь неопределенно пожала плечами.

– Мне не нравится твое настроение, Яна, – выговорил я, прихватывая её за плечо. Подтянул к себе и, ухватив пальцами за подбородок, заставил посмотреть мне в глаза. – Что происходит?

– Ничего не происходит, просто я... – она закусила губу и рвано выдохнула.

– Что «ты»?

Она несколько мгновений смотрела на меня, не мигая, а после, убрав мою руку, качнула головой и, выговорив: – Встретимся позже, – скрылась в раздевалке.

Она была странной. И не только сейчас, в данную минуту, она словно находилась в прострации. Это не касалось тренировок, но после... после она уезжала домой на общественном транспорте, не давая мне даже шанса подвезти её. А я... я возвращался домой, где меня ждала Лена. Где с головой меня накрывало чувство тоски, когда утром я не видел рядом с собой мою рыжеволосую дурную девчонку. Я даже пред-

ставить себе не мог, как сильно, оказывается, можно тосковать по человеку, которого видишь ежедневно на тренировках. Который так близко, но так далеко...

По прилету в Москву я вновь предложил Яне отвезти её домой, однако она, перехватив в другую руку большой букет цветов, который ей вручили собравшиеся в зале прилета поклонники, качнула головой и заявила:

– Я уже вызвала такси, – она говорила спокойно, но, черт возьми, я видел в глубине её глаз затаившуюся грусть! Хотел подойти и обнять, но она, будто бы предугадав мои действия, сделала шаг назад. – Встретимся послезавтра в Центре, – быстро проговорила она и, подхватив чемодан, направилась в сторону остановившейся неподалеку желтой Ауди. Я нагнал её, вырвал из рук чемодан и сам повез к машине. Только когда загрузил его в багажник и придирчиво осмотрел таксиста, я открыл Яне заднюю дверцу и выговорил:

– Садись. Как доберешься, позвони.

Она застыла, будто бы не решаясь забраться в тёплый салон, и мне пришлось чуть подтолкнуть её свободной рукой в спину.

– Не забудь позвонить, Яна, – снова повторил я, когда она уселась и, дождавшись её кивка, захлопнул дверь.

Наблюдая за отъезжающим автомобилем, я думал о том, куда все летит. Давно ведь уже не к чертям, а гораздо дальше. Но почему-то ни я, ни она, не можем сделать первый шаг,

сесть и поговорить. Мне мешает собственное решение дать ей время, а ей... Я не знал, что её тревожит, но понимал одно – я люблю её. Люблю эту девочку, ставшую мне и спасением, и наказанием, и напоминанием. Ставшую моими мыслями, моими чувствами, моими желаниями. И что бы дальше нас ни ждало, это останется неизменным.

– Ты приехал! – едва я вошел в квартиру, приставил чемодан к стене, тут же увидел вынырнувшую из кухни Лену.

Она стояла, сжимая лопатку в кулаке и улыбалась.

– Я готовлю ужин. Мясо с овощами. Почти все готово, я...

– Прости, я не голоден, – сказал я, понимая, что, вполне вероятно, мои слова вызовут негативную реакцию, но единственное, чего мне хотелось – остаться одному.

– Хорошо, – вопреки моим ожиданиям, Лена согласно кивнула и снова скрылась на кухне.

Ничего больше не сказав, я подхватил чемодан и ушел в свою комнату.

Лена постучала спустя пять минут и, получив разрешение, произнесла, не проходя дальше порога:

– Я пойду погуляю.

– Поздно уже, и холодно, – сказал я.

– Я недолго, – поморщила она нос и снова на её лице заиграла улыбка. Я, тоже улыбнувшись, кивнул. В такие моменты она так дико напоминала Дашку, что сердце мое болезненно сжималось. Она моя дочь... Я до конца этого так

и не осознал. Яна спрашивала меня, люблю ли я её. Это, наверное, будет дико, но... в первую очередь я чувствовал, что обязан обеспечить ей нормальную жизнь. Я был ей должен за собственную трусость и за слабость её настоящей матери. А присутствовала ли в этой мешанине чувств любовь?.. Я не знал. Зато Лена знала. Я был в этом уверен.

Когда она ушла, я тут же получил смс от Яны. Она добралась до дома, и я, выдохнув, отправился в душ.

Глава 34

Лежа на постели, завернувшись в покрывало, как в кокон, я пыталась перестать думать об Олеге. Хотя бы минуту не вспоминать его. Минута... Это было выше моих сил. Я не знаю, как продержалась месяц, держась от него на расстоянии. А как дальше? Простить себя оказалось сложнее, чем я думала. Я честно пыталась быть сильной, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность... Но по вечерам, вот в такие моменты, когда я приезжала в чужую квартиру, так нестерпимо хотелось рвануть к нему, обнять и еще раз попросить прощения. Сказать, как сильно я его люблю и хочу быть с ним. Но каждый раз желания мои наткнулись на осознание того, что там, с ним, живет Лена, и она не захочет, чтобы я присутствовала в жизни Олега.

Я хотела, чтобы он гордился мной. Поэтому впахивала на тренировках за троих. Не обращала внимания на смешки за спиной, мне было все равно, что говорят обо мне, но... Я –

это неминуемо и мой тренер. Если будут говорить плохо обо мне, это коснется и его. Поэтому вела себя образцово. Это было несложно. Ни с кем не общаться, сосредоточиться на работе и постепенно шушуканья за спиной прекратятся.

Алька говорила, чтобы я не обращала внимания и просила поговорить с Олегом. Она много мне говорила в те редкие моменты встреч, когда после тренировки я была способна на нечто большее, чем доползти до постели и, уткнувшись в подушку, реветь полночи. Пару раз мы выбирались в кафе. Точнее, она практически силком вытаскивала меня и пыталась изо всех сил расшевелить. Но шевелиться мне не хотелось. От слова совсем... Я была плохим человеком, у которого был хороший тренер. И я очень сильно хотела, чтобы он был счастлив, пусть и не со мной.

Внезапный звонок в дверь заставил меня недовольно выдохнуть и посмотреть на часы. Я никого не ждала в десять вечера. Потому даже не попыталась встать с постели. Никто, кроме Олега и Альки не знал мой адрес, а они бы точно позвонили перед тем, как прийти. Но неожиданный гость, кажется, уходить не собирался: отрывистые звонки перетекли в сплошную неприятную трель. Укутавшись в покрывало, я вышла в прихожую и посмотрела в глазок. И какого же было мое удивление, когда за дверью увидела Селезневу! Господи, а ей-то что от меня понадобилось?! Пришла истерику закатывать? Так не трогаю я её папочку. Давно уже не трогаю и соблюдаю дистанцию, что ей еще нужно?!

Не хотела отпирать замок, но и Лена не оставляла попыток. Поэтому через пару минут я все же сдалась и, со вздохом открыв дверь, спросила:

– Что тебе от меня надо? – вышло, наверное, грубовато, но кто она мне такая, чтобы я с ней ласково разговаривала?! Пусть Олег с ней сюсюкается.

Лена вместо ответа усмехнулась и протянула мне бумажный высокий пакет.

Я, подтянув спадающее с плеча одеяло, недоверчиво взглянула сначала на Лену, потом на пакет, и снова на неё. И только потом поинтересовалась:

– И что это значит?

– Пакет перемирия, белый флаг... как хочешь понимай, – Лена всучила мне пакет, содержимое его звякнуло, и не успела я сообразить, что мне делать, Селезнева вошла в квартиру и заперла дверь.

– Отличное место, – осмотревшись, она размотала шарф и бросила его на полку. Затем сняла пуховик и только тогда окинула меня насмешливым взглядом: – Пожалуй, мне пора от папочки съезжать. Он же купил эту квартиру мне.

– Я знаю, – недовольно скривилась я и потащилась на кухню вместе с пакетом, в котором лежало две бутылки какого-то вина.

Что она, задобрить меня решила? Или напоить и выставить из дома? Мда, Яна... Не было проблем, лежала спокойно, покрывалась пылью, а тут на тебе, не вполне вменяемая

дочка бывшего нагрязнула. И, главное, непонятно, что от неё можно ожидать... Стало страшновато. Я поставила пакет на стол, сняла покрывало и кинула его на кухонный диванчик.

– И ремонт хороший, – я вздрогнула, услышав голов Лены практически у себя за спиной. Резко обернулась и уставилась на неё как на призрака. Если она меня убьёт, её ведь даже не посадят, признают невменяемой и в больницу отправят... Я пыталась не думать в таком ключе, но это плохо получалось. Лена присела за стол и снова посмотрела на меня. Балеринка...

– Ты меня боишься, – это было скорее утверждение. Я даже не стала возражать, просто промолчала, продолжая настороженно разглядывать её. – Меня все боятся, кто знает правду. Но я пришла не истерику закатывать, Абрамова.

– А зачем ты пришла? Посмотреть на свою квартиру? Выгнать меня? Что ты еще не сделала, что хотела в отношении меня, Селезнева? – не сдержавшись, воскликнула я.

– Ну на квартиру я давно хотела посмотреть, – ухмыльнулась Лена и кивнула на пакет. – Тащи штопор и бокалы.

– Я не буду пить. Тем более с тобой.

– Думаешь, я буйная? Абрамова, мы пересекались с тобой сотни раз, скажи, я хотела что-то с тобой сделать в такие моменты? – Лена поднялась, и сама подошла к шкафчику. Открыла створки и вытащила две кружки. – Я так понимаю, бокалов тут нет?

– Нет, – нехотя ответила я и полезла за штопором.

Когда я открыла бутылку и разлила по бокалам, Селезнева отсалютовала мне своим и сделала глоток.

– Сойдет, – нахмутив брови, сказала она и отставила бокал в сторону. Я невольно засмотрелась на неё. Эта складка меж бровей, нос, взгляд – все это было от Олега. И как же я раньше не видела очевидного? Волосы и хрупкое телосложение у неё по всей видимости были в мать, а в остальном...

– Олег знает, что ты здесь? – опустилась напротив неё на стул и тоже взяла свою кружку. Белая с желтыми цветочками... Я купила её в гипермаркете неподалеку на следующий же день, как Олег привез меня сюда. Две кружки, две тарелки, две вилки и две ложки... Все по два. Будто бы надеясь, что помимо меня в этой квартире будет еще кто-то... Тот, кого сама же держала на удалении от себя.

– Нет, – со вздохом глянула на меня Селезнева. – Сидит, наверное, в своей комнате и даже не вспоминает обо мне.

– Зря ты так. Он любит тебя.

– Он тебя любит, – выговорила она, и губы её тронула печальная улыбка. – А меня любит разве что бабушка.

– Он ради тебя на многое пошел, он... – наткнувшись на взгляд Лены, я замолчала. Сама была не уверена в собственных словах.

– Он просто чувствует вину, что когда-то не поборолся за мою настоящую мать и о моем существовании забыл. Но это нормально, я его не виню. Он не растил меня, с чего ему меня любить? – криво усмехнулась Лена. Глаза её наполнились

слезами. И я сама почувствовала, как глаза начинает пощипывать. Еще не хватало, чтобы я тут над её судьбой ревела. Нет уж! Я сделала большой глоток из кружки. Вино было приятное на вкус. Судя по всему, дорогое. Сделала еще один, потом еще. Напомнила себе, что пить мне нельзя и поспешила убрать из-под носа кружку.

– Ты же знаешь обо всем, – продолжила она. – Я просто хотела, чтобы он меня любил, чтобы его внимание было только мне. Все мне... Эгоистично, понимаю, – пожала плечами и допила остатки вина. С шумом поставила кружку на стол и потянулась к бутылке. Налила себе, не спрашивая, подлила и мне. Я следила за её действиями и думала о том, что в страшном сне мне не могло присниться, что я вместе с Селезневой буду напиваться на кухне, принадлежащей ей, квартиры. – Но ты же тоже хотела бы, чтобы он принадлежал лишь тебе?

Хотела. Хотела бы.

– Но он же не вещь, – все же возразила я.

Смотрела на Лену и понимала, что мы с ней, по сути, одинаковы. Да, я бы тоже ревновала Олега... Да что уж, я на протяжении этого месяца безрезультатно боролась с этим чувством. И проигрывала эту неравную борьбу раз за разом!.. Причем я тоже понимала, что Лена, которая рядом с ним, в его квартире – всего лишь его дочь и это нормально, это другие чувства. И все же...

– Я разрушила его брак с Ингой, – всхлипнув, она вытер-

ла слезы и, обхватив обеими руками кружку, выпила вино, а после продолжила, вгрызаясь в меня ледяным взглядом. Да, взгляд у них с Олегом одинаковый... – Я тогда желала одного – чтобы он был моим, и делала с ней то же, что и с тобой. Вот только... я недавно это поняла... За Ингу он так никогда не заступался. Ей он не рассказал правду и предпочел развод. Тебя же он не хотел терять. И я... – она говорила, а у меня тоже потекли слезы. – Я знаю, какого человеку, который думает, что никому не нужен. Он переживает, что не нужен тебе, Абрамова, – я зажмурилась и слезы капнули на мои ладони, лежащие на столе. Как это не нужен?! Как? Как он вообще мог подумать такое? Не нужен... Просто я...

– Я его недостойна, – просипела я, качая головой. – Я дала это интервью, я...

– Я тебя спровоцировала!

– Это не отменяет того, что я его предала, Лена! – закричала я, вскакивая. Слезы катились и катились, и я понимала, что еще немного, и у меня случится истерика. Не у Селезневой, блин, а у меня! И скандал закачу ей я!

– Ну предала... Это ты так считаешь, он иначе думает. Он тоже винит себя. И страдает, черт возьми! А я не хочу, чтобы он страдал. Потому что даже если он меня не любит, его люблю я. И кем бы меня ни считал он или ты... – она тоже встала и приблизилась ко мне. А потом тихо произнесла: – Я хочу жить в этой квартире, в общем. Потому и приехала. А ты... ты можешь валить на все четыре стороны. Или к нему.

Я не буду больше палки в колеса вставлять. И не благодари, – уголок её рта искривился в усмешке.

– Но я... – я так и стояла, не решаясь пошевелиться. Первым порывом было обнять Лену, но мне самой страшно стало от этого желания. Нет-нет. Нетушки. Еще я Селезневу не обнимала! – Я только вещи собираю, – выдохнула я и рванула прочь из кухни.

В комнате свалила в сумку вещи первой необходимости. Сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди, руки ходуном ходили. Неужели все это правда? Я его увижу, снова увижу... Как же я по нему соскучилась! По рукам его, по губам, по улыбке, по взгляду... По смеху. По его «не реви!»... По «не реви!» особенно сильно. Я засмеялась и вытерла катящиеся крупными каплями слезы тыльной стороной ладони. Застегнула сумку и, обернувшись на дверь, наткнулась на Лену.

– Только ты очень его береги, – сказала она, я закивала и заплакала еще сильнее.

Все стало невероятно просто! Все мои страхи отступили, и я вдруг осознала, что весь месяц мучила себя и в первую очередь его. Мучила сомнениями, собственными страхами... Я и без того глупая и дурная, а он меня терпит и, я уверена, любит.

– Буду, – прошептала я. – Буду, Лен.

Лена бросила ключи на тумбочку и громко сообщила:

– Я дома!

Я снова не знала, что мне делать, будто бы никогда не жила в этой квартире, будто бы не знала человека, живущего здесь. Будто бы... Будто бы не видела только что вышедшего из спальни Олега много-много лет. Я выпустила ручки, и сумка упала. Цепкий, пристальный взгляд моего тренера тут же устремился к моим ногам. Затем поднялся выше, к моему лицу, задержался на несколько мгновений, и только потом посмотрел на Лену. Хмуря брови. А она, так же хмуря брови, заявила:

– Я выселила её из своей квартиры. Да, папа, я знаю, что ты купил её для меня, – с улыбкой проговорила Лена. – Я возьму кое-что из вещей и уеду. А вы думайте, что дальше делать, потому что обратно я её не пущу... – она по всей видимости ждала какой-то реакции от Олега, но её не последовало. – В общем, я пошла, – тогда Лена разулась и, не снимая верхнюю одежду, ушла в свою комнату.

Я же смотрела на Олега, жадно впитывая в себя его образ. Я и правда не видела его, потому что вот он, мой настоящий Олег, в домашних серых штанах и футболке, обтягивающей сильное подтянутое тело. С копной черных волос, с прядкой, падающей на лоб. И глазами – синими-синими.

Он тоже не двигался с места. Проводив Лену взглядом, вернул его на меня.

Я осторожно перешагнула через свою сумку и подошла. Задрала голову и произнесла:

– Она не против наших отношений.

– А ты? – тихо спросил он, растворяя меня в своем взгляде, ломая все запреты.

– Я... Я просто хочу, чтобы ты был рядом со мной. Я...
– я не договорила, Лена, вышедшая из комнаты, метнулась в ванную, и мы с Олегом вместе проследили за ней. Она забрала что-то с полочки и сунула в рюкзак.

– Я уже ухожу, – она наклонилась, чтобы обуться, но Олег не дал. Приблизившись, взял её за руку и увел в комнату.

Я же разделась, повесила куртку, но не решилась пройти дальше прихожей. Как-то все нереально... Будто бы игра, будто бы Лена могла придумать какой-то коварный план, чтобы я навсегда отстала от её отца. Но, спустя минуты три, они оба вышли из комнаты, и Лена тут же принялась обуваться. Затянув шнурки на ботинках, взяла рюкзак и, окинув нас обоим спокойным взглядом, выговорила:

– Увидимся.

А после ушла.

– Она любит тебя, Олег, – тут же выговорила я. – Любит и хочет, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив, если со мной рядом ты. И она это, кажется, поняла.

Я кивнула и тут же почувствовала тепло его рук. Олег развернул меня к себе лицом и произнес:

– Ты больше не будешь бегать от меня, Яна?

– Не буду, – покачала я головой и прильнула к нему, при-

жалась щекой к его груди и шумно выдохнула. Я слышала. Слышала, как быстро бьется его сердце, и не верила, что он действительно рядом. Что больше нам никто не помеха, в том числе и глупая Яна Абрамова.

– Я люблю тебя, Олег, очень сильно люблю!

Он поцеловал меня в макушку, погладил по спине и обнял еще крепче.

– И я тебя, – услышала я. – Очень сильно. Только попробуй от меня уйти.

Я покачала головой. Не уйду. Никогда от него не уйду. Потому что только в его объятиях я чувствую себя живой. Только в его объятиях я чувствую, что за спиной у меня вырастают крылья. Я много ошибок совершала. И еще обязательно совершу. Но больше никогда не причиню ему боли. Больше никогда не предам его. Никогда.

Эпилог

– И что это значит? – услышала я и резко обернулась. В руках у меня была шоколадка, которую я только что достала из автомата с едой, и взгляд тренера не сулил мне ничего хорошего.

Он потянулся к шоколадке, но я спрятала её за спиной и покачала головой:

– Не дам! Если я её не съем, я сойду с ума!

– Это я сойду с ума, если ты её съешь всю.

– Не буду всю. Обещаю, – улыбнулась я и, вытянув руку

с батончиком вперед, хитро прищурившись, спросила: – Будешь половину?

– Дай сюда, – он, продолжая играть недовольство, забрал у меня шоколад и, распечатав, протянул мне один маленький батончик. Второй забрал себе и тут же откусил. – Ешь, – кивнул на шоколад у меня в руке. – И потом не говори, что я тебя голодом морю.

Я покорно откусила её и, ощутив спасительную сладость, застонала от удовольствия.

– Боже! Это прекрасно!

Я откусила еще один кусочек и, завернув остатки в обертку, сунула Олегу.

– Наелась? – насмешливо поинтересовался он, засовывая шоколадку в карман олимпийки.

– Нет, но, если бы я не съела её, я бы умерла, – искренне проговорила я и, взглянув на Олега, выпалила едва слышно: – Я боюсь.

Он тут же взял мою руку и потянул. Сделав шаг, я оказалась к нему вплотную. Закинув голову, посмотрела ему в глаза и нашла в них то, что мне было так необходимо в эту минуту – уверенность во мне.

Мы стояли в тренировочном зале, мне предстояло выйти на олимпийский лед уже через сорок минут. На огромных экранах показывали прокаты предпоследней группы участниц, но я старалась не смотреть. Пыталась отвлечь себя растяжкой, нарезала круги по залу, слушала музыку и, наконец,

решила слопать шоколадку. В этот момент я невольно оглянулась назад. Туда, откуда начался мой путь наверх, начиная с того самого финала Гран-при два года назад. Тогда я вдруг перешагнула сразу через несколько ступеней и нагнала остальных. А после... После был чемпионат России, где я заняла первое место, за ним – чемпионат Европы, так же ставший победным. На чемпионате мира того сезона я проиграла лишь японке. А на следующий сезон, добавив в произвольную программу еще один четверной, взяла у неё реванш. И этот стремительный взлет не давал мне и секунды, чтобы опомниться и прийти в себя. Только вверх, вперед, не давая себе слабину. Олег взялся за меня серьезно, и иногда на тренировках мне хотелось его придушить. Но... сделать это я могла лишь дома, по нашему с ним уговору разделив личное и работу. Но дома... дома мне уже душить его не хотелось, потому что он становился моим Олегом, ласковым и властным, самым желанным, самым любимым. Я думала, что со временем смогу привыкнуть к нему, насытиться им, быть более спокойной, но... Нет. Каждый день, каждую ночь, я желала его все с той же силой, а, порой, сильнее. И видела, знала, чувствовала – с ним происходит то же самое.

– Ты сделаешь их всех, – окинув зал взглядом, где в том числе разминались и мои непосредственные соперницы, Олег вернул его на меня и чуть заметно улыбнулся. – А если не сделаешь... – глаза его многозначительно сверкнули, а губы мои против воли растянулись в улыбке.

– Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал.

– Потом будешь отрабатывать, – его ладонь коснулась моего оголенного плеча. Затем он склонился и коснулся его губами. – Ты прекрасно готова, Яна, и все, что может случиться, это если в твоей голове что-то переклинит. Отбрось сомнения, ты справишься. Ты лидер после короткой.

– У меня одна сотая преимущества, – тряхнула головой я. – Это ничто.

– Это золотая медаль, Яна, – возразил Олег. – Никто не вспомнит, сколько ты выиграла у второго места. Будут помнить лишь тебя и твою победу.

Я кивнула. Он был прав. Прав, черт возьми.

Набрав в легкие побольше воздуха, я шумно выдохнула и стрельнула взглядом в японку, разговаривающую со своим тренером. Моя главная конкурентка на протяжении двух сезонов. У неё тройной аксель и четверной, у меня два четверных и самый лучший тренер. Тренер, которого я не подведу.

– Ну и что вы тут стоите? – к нам подошла Селезнева и окатила меня рассерженным взглядом. – Ты почему еще не переоделась?! Скоро разминка. Предпоследняя девочка катается! – кивнула на экран, я тоже глянула. Лена была права, произвольную катала кореянка с бежевом платье. За ней только одна из американок и... и все.

– Ты не мой тренер, чтобы мне указывать, – все-таки признавать её правоту мне не хотелось.

Олег подавил смешок, а Селезнева скривила лицо.

– Я помощник твоего тренера, если ты забыла, – процедила она.

А я закатила глаза. Господи, когда я согласилась на это? Полтора года назад Олег заявил, что хочет взять еще одного тренера, который будет помогать ему в работе со мной, и я, конечно же, согласилась. Хорошие специалисты на дороге не валяются, но... когда он привел Лену на каток, я... вот тогда был один из моментов, когда мне хотелось его придушить. Причем прилюдно! Не сказать, что мы Леной были в плохих отношениях в то время, но и приятельницами не были. Не были мы ими и сейчас, спустя время. Мы обе – собственницы, и я видела, что, несмотря на её слова тогда, на кухне, Лена ревнует Олега ко мне. И я. Я тоже ревновала его к ней. Несмотря ни на что. Хоть десять тысяч раз Олег скажет мне, как сильно любит, это не изменит моего отношения к его дочери. Однако мы сработались, как ни странно. И именно Олег стал тем, кто нас объединил. Потому что обеих нас связывало одно чувство: мы обе желали, чтобы он был счастлив. И если он счастлив, когда мы не ругаемся и находимся вместе... Так тому и быть.

– Как я могу такое забыть, – округлив глаза, недовольно выговорила я и тут же наткнулась на взгляд Олега. Он снова погладил меня по плечу и выговорил:

– Иди переодевайся. Лена поможет тебе поправить прическу.

– Конечно, помогу, – с ехидной улыбкой подтвердила она.

– Главное без волос меня не оставь, остальное я вытерплю, – выговорила я и направилась в раздевалку.

Вернулись мы с Леной уже через десять минут. Наедине разговаривали мы мало, и пока она возилась с моими непослушными волосами, уже забранными в высокий пучок, но не перестающими пушиться даже под слоем лака, я открыла телефон и прочитала сообщение сначала от бабушки, которая держала за меня кулачки дома, а потом и от Альки. Она хотела приехать на Олимпиаду, но не смогла – роды. Она прислала мне фото своего сынишки и написала, чтобы без золотой медали в Россию не возвращалась. Отправив три сердечка, я выключила телефон и убрала в сумку. Больше ничего не должно меня отвлекать.

– Готова? – спросил Олег, придирчиво осмотрев меня с головы до пят.

Я уверенно кивнула и протянула свою сумку Лене. Та без слов забрала её.

Едва я ступила на лед, все мои страхи ушли. Остался лишь он, безмолвный и, казалось бы, бездушный на первый взгляд. Но нет, он впитывал частички души каждого, кто сегодня катался. Их мечты и надежды, их смех, их слезы. Ведь у каждой девочки, даже из последней, самой слабой разминки, есть свои цели. И если они здесь, на Олимпиаде, значит прошли огромный путь. Не всем дано выступать в последних разминках, но всем даны шесть минут пятьдесят секунд

борьбы. Шесть минут пятьдесят секунд на Олимпийских играх – разве уже это не достижение?

Я проехала вдоль борта, посмотрела на трибуны, заполненные до отказа и... не чувствовала скованности. Лишь понимание, что это – Олимпиада. Это мои оставшиеся четыре минуты. Мои заключительные четыре минуты на Олимпиаде, за которые я должна сделать все, что умею. То, чему меня научил мой тренер.

Бросила взгляд на Олега и улыбнулась ему. Мой тренер, моя душа и мое сердце. Моя любовь. Мы многое пережили с ним за то время, что были вместе. Были и слезы, и истерики, и бросание коньков в шкафчик в раздевалке, когда особенно что-то не получалось. Но всегда со мной был он. Всегда.

Олег показал жестом выполнить часть вращения, а после отработать прыжки. Я кивнула и сделала все, как он сказал. После подкатила к нему и, сняв олимпийку, протянула через борт.

– Ты готова.

– Я знаю, – я вытащила салфетку из ярко-жёлтой птички-салфетницы и высморкалась. – Но позавчера было проще.

– В короткой всегда проще. Есть чувство, что если что-то не получится, остается шанс в произвольной, – сказал Олег и забрал у меня смятую салфетку.

Каталась я первой в разминке, поэтому за пару минут до

окончания, отведенного на неё времени, снова вернулась к Олегу. Он держал мои руки в своих, крепко сжимая, и смотрел в глаза. На мне опять же было белое платье. Как сказал Олег: «Этот цвет приносит тебе удачу». Впрочем, я катала под композицию «Ave Maria» исполнителя Thomas Spencer-Wortley, и белое платье как нельзя лучше подходило к моему образу.

– «Разминка завершена. Просьба спортсменов покинуть лед», – прозвучало под сводами арены. Девочки, одна за другой, ушли со льда, а я осталась. Олег все не выпускал моих ладоней, и его тепло меня согревало. Не хотелось отпускать его, ведь он всегда был рядом, но... Но это мои четыре минуты. Только мои.

– Иди и откатайся так, как никогда еще не каталась, – это больше походило на приказ, и, я, решительно улыбнувшись, вытащила ладошки из его рук и кивнула. Оттолкнулась от борта и покатила вперед.

Зрители приветствовали мое появление аплодисментами, я вскинула руки и тут же прозвучало представление:

– «На лед, для исполнения произвольной программы приглашается Яна Коршунова, Россия».

Я остановилась в центре и повернулась к Олегу спиной. Я не видела его глаз, но чувствовала кожей. Каждой клеточкой своего тела.

Разлившаяся по стадиону мелодия подхватила и понесла меня вперед. Четыре минуты, и одна сотая преимущества,

которая в данное мгновение ничего не значила...

Я набрала ход и зашла на первый каскад четверной тулуп-тройной тулуп. Взмыла вверх без страха, без жалости к себе, без сомнений.

«Откатайся так, как никогда еще не каталась»... Не просьба – приказ. Разве я могу отказать собственному мужу? Никогда не могла. У меня нет права на отказ. И никогда не было.